К 250-летию Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

О. Ю. БОЙЦОВА

ВЛАСТЬ НОРМЫ И НОРМА ВЛАСТИ

О специфике нормативизма в западной политической науке XX века

МОСКВА 2004

К 250-летию Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

О. Ю. БОЙЦОВА

ВЛАСТЬ НОРМЫ И НОРМА ВЛАСТИ

О специфике нормативизма в западной политической науке XX века

МОСКВА 2004

УДК 32
ББК 66
Б 77

Б 77 **Бойцова О.Ю.** Власть нормы и норма власти: О специфике нормативизма в западной политической науке XX века. – М.: Современные тетради, 2004. – 160 с.
ISBN 5-88289-255-4

Термин «нормативизм» занимает одно из центральных мест в понятийном аппарате политической науки, но в то же время лишен жестко фиксированного содержания и употребляется для характеристики весьма далеких друг от друга интеллектуальных течений. Автор предлагает свой подход к решению задачи концептуализации нормативизма и с помощью модели «тройственной нормативности» анализирует разные грани нормативности в западной политической науке XX в.

Работа рассчитана на специалистов и всех интересующихся политологической проблематикой.

УДК 32
ББК 66

ISBN 5-88289-255-4

© О. Ю. Бойцова, Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004
© Издательство «Современные тетради», 2004

Содержание

Введение 4

Глава 1. **ЧТО ТАКОЕ НОРМАТИВИЗМ?**

§ 1. Нормативизм как исследовательское направление 6

§ 2. Политологи о нормативизме 20

§ 3. Модель анализа нормативизма 36

Глава 2. **«ВЛАСТЬ НОРМЫ» В СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

§ 1. Политическое знание в XX в.: нормативная сила науки 47

§ 2. Поиск нормы политического познания 56

§ 3. Институционализация: нормативное закрепление стандартов и статуса политической науки 71

Глава 3. **ГРАНИ НОРМАТИВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

§ 1. «Власть нормы» и формальный нормативизм 86

§ 2. «Норма власти» и ценностный нормативизм 109

НОРМАТИВИЗМ: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ (*вместо заключения*) 136

Литература 151

Введение

В двадцатом столетии в политической мысли Запада происходили важные изменения, позволяющие говорить о переломном этапе в истории политического познания в целом. Интенсивное взаимодействие между различными направлениями и исследовательскими школами не только способствовало возникновению оригинальных концепций на стыке или даже вне традиционных подходов, но и вело к размыванию границ тех «эвристических ячеек», с которыми при историко-политологическом исследовании соотносится изучаемый объект – будь то строго выстроенная и артикулированная концепция, будь то совокупность взглядов, имплицитно присутствующих в разрозненных текстах. В результате в начале третьего тысячелетия «спецификация» теоретико-методологических подходов оказалась насущной задачей политической науки – без ее решения невозможно ни проследить логику внутренних концептуальных связей исследуемого объекта, ни вписать его в интеллектуальный контекст эпохи, ни определить векторную сетку взаимодействий, участником которых он является.

Изучение западной политической мысли XX в. идет очень активно и в отечественной, и в зарубежной науке, при этом значительное внимание уделяется метадисциплинарным исследованиям, в которых проанализированы основные направления и тенденции развития западной политологии, выделены ее важнейшие достижения и определены наиболее значимые для данной науки позиции[1]. И все же аморфность в характеристике эвристических инструментов и теоретико-методологических направлений политической науки пока еще не преодолена, о чем свидетельствует ситуация, сложившаяся вокруг нормативизма. Наиболее очевидным такое положение дел становится при анализе содержательного на-

[1] См., например: Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 1998. № 3; Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб, 1998; Семеренко И.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов н/Д, 1997; Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8; The development of political science: A comparative survey / Ed. by D. Easton, J.G. Gunnell, L. Graziano. L., 1991; Chester N. Economics, politics and social studies in Oxford, 1900–1985. L., 1986; Somit A., Tanenhaus J. The development of American political science. Boston, 1967.

полнения данного термина. Безусловно, подобный анализ требует тщательной проработки огромного по объему материала и может быть успешным при условии объединения усилий многих ученых. В то же время, внушает оптимизм тот факт, что такого рода работа уже не должна начинаться «с чистого листа» и с полным правом может опираться на результаты исследований отечественных и зарубежных специалистов. При этом особую ценность представляют труды обзорного характера, где благодаря усилиям ведущих отечественных и зарубежных ученых представлена общая панорама современной западной политической науки, обозначены основные направления исследований и главные тенденции развития, выделены важнейшие достижения и определены наиболее значимые позиции зарубежных политологов, работающих в данной отрасли знания[2].

Многочисленные материалы, оказавшиеся в сфере внимания автора настоящей работы, свидетельствуют о том, что проблема нормативизма в политическом познании пока еще далека от решения. Ситуация осложняется тем, что в западной политической мысли — в отличие от других социальных и гуманитарных дисциплин — термин «нормативизм» изначально не использовался ни для самоназвания, ни для обозначения какой-то определенной группы исследователей, имеющих общие теоретические и методологические установки. И в то же время этот термин занимает важное место в понятийном аппарате западной политической науки и активно используется при анализе самых различных исследовательских направлений[3], *хотя при этом сам нормативизм, как правило, оказывается вне анализа. В результате на сегодняшний день его специфика не определена и не является предметом особого рассмотрения, в научном сообществе отсутствует консенсус в вопросе о специфике и основных чертах нормативного подхода, сам термин «нормативизм» не имеет четкого, жестко фиксированного содержания и используется для обозначения различных интеллектуальных реалий, причем не только представителями конкурирующих точек зрения, но зачастую и одним и тем же автором. Все это свидетельствует как о дисциплинарно важном характере проблематики нормативизма, так и о недостаточной степени ее концептуализации в западной политической науке конца XX в.*

Настоящая работа представляет собой попытку если и не решить задачу «спецификации» нормативизма, то, по крайней мере, наметить общие контуры подхода к этой проблеме.

---

[2] Ограничимся указанием нескольких изданий: Политическая наука: новые направления. М., 1999; Зарубежная политология в XX столетии: М.: ИНИОН РАН, 2001. Вып. 2; Политическая наука на рубеже веков. М.: ИНИОН РАН, 2000. Вып. 4; Зарубежная политическая наука: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 1990. Вып. 1–3; Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001; Political science: The state of the discipline I, II / Ed. by A. Finifter. Washington, 1983–1993. Politikwissenschaft: Eine Grundlegung / Hrsg. v. K. von Beyme. Stuttgart-Berlin-Koln-Mainz, 1987.

[3] Так, например, из тридцати пяти статей сборника «Политическая наука: новые направления» только семь не содержат упоминания о нормативизме и нормативной проблематике. См.: Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ «НОРМАТИВИЗМ»?

§ 1. Нормативизм как исследовательское направление

Спецификацию нормативизма как инструмента политического познания следует начать с рассмотрения практики использования данного термина как в политологическом дискурсе, так и в рамках других дисциплин. Как известно, термин «нормативизм» используется в различных отраслях знания, многие из них послужили «донорами» политической науки, обогатив политические исследования концептуально, терминологически и методологически. В этой связи в первую очередь заслуживают внимания правоведение и социология, а также культурология и философская аксиология, кроме того, определенный интерес представляет литературоведение, в которых дисциплинарная саморефлексия занимала более длительный период и оказалась более развита по сравнению с политической наукой.

В наибольшей степени нормативизм концептуализирован в правоведении[4], где этим термином обозначается совершенно определенная традиция анализа правовой действительности. В этой дисциплине основную оппозицию образуют естественно-правовой и позитивистский подходы. Разногласие между ними обусловлено признанием различных источников правообразования: в первом случае это природа человека, во втором — государство. Естественно-правовые теории утверждают первичность основных прав и свобод по отношению к законодательству и рассматривают последнее как результат объективации неотъемлемых прав человека, присущих ему от природы. Соответственно, они разделяют естественное и позитивное право и анализируют степень соответст-

[4] См: Право XX века: Идеи и ценности. М.:ИНИОН, 2001; История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000; Гуторов В.А. История политических и правовых учений. СПб., 2000; История политических и правовых учений. М., 1999; История политических и правовых учений. XX век. М., 1995.

вия реально существующих правовых систем естественно-правовым нормам. Концептуально соединяя право и нравственность, этот подход дает оценку правовой действительности как справедливой или несправедливой.

В рамках позитивистского подхода утверждается приоритет «объективного права» — т.е. установленного государством свода норм, кодифицированных в виде законов. Согласно этой трактовке, именно государство делегирует субъективные права и определяет юридические обязанности. Отождествляя право и закон, позитивистские теории сосредоточены на изучении структуры права, оснований юридической ответственности, а также классификации норм и нормативных актов. При этом в качестве структурных элементов права выделяются правосознание, правоотношение и собственно норма права. В зависимости от того, какой из этих элементов признается базовым, позитивистские теории подразделяются, в частности, на психологические, социологические и нормативистские (различие между ними не столько методологическое, сколько концептуальное).

Психологическая правовая теория, представленная такими учеными, как Л.И. Петражицкий, Г. Еллинек, А. Меркель и др., видела позитивность права в определенных проявлениях чувств и представлений людей. Так, Л.И. Петражицкий в работе «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» (1867–1931) определяет право как специфическую психическую реальность, а именно, как совокупность правовых эмоций, имеющих императивно-атрибутивный характер и в силу этого выступающих в качестве регулятора человеческого поведения. Хотя психологическая теория признает, что источником объективного права является государство, право рассматривается преимущественно как явление индивидуальной психики. Согласно данному подходу, нормы права и правовые отношения имеют значение тогда, когда превращаются в часть личностной мотивации. Так, например, Петражицким правовая психика трактуется как подчиняющаяся двойной мотивации — с одной стороны, это сознание долга (пассивная этическая мотивация), с другой — сознание «управомоченности» (активная правовая мотивация). Различая право и нравственность, Петражицкий считал важнейшим свойством последней добровольность в исполнении обязанностей, в то время как право связывал с принудительностью. Эту принудительность он описывал как «императивно-атрибутивную» характеристику. Последняя, собственно, подразумевает как поощрение, так и принуждение индивидов к использованию прав и исполнению обязанностей. В результате действия этих мотиваций, согласно Петражицкому, формируется устойчивая система социального поведения, которая и составляет правовой порядок.

В противовес этому подходу, социологическая правовая теория, восходящая к идеям солидаризма Л. Дюги, «свободного судейского усмотрения» Е. Эрлиха и «инструментального прагматического подхода» Р. Паунда, рассматривает в качестве основы понятия «право» защищенное государством общественное отношение и подчеркивает роль права как средства социального контроля и достижения социального равновесия. При этом собственно правом

считается порядок, определяющий отношения в обществе, а правосознание и нормы квалифицируются как его признаки. Так, Л. Дюги полагал, что право имеет ценность само по себе, и его действенность несовместима с принципом принудительной власти[5]. Правители должны подчиняться «правовому правилу», конституирующему общество. В основу такой конституирующей деятельности он помещал, с одной стороны, солидарность, которую трактовал как «факт самой социальной структуры», обусловленный разделением труда, и, с другой — социальную норму, нарушение которой сопряжено с «социальной реакцией». Поэтому он полагал, что «современный человек может основать всю политическую и социальную систему на постулате нормы поведения, обязательной для всех»[6]. Согласно Р. Паунду, цель права состоит в примирении конфликтующих интересов. Сами интересы ученый связывал с определенными ценностями, которые трактовал как вечные идеальные начала. Средства контроля исторически изменчивы, в современном обществе его осуществляет государство через систему права. Исходя из того, что «государство существовало до конституции, семья старше семейного уклада, владение предшествует собственности, договоры существовали до появления права договоров»[7], Е. Эрлих ввел понятие «живое право», понимая под ним «право, определяющее саму жизнь, даже если оно не содержится в предписаниях»[8], в целях продемонстрировать, что центр тяжести права находится не в законодательстве, а в самом обществе.

Социологические правовые теории настаивают на необходимости исследовать не столько нормы и их преломление в сознании людей, сколько совокупность сложившихся в обществе правовых отношений. Они усматривают позитивность права «в определенных способах поведения людей, человеческих союзов и так называемого «правового штаба» — совокупности органов юстиции и администрации»[9].

Несмотря на то, что нормативная проблематика находится в центре внимания всех правоведческих доктрин, разработка собственно нормативистской правовой теории связывается с трудами австро-американского ученого Г. Кельзена. Основные положения его концепции, получившей название нормативизма, изложены в работах «Главная проблема учения о государстве» (1911), «Всеобщее учение о государстве» (1925), «Истинное учение о государстве» (1934) и «Чистая теория права» (1934)[10]. Кельзен полагал, что право есть система взаимосвязанных и взаимодействующих норм, изложенных в специфических текстах (нормативных актах), которые регулируют наиболее важные общественные отношения, т.е. представляет собой специфический порядок власти и

---

[5] См.: Гуторов В.А. История политических и правовых учений. СПб., 2000. С. 61.

[6] Цит. по: История политических и правовых учений. М., 1999. С. 672.

[7] Цит. по: Право XX века: Идеи и ценности. С. 269.

[8] Цит. по: Право XX века: Идеи и ценности. С. 269.

[9] Право XX века: Идеи и ценности. С. 54–55.

[10] См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве // История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000; Чистое учение о праве Ганса Кельзена. М.: ИНИОН, 1987, 1988. Вып. 1-2.

организацию власти. «Определяя право как норму (или, точнее, как систему норм, как нормативный порядок) и ограничивая задачу правоведения познанием и описанием правовых норм и установленных ими отношений между определенными фактами, — пишет Кельзен, — мы противопоставляем право природе, а правоведение как нормативную науку — всем тем наукам, которые направлены на познание причинно-следственных связей в реально протекающих процессах. Таким образом, мы получили надежный критерий, позволяющий четко противопоставлять природу обществу и естественные науки — общественным... Общество как предмет такой, отличной от естественной, науки есть нормативный порядок человеческого поведения»[11].

Согласно Кельзену, правовая реальность ни в коей мере не зависит от того, как она соотносится с «естественным правом», с идеями блага и справедливости или другими ценностями. Ее бытие объективно и зафиксировано в кодифицированных нормах. Кельзен трактовал право как специфическую социальную технику: нормы по сути своей являются объективацией воли государства, которое не только провозглашает ее, устанавливая законы, но и обеспечивает ее реализацию различными способами, вплоть до принуждения. Таким образом, право выступает в качестве инструмента политики, которая представляет собой деятельность, направленную на ценности. При этом право является не только средством, но одновременно и детерминантой, поскольку оно определяет допустимые рамки политической активности. Так, в правовом нормативизме государство трактуется как законный правовой порядок, при котором функции управляющих и управляемых четко разделены. «Для Кельзена и его сторонников, — утверждает, в частности, швейцарский исследователь В. Отт, — характерны идентификация государства с правовым порядком в обществе, понимание под «действенностью» права его нормативное действие и перенос центра права с факта на правовую норму.»[12]

В правовом нормативизме правоотношениям и правосознанию придается вторичный характер — они, как и правовое поведение в целом, рассматриваются как результат функционирования норм: с одной стороны, право выступает в качестве формально-логической основы правосознания граждан, с другой — позволяет определить правовые отношения, четко обозначая права и обязанности субъектов, а также меры и средства государственного принуждения. Нормативизм проводит резкую границу между правовыми нормами и правовыми суждениями. Правовые нормы не являются высказываниями об объекте познания, они могут быть действенными и не имеющими силы. В свою очередь, правовые суждения, в отличие от норм, могут быть истинными или ложными. Согласно Кельзену, общее между этими феноменами заключается в том, что и те и другие содержат долженствование. Однако первые придают долженствованию свойство императива, требования, а вторые — дескриптивный, констатирующий характер. Само же право, по мнению Кельзена, представляет собой

[11] Кельзен Г. Чистое учение о праве. Гл. 17. Каузальная наука и нормативная наука. С. 485.
[12] Цит. по: Право XX века: Идеи и ценности. С. 54.

логически стройную иерархическую систему, в которой сила и законность каждого кодифицированного установления зависят от «вышестоящей» нормы, обладающей более высокой степенью юридической силы. Нарушение любой нормы связано с применением строго определенной санкции, и этим обусловлена их действенность в правовом контексте. Вершину выстроенной таким образом пирамиды образует «основная норма», которая составляет фундамент правопорядка и в качестве таковой не выводится, а постулируется: «будучи наивысшей нормой, она должна постулироваться, так как не может быть установлена властной инстанцией: ведь в противном случае компетенция этой инстанции должна была бы основываться на какой-то еще более высокой норме. Действительность наивысшей нормы не может выводиться из какой-то более высокой нормы, и уже больше не может возникать вопроса об основании ее действительности»[13]. «Основная норма» обладает максимальной юридической силой. Она призвана обеспечивать легитимность и общезначимый характер всех принимаемых юридических актов: «все нормы, действительность которых можно вывести из одной и той же основной нормы, образуют систему норм, нормативный порядок... Основная норма определяет основной фактор правотворчества, так что ее можно назвать конституцией в смысле правовой логики... это исходный пункт процедуры создания позитивного права»[14].

Нормативизм утверждает, что общая теория права должна быть сосредоточена на исследовании законодательных норм и их взаимоотношений, а также на выявлении структуры правопорядка. Тем самым она должна выводить понятия исключительно из содержания кодифицированных норм, оставляя в стороне вопросы, связанные с мотивами поступков людей и их намерениями по отношению к закону. Тем самым нормативизм признает, что правоведение должно описывать свой объект как он есть, игнорируя деонтологическое измерение правовой реальности. Это обусловлено тем, что в рамках логики и позитивной теории невозможно установить истину в вопросе о ценностях в праве, поскольку зависимость науки от фактов не позволяет ни оценивать правовые феномены в соответствии с их значением для человека, ни вносить в нормы какие-либо изменения, руководствуясь моральными, религиозными, политическими и иными соображениями. Поэтому «наука о государстве и праве возможна только в том случае, если она основана на принципиальном логическом изолировании долженствования (Sollen) от бытия (Sein). Наука о праве относится к сфере долженствования, равно как и само государство»[15].

С точки зрения Кельзена, исследование «чистого права» предполагает наличие строгой теории познания: «чистое учение хочет представить право таким, каково оно есть, а не каким оно должно быть; оно интересуется реальным и

---

[13] См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. Гл. 34. Основание действительности нормативного порядка: основная норма. С. 487.

[14] См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. Гл. 34. Основание действительности нормативного порядка: основная норма. С. 487.

[15] См.: Гуторов В.А. История политических и правовых учений. СПб., 2000. С. 61.

возможным, а не «идеальным» или «подлинным» правом. В этом смысле чистое учение о праве есть радикальная реалистическая теория, т.е. теория правового позитивизма. Оценивать позитивное право оно отказывается. Чистое учение о праве считает, что в качестве науки оно обязано лишь вникнуть в сущность позитивного права и понять его с помощью анализа его структуры. В особенности оно отказывается служить поставщиком «идеологий» для каких бы то ни было политических интересов — «идеологий», посредством которых можно было бы оправдать или осудить существующий социальный порядок»[16].

Итак, несмотря на то, что в правоведении нормативная проблематика универсальна и в силу специфики этой дисциплины разрабатывается в рамках всех направлений, тем не менее термин «нормативизм» жестко закреплен за особой разновидностью позитивной теории права. Под нормативизмом в правоведении понимается теоретико-методологический подход Г. Кельзена и его последователей, сосредоточенный на анализе формально-логической структуры правовых институтов и выносящий за скобки ценностно-нравственные аспекты нормативного регулирования.

Еще одной дисциплиной, в рамках которой степень концептуализации нормативизма достаточно высока, является литературоведение[17]. В этой дисциплине нормативизм связывался со стандартизацией литературного процесса в рамках определенных жанров. Считается, что именно жанр задает определенные универсальные параметры текста, включая стилистическую тональность. В силу этого в нормативном литературоведении жанр выступает в качестве центрального понятия истории литературы и основы построения поэтики. Истоки нормативизма в рамках данной дисциплины усматриваются в учении Аристотеля, сформулировавшего жанровый подход к анализу литературного процесса. Впоследствии аристотелизм послужил фундаментом общепризнанной классификации языковых стилей.

В середине XX в. нормативизм в западном литературоведении был представлен, например, чикагской школой[18], выступавшей за жанровый подход — т.е. за трактовку текста как коллективно ориентированного и завершенного целого повествования, подчиненного строго определенным стандартам. Против нормативизма выступала так называемая «новая критика», вдохновителем которой был Б. Кроче[19]. Он рассматривал текст как самовыражение духа, как контекст того или иного речевого жеста, парадокса, смысловой амбивалентности. Тем самым в противовес нормативистской универсальности подчеркива-

---

[16] См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. Гл. 26. Отрицание долженствования; право как «идеология». С. 486.

[17] См.: Шайтанов И. Жанровое слово у Бахтина и формалистов // Вопросы литературы. 1996. № 3; Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986; Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М.,1993; Rader R.W. The Concept of Genre and the Eighteenth-Century Studies // New Approaches to Eighteenth-Century Literature: Selected Papers from the English Institute / Ed., introd. by Ph. Harth. N.Y. - L., 1974.

[18] См.: Critics and Criticism / Ed. by R. S. Crane. Chicago, 1963.

[19] См.: Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика. Ч. I. Теория. М., 1920.

лась «свобода языка» и уникальность, индивидуальность каждого литературного произведения, отсутствие жесткой директивности со стороны жанровых стандартов.

Итак, в литературоведении термин «нормативизм» также достаточно жестко связывался с определенной научной школой. Теоретико-методологические установки нормативизма ассоциировались с формализмом и универсализмом, директивностью и отсутствием спонтанности.

В отличие от правоведения и литературоведения, в социологии[20] нет столь четкой корреляции термина «нормативизм» с конкретной исследовательской традицией. Как правило, нормативизм трактуется как методологический подход, исходящий из норм как основы «единообразия человеческого поведения, имеющий место несмотря на бесконечную вариабельность индивидуальных мотивов действия» и возникший «в результате синтеза идей ряда социологических школ: изучения «традиционного общества» и механизмов его функционирования в трудах Спенсера, Самнера, Боаса, Дюркгейма, психологической схемы объяснения человеческих действий на основе «подражания» (Тард и др.) и типологии форм рациональности человеческого поведения, разработанной М. Вебером»[21]. Таким образом, в число нормативных попадает значительное число концепций, однако все они объединены позитивистской ориентацией.

В качестве наиболее разработанной социологической нормативной концепции выступает теория социального действия Т. Парсонса, определяемая как «нормативизм», «нормативный рационализм», или — в трактовке ведущего представителя неофункционализма Дж. Александера — «нормативный идеализм»[22]. Специфика этого подхода заключается «в трактовке действия как следования нормам, как символически регулируемого и изнутри направляемого усвоенными индивидом социальными ценностями и нормами»[23], в стремлении «построить модель объяснения действия, которая бы рассматривала желания и убеждения действующего в качестве реальных причин действия», и при этом «предполагаемая модель должна накладывать социально нормативные ограничения на выбор наилучшего способа действия, позволяя, таким образом, гарантировать выполнение минимальных условий существования социального порядка»[24].

---

[20] См.: История теоретической социологии. Т.1–4. М., 1998–2002; Современная западная социология: Словарь. М., 1990; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Смелзер Н. Социология. М., 1994.

[21] Киссель М. Нормативизм социологический // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 228.

[22] См.: История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998; Современная западная социология: Словарь. М., 1990; Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов/Д., 2001; Alexander J.C. The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. L., 1984; Alexander J.C. Formal and substantive voluntarism in the work of Talcott Parsons // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. №2.

[23] История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998. С. 157.

[24] Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов н/Д., 2001. С. 152–153.

Согласно теории Парсонса, для обеспечения определенного уровня социальной консолидированности необходимо согласование целей, задач и процессуальной последовательности совместных действий, а также критериев оценки достигнутых результатов с точки зрения их эффективности и социальной приемлемости. Эти задачи решаются посредством социального регулирования — определенных механизмов упорядочивания форм коллективного общежития и взаимодействия людей. Такие механизмы носят конвенциональный характер и могут существовать в некодифицированном (обычаи, традиции) и кодифицированном (законодательство) виде.

В нормативном идеализме Парсонса норма трактуется как «стандарт действия, регулирующий поведение людей в определенной социальной сфере и характеризующий принадлежность человека к конкретной социальной группе»[25]. Нормы устанавливают допустимые в рамках данной социальной группы границы деятельности: фиксируемое нормой правило поведения носит общезначимый характер и подкрепляется определенной санкцией, предусматривающей одобрение или порицание за соблюдение или нарушение данного правила. В этом позиция Парсонса близка к правовому нормативизму.

Нормативная упорядоченность человеческих действий, с точки зрения Парсонса, заключается в следовании субъектов установленным правилам и ожидании такого же поведения от других. Таким образом, социальная норма — то, что объединяет в действие определенного типа поступки разных людей, наделяемые ими различным субъективным смыслом. Парсонс выделяет, в частности, общесоциальные нормы, упорядочивающие общество в целом и составляющие его группы, и нормы, действующие в отдельных социальных сферах, — экономические, политические, моральные, коммуникативные и пр.

В отличие от правоведения, в социологических концепциях, как правило, признается, что нормативное регулирование не носит абсолютного, жестко детерминирующего характера. Для социологии значимым фактором является сохранение у субъекта возможности выбора — следовать предписываемым правилам поведения или нарушать норму. Важно и то, что в обществе сосуществуют различные нормативные системы, и их переплетение оставляет определенную «свободу маневра», хотя и чревато опасностью конфликта. Тем не менее, несмотря на относительную «мягкость» нормативного регулирования, оно имеет важное значение и для социального целого, и для индивида. Как показали Э. Дюркгейм и Р. Мертон, разрушение нормативных систем и утрата ими регулятивной функции ведет к разрушающей общество аномии. Такой подход к пониманию норм с необходимостью связан с включением в социологическую теорию аксиологической проблематики: во-первых, ценности служат основанием общезначимости нормативных установок и, во-вторых, ценностям самим по себе присуща функция нормативного регулирования.

---

[25] Киссель М. Нормативизм социологический. С. 228.

М. Вебер, которому принадлежит приоритет в разработке социологической аксиологии, рассматривал ценности как телеологическую основу действия[26]. Он полагал, что социология изучает поведение лишь постольку, поскольку индивид вкладывает в него определенный смысл. «Социальным» действие становится при соблюдении двух условий: во-первых, если оно обладает некой степенью рациональной осмысленности с точки зрения достижения некой цели; во-вторых, если оно ориентировано на ответное поведение (реальное или возможное) других людей. Осмысленность человеческому действию придает соотнесенность с определенными ценностями, в свете которых определяются цели людей. Таким образом, социальная норма, выступающая в качестве основы социального действия, тесно связана с определенными ценностями, и эту связь можно и должно фиксировать эмпирическим путем и принимать в качестве объективного факта.

Такой подход породил традицию использовать понятие «ценность» в рамках соотнесения действий людей с функционированием социальных институтов. Отношение к ценностям как факторам, обусловливающим определенные действия, проявляется, например, в работе У.А. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920), где они характеризовали ценности как правила поведения, с помощью которых «группа сохраняет, регулирует и распространяет соответствующие типы действия среди ее членов»[27].

Несколько по-иному решает проблему соотношения норм и ценностей Парсонс. С одной стороны, он следует за В. Парето, полагая, что общими корнями типов поведения и социального выражения чувств являются некие «нормативные остатки», фиксирующие желательность чего-то определенного. «Конкретный вид «остатков», посредничающий между этим чувством и порождаемой им рассудочной «не-научной» (у Парето «нелогичной») деятельностью, выступает в роли «конечных целей», целей-в-себе, иначе называемых «ценностями»»[28]. С другой стороны, Парсонс продолжает традицию, идущую от О. Конта и Э. Дюркгейма, которые утверждали, что основой социальной целостности служит консенсус относительно фундаментальных, наделенных абсолютным авторитетом ценностей. У Конта эта идея выразилась в учении о всеобщем согласии и обожествлении общества, у Дюркгейма – в теории «коллективного сознания» и морального долга как средства нормативного контроля. В концепции Парсонса ценности и нормы рассматриваются как «независимые переменные», применяемые для изучения социальных систем: «ценности... суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обяза-

---

[26] См., например: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Западноевропейская социология XIX–XX вв.: Тексты. М., 1996; Очерки по теоретической социологии XX столетия: От М.Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму. М., 1994; История теоретической социологии. Т. 2. М., 1998; Арон Р. Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис. 1993. № 2.

[27] Цит. по: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 133.

[28] Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. Т. 3. С. 164.

тельств. Нормы, основная функция которых — интегрировать социальные системы, ...не только включают элементы ценностной системы, ... но и содержат конкретные способы ориентации...»[29] Ценности являются средством придания общеобязательного статуса нормам (прежде всего моральным) и в силу этого являются высшими принципами, обеспечивающими консенсус в социальных группах и в обществе в целом.

Итак, в социологии нормативная проблематика связывается преимущественно с вопросами социального регулирования и социальной идентификации. При этом в нормативизме присутствует и аксиологическое измерение, которое связывается не с оценочными суждениями, квалифицирующими социальные институты или социальные действия как «хорошие» или «плохие», справедливые или несправедливые, а с определением функций и роли ценностей в механизмах социальной регуляции и социальной идентификации. Тем самым термин «нормативизм» соотносится с позитивным, а не с ценностным познанием социальной реальности.

В культурологии рассмотрение нормативной регуляции жизни общества связано с выдвижением на первый план именно аксиологических аспектов, а именно — ценностно детерминированных норм упорядочения совместного существования людей, а также способов их интерпретации в различных культурах[30]. Широко распространено толкование культуры как совокупности всех ценностей, созданных человечеством, и, соответственно, признание ценностей специфическим объектом культурологического анализа. Тем самым культурология предстает в качестве дисциплины, изучающей механизмы порождения, векторы и стадии изменения ценностей в конкретных формах их представленности. Роль ценностей усматривается в суммировании достижений цивилизации в различных областях человеческой практики.

Одной из базовых составляющих культурологического исследования служит интерпретация культуры как регулятивно-нормативной области, задающей определенные нормативные модели. Под нормой в данной дисциплине понимается стандарт культурной деятельности, который (а) способствует фиксации социального опыта, (б) свидетельствует о принадлежности людей к конкретным социальным и культурным группам, (в) выражает представление индивида о должном и желательном. При этом нормативное регулирование рассматривается как основанное на добровольном и сознательном принятии человеком распространенных в данной культуре правил поведения. В функциональном плане нормы считаются средством преодоления неопределенных ситуаций

---

[29] Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 18. См. также: Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 365–369. В работе «Социальная система» Парсонс пишет также о том, что ценности — это «неэмпирические объекты, вызывающие благоговейное отношение» (Parsons T. The Social System. Toronto-Ontario, 1966. P. 367–383.)

[30] См.: Культурология XX век: Энциклопедия. СПб., 1998; Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994; Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1994; Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.

путем минимизации фактора случайности. Таким образом, в рамках данной дисциплины акцентируется предсказуемость поведения людей в рамках определенной социокультурной общности, достигаемая посредством нормативного регулирования.

Культурологи проводят таксономию норм по уровню общности, а также по степени обязательности выполнения и свободы их выбора в неопределенных ситуациях: в первом случае нормы разделяются на общечеловеческие, национальные, классовые, групповые, межиндивидуальные и пр.; во втором они распределяются по линии «строго обязательные — факультативные». Обязательные нормы отличаются однозначностью предписаний и наличием строгих санкций за их нарушение, их действие обычно относится к правовой или производственной сферам. В случае «факультативного» регулирования подчеркивается нормативная вариативность. Это означает, что культурная традиция связана с избыточностью средств по реализации соответствующих функций, т.е. в ее рамках могут сосуществовать несколько стандартных образцов, и для индивида выбор между ними жестко не определен. Сферой действия таких норм выступает, например, частная жизнь.

Культурология большое внимание уделяет проблеме изменчивости норм, исходя из того, что действие норм ограничено во времени и культурная динамика неразрывно связана с нормотворчеством. Признавая, что нормы не абсолютны и не являются застывшими образованиями, культурология исследует особенности их эволюции — переживаемые ими периоды зарождения, утверждения, ослабления, утраты стабильности и разрушения. В центре внимания оказываются специфика нормативных структур в различных культурно-исторических общностях, а также различия между реальным наполнением и функционированием одних и тех же норм, действующих в разных социальных общностях и в разные исторические периоды.

Так, рассматривая исторические способы социализации и инкультурации индивидов, культурология выделяет в качестве форм нормативной рефлексии традиционного общества мифы, сакральные тексты, теологию и религиозную философию, кодифицированные законы гражданского права, этические и эстетические теории, литературу и пр. Развитие этих форм лежит в основе организационного оформления институтов регулирования важнейших сфер социальной практики — бюрократии, армии, суда, церкви, школы и т.д. Развитие этого процесса на стадии индустриального общества связано с растущей нормализацией различной специализированной деятельности, которая охватывает все новые и новые сферы и стандартизирует социальные интересы и потребности на основе рекомендуемых образцов. При этом функции стихийной саморегуляции оттесняются преимущественно в область обыденных межличностных взаимодействий, где допускается нормативная вариативность и определенная свобода в вопросах индивидуальной рефлексии и интерпретации личностью социально-культурных норм. Постиндустриальное общество соотносится с максимальной нормализацией социального общежития и деятельности, так и идейно-мировоззренческих установок людей. При этом снижается вариатив-

ность, и нормы предельно стандартизируются благодаря воздействию системы образования и средств массовой информации, унифицирующих социальные образцы, которые лежат в основе целеполагания.

Следует отметить, что в рамках культурологии проблема концептуализации нормативизма как отдельного теоретико-методологического подхода не приобрела особого значения. В то же время в этой дисциплине присутствует консенсус в отношении к нормативной проблематике. Так, она исходит из признания норм конституирующим фактором социально-культурной реальности. При этом разработка аксиологической проблематики в культурологических теориях преимущественно не связана с оценочными суждениями: анализ ценностной системы как важнейшего компонента культурного пространства, сравнение образцов и механизмов нормативной регуляции основываются на анализе сущего, а не фиксации должного, оценочные характеристики выносятся за пределы дисциплины.

Что касается философского знания, уровень концептуализации нормативизма здесь очень незначителен — разброс мнений достаточно велик. Для целей настоящей работы определенный интерес представляет философская аксиология как учение о сущности, происхождении и функциях ценностей, поскольку именно эти положения во многом определили специфику трактовки нормативизма в политической науке[31].

Для философской аксиологии фундаментальной проблемой является обоснование возможности существования ценностей в структуре бытия, т.е. определения их онтологических, гносеологических и социологических аспектов. Дихотомичными подходами являются констатация объективного существования ценностей в качестве особых сущностей, образующих надындивидуальную реальность, с одной стороны, и отнесение их индивидуальной реальности — признание их предметами, значимыми для субъекта, или характеристикой оценочной деятельности личности, с другой.

Так, например, баденская школа неокантианства рассматривает ценности как бытие нормы[32]. В теории В. Виндельбанда ценности — это надвременные, внеисторические нормы и принципы, которые не только служат критерием «существенного» при оценке конкретных исторических фактов, но и определяют саму специфику человеческой деятельности как таковой. Общезначимая ценность не есть нечто реальное, это идеал, носителем которого выступает трансцендентальный субъект, то есть сознание вообще, — сознание как

---

[31] См.: Ценности культуры и современная эпоха. М., 1990; Чавчавадзе Н.Э. Культура и ценности. Тбилиси, 1984; Философия и аксиология. Велико Търново, 1993; Культурология. XX век: Антология. Аксиология, или Философское исследование природы ценностей. М., 1996; Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

[32] См., например: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998; Риккерт Г. О границах естественнонаучного образования понятий. М., 1903; Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1998; Виндельбанд В. История философии. СПб., 1898; История теоретической социологии. Т. 2. М., 1998; История философии: Запад — Россия — Восток. Кн. 3. М., 1999.

источник и основа всяких норм. Другой виднейший представитель баденской школы Г. Риккерт писал: «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности. Но ценности связаны с действительностью, и связь эту можно мыслить, как мы уже знаем, в двух смыслах. Ценность может, во-первых, таким образом присоединяться к объекту, что последний делается тем самым благом, и она может также быть таким образом связанной с актом субъекта, что акт этот становится тем самым оценкой»; «О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости»[33]. Таким образом, способом бытия нормы в неокантианстве является ее значимость для субъекта. При этом все нормы соотносятся с надындивидуальным сознанием, в котором они существуют как идеальные образцы. С этой точки зрения нормы составляют общий план всех функций культуры и определяют каждое отдельное осуществление ценности. Решая проблему соотношения ценностей и политики, Риккерт исходил из различия политических и культурных ценностей. Он полагал, что «нельзя ... безапелляционно отождествлять культурную жизнь с жизнью государственной. Ибо, как бы ни было верно, что ... вся высшая культура развивается только в государстве и что потому может историческое исследование и вправе ставить государственную жизнь на первый план, — все же многое, как, например, язык, искусство и наука, в своем развитии отчасти совершенно не зависит от государства; достаточно только вспомнить о религии, чтобы сделалось ясно, насколько невозможно подчинить все культурные блага государственной жизни и соответственно этому все культурные ценности политическим»[34].

Представитель еще одного аксиологически ориентированного философского течения, феноменологии, М. Шелер также считал ценности объективными сущностями, выступающими по отношению к индивиду в качестве внешних норм и задающими онтологическую основу личности. В работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913–1916) Шелер разграничил область реального как сферу инстинктов, влечений и потребностей, а мир идеального — как царство истин, ценностей и идей. Его аксиология построена на постулате «материального априори» — способности человека «чувствовать ценности» до всякого жизненного опыта и до того, как будет сформировано понятие о них. Самоочевидные, объективные, чувственные, априорно данные и в силу этого абсолютные ценности составляют основу шелеровской «материальной этики ценностей». Абсолютные ценности он отличает от конкретных исторических форм их существования, которые носят относительный характер. Тем самым он обозначил дуализм мира ценностей как идеальных заданий и наличного реального бытия, не способного реализовать их.

---

[33] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 55, 94.

[34] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 59.

Формы социальности Шелер выводит из «витальной сферы». С его точки зрения, в реальных социальных институтах, таких, как государство, хозяйство и институт брака, воплощаются три изначальных влечения — инстинкт власти, чувство голода и половое влечение. В соответствии с принципом дуализма он противопоставляет личность как носителя ценностей эмпирическому субъекту, понимаемому как средоточие инстинктивных влечений. Таким образом, постичь ценности — даже в их относительной форме — оказывается возможным только на уровне духовно-личностного общения. Познать ценности, с точки зрения Шелера, можно только при помощи «логики чувства», а переживание ценностей может выступать в виде вчувствования, сочувствия, любви, ненависти, симпатии и пр. Высшая же ценность объекта, по его мнению, может быть доступна только в акте мгновенного озарения[35].

Важным вопросом для философской аксиологии является вопрос об их универсальности. Он связан с определением онтологического статуса ценностей и норм. Ограничение степени общезначимости ценностно детерминированных норм связано с позицией аксиологического релятивизма и плюрализма, которые представлены в концепциях О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и пр. Фундаментальная установка этих концепций заключается в признании многообразия форм социальной организации человечества, каждая из которых обладает своеобразной системой ценностей. Ценности рассматриваются как основа всех проявлений социальной жизни в рамках конкретных обществ и не транслируются в другие культуры[36]. При этом различные цивилизации рассматриваются как ценностно-эквивалентные.

Таким образом, даже краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что нормативизм в социально-гуманитарных дисциплинах концептуализирован не в равной мере. Однако можно признать, что во всех случаях, за исключением философской аксиологии, нормативизм связывается с жестко определенным способом познания — соответствующие данному подходу теории выступают как исследующие нормы и как подчиняющиеся нормам (в качестве последних можно рассматривать общенаучные эвристические принципы), а не как устанавливающие нормы и оценивающие на их основании постигаемую реальность. В связи с этим более очевидной становится специфика понимания нормативизма в политическом познании, для выявления которой необходимо рассмотреть практику использования данного понятия в политологическом дискурсе.

---

[35] См.: Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997; Огурцов А.П. Шелер // Современная западная философия. Словарь. М., 1991; Проблема человека в западной философии. М., 1989; Проблема ценности в философии. М.-Л., 1966.

[36] Так, А. Тойнби насчитывает в истории человечества около тридцати «локальных цивилизаций» с автономными ценностными структурами, из которых к середине XX в. сохранилось только семь, а О. Шпенглер говорит о восьми разновидностях подобных «высших культур». См.: Тойнби А. Постижение истории. М., 1996; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. СПб, 1996; Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993; Тавризян Г.М. О. Шпенглер, Й. Хёйзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989; Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Дж. Тойнби: Критический очерк. М., 1980.

§ 2. Политологи о нормативизме

Для определения специфики нормативизма в современном дискурсе политической науки, необходимо рассмотреть основные трактовки данного термина, а также практику его употребления, в частности, спектр противопоставлений нормативизма другим подходам[37]. Разброс мнений о том, что, собственно, следует понимать под нормативизмом, довольно велик. Наиболее часто представлена точка зрения, согласно которой «нормативизм» есть подход, ориентированный на анализ политических идеалов и выяснение того, каким способом можно обеспечить наилучшее, «идеальное» правление — т.е. достичь оптимальной организации общества. Нормативная постановка проблемы связывается, например, со следующими вопросами: «какие общественные институты в наибольшей степени подходят для создания «правильного» правительства и социетальных отношений?» (Б. Ротстайн); «в состоянии ли мы создать такие институты, которые способствовали бы мотивации, основанной, по нашим убеждениям, на таких нормативных представлениях, которые являются благом сами по себе или ведут к достижению благих и справедливых результатов?» (Дж. Мансбридж), или — насколько «соответствуют системы правления элиты принципам и ценностям демократии» (Дж. Хигли)[38].

В структурном отношении в подобной постановке проблемы можно выделить три основные задачи:

(1) постижение фундаментальных основ политического бытия, задающих «образцы» политической организации, стимулирующих и направляющих политическую активность;

(2) определение общих критериев оценки социальных структур и политических позиций;

(3) конструирование оптимальных институтов и создание эффективных политических программ, направленных на достижение желаемого результата.

Эти три задачи — познание сущности политического, оценка реально существующего и разработка рекомендаций — обычно тесно взаимосвязаны, но в то же время акценты могут расставляться по-разному: каждая из них может выступать в качестве главного критерия нормативности и, следовательно, того

---

[37] Несмотря на то, что настоящая работа в целом посвящена западной политологии, именно в данном контексте было бы неверным игнорировать отечественную политическую науку. Поэтому при классификации подходов к трактовке нормативизма учитывались позиции как зарубежных, так и отечественных политологов.

[38] Цит. по: Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 152, 176. Данная трактовка нормативного подхода характерна и и для отечественной политологии. Так, по мнению В.П. Пугачева, нормативный подход «ориентирует на выработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения. Он требует исходить из должного и желаемого, из этических ценностей и норм и в соответствии с ними строить политическое поведение и институты» (Пугачев В.П. *Политология: Справочник студента*. М., 1999. С. 25); Р.Т. Мухаев полагает, что данный подход «требует рассматривать политические явления с точки зрения соответствия их нормам морали, справедливости, общего блага» (Мухаев Р.Т. Политология. М., 1997. С. 90.) и пр.

«минимума нормативизма», на основании которого определенная теория признается нормативной. В соответствии с этим можно условно выделить три акцента в трактовке нормативизма — эпистемологический, аксиологический и директивный.

При эпистемологическом акценте, т.е. в том случае, когда подчеркивается способ постижения политической реальности, термин «нормативизм» чаще всего употребляется как синоним «классического философствования». При этом под «классическим философствованием» понимается теоретическое познание на высоком уровне абстракции, противопоставляемое эмпирическому исследованию политических реалий.

Английский политолог Б. Парех пишет о том, что на протяжении длительного времени «было широко распространено мнение о том, что исследования могут носить либо эмпирический, либо нормативистский характер и что разработки традиционной политической философии относятся ко второму типу»[39]. Данная точка зрения отражена и в энциклопедии «Британика», где отмечается, что политическая наука изучает варианты политического поведения людей и выводит принципы из фактов, чем и отличается от политической философии как нормативной дисциплины[40].

Итак, в данном случае наиболее существенной чертой нормативизма признается именно умозрительное познание природы и наиболее общих закономерностей политического, а к числу нормативных относят теории, рассуждающие о сущности политики, политической власти, государства и т.д. В частности. Д. Миллер под нормативной политической теорией подразумевает метафизическую теорию государства, а К. фон Байме относит к нормативизму политические макротеории, подобные марксизму[41]. Эту же точку зрения разделяют такие исследователи, как Б. Акерман, Б. Бэрри, Ч. Бейтс, полагающие, что политическая философия является нормативной дисциплиной, и именно в этом заключается ее принципиальное отличие от других форм политического познания. При этом под политической философией они понимали осмысление желаемого и познание должного на макротеоретическом уровне, а ее задачу видели в определении политических целей и их теоретическом обосновании,

---

[39] Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. Гл. 21. С. 480. Российский политолог Т.А. Алексеева, давая типологию политических теорий, также отмечает, что в западных университетах «сосуществуют два академических предмета, составляющих политическую теорию: политическая философия (нормативная политическая теория) и политическая наука (эмпирическая политическая теория)...» (Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. С. 10).

[40] См.: Political science // Britannica. http://www.eb.com; http://www.britannica.com. См. также: Кентавр. М., 1992. Март-апрель. С. 148-149; Верченов Л.Н. Политическая наука: Национальные школы // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001. С. 10.

[41] Байме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления. Гл. 22. С. 496–498. По мнению Т.А. Алексеевой, нормативная теория «изучает наиболее общие основания политической деятельности, власти и политической морали, природу и сущность самой политики, политических ценностей и целей» (Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. С. 12).

раскрытии социально-политических идеалов и уточнении представлений об основных чертах того общества (или, шире, того способа бытия человека), стремление к которому лежит в основе политической активности, а также принципов самой этой активности[42].

Хотя такое понимание нормативизма имеет многочисленных сторонников, но все же его нельзя считать общепризнанным. В западной политологии не меньшим влиянием пользуется прямо противоположная точка зрения, согласно которой философский уровень познания ни в коей мере не является основанием для отнесения теории к числу нормативных. По свидетельству Б. Пареха, эта позиция получила особое распространение в 50-е гг. XX в. Например, для таких мыслителей, как М. Оукшот, Х. Арендт, И. Берлин, Э. Вёглин, Ч. Тейлор и У. Конолли политическая философия «не являлась одним из направлений моральной философии и не придерживалась нормативистской ориентации, хотя, конечно, моральное начало в ней было достаточно сильно»[43]. Различие этих дисциплин они видели в том, что моральная философия говорит о должном и желаемом с позиций общезначимых ценностей и на этой основе устанавливает определенные нормы организации политической жизни, а политическая философия занята рациональным постижением политической жизни, познанием природы и потребностей человека и их влияния на основы политики. В рамках данной традиции ненормативность политической философии связывалась с умозрительностью, высоким уровнем абстрагирования и неприкладным характером исследований, а ее задача сводилась к «осмыслению происходящих процессов, причем на таком высоком теоретическом уровне, который не позволяет давать практические рекомендации каким-либо институтам относительно политического курса»[44].

Таким образом, при данной трактовке нормативизма акцентируется прежде всего его связь с регуляцией поведения людей в сфере политики — т.е. оценочная и предписывающая функции теории. При этом уровень познания политической реальности не является самым значимым показателем нормативности — в соответствии с рассматриваемой точкой зрения, нормативный характер может носить как философская, так и прикладная дисциплина. В то же время этот критерий не сбрасывается со счетов полностью, что особенно ясно видно при противопоставлении политической философии эмпирическим нормативным теориям. Дело в том, что концепции самих дистанцирующихся от нормативизма мыслителей не свободны ни от оценочных суждений, ни от тезисов предписывающего характера. Поэтому столь важно было обосновать утверждение, что ценностная ориентация и директивные выводы политической философии принципиально отличаются от оценок и предписаний норматив-

[42] Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 482–489.

[43] Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 484.

[44] Парех Б. Указ. соч. С. 481.

ных теорий. Для этого вводится в действие критерий уровня познания – нормативный подход связывается с конкретно-практическим изучением политического процесса и выработкой «точечных рецептов», т.е. рекомендаций к действиям в определенных ситуациях, а политическая философия — с умозрительным постижением сущности политического и ценностных ориентиров экзистенциального характера, а также с демонстрацией спектра доступных возможностей при принятии значимых решений.

Итак, рассматриваемую позицию можно кратко изложить следующим образом: отличие политической философии от эмпирического нормативизма заключается в теоретическом уровне исследований, а от философского нормативизма — в подходе к анализу политической реальности. Соответственно, при определении нормативности акцентируются или эпистемологический, или аксиологический и директивный аспекты.

Следует упомянуть еще один подход к нормативизму, также противопоставляющий его изучению реальности. Отличие его от рассмотренных вариантов заключается в том, что нормативизм связывается не с постижением сущности политического, а с формализацией параметров, характеризующих политическую реальность. При подобном подходе задачей нормативизма считается моделирование политических процессов (Ф.У. Паппи), а также проверка и испытание нормативных конструкций (У.И. Миллер)[45]. Подчеркивая формальный характер нормативизма, П. Данливи также характеризует создаваемые в его рамках модели как «логоцентристские», абстрагирующиеся от реальных процессов[46]. Такой подход соотносит нормативизм не с этикой и философией, а с математикой и логическим анализом и, подчеркивая высокую степень абстрактности нормативных теорий, настаивает их на строгой научности.

Аксиологический акцент в понимании нормативизма проявляется в выдвижении на первый план ценностной проблематики. При этом в качестве «минимума нормативизма» может выступать и «отнесение к ценности», и «оценка» — если вслед за неокантианско-веберовской традицией разделять эти познавательные процедуры.

Прежде всего, термин «нормативизм» используется для обозначения исторически ориентированной теории, изучающей ценностное измерение политической жизни. С этой точки зрения нормативной является теория, признающая, что в основе общества лежат общезначимые ценности, которые выражаются в признаваемых всеми нормах, предписывающих определенное поведение. Эти нормы имеют конституирующую силу и потому являются фундаментом всех социальных институтов, в том числе политических, поскольку на их основе «осуществляется доступ различных агентов к институтам власти» (Дж. Хигли)[47].

---

[45] См.: Миллер У.И. Политическое поведение: вчера и сегодня; Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели // Политическая наука: новые направления. Гл. 9, 11.

[46] Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления. Гл. 10. С. 286.

[47] Цит. по: Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. 2003. № 2. С. 166.

В соответствии с этим подходом нормативная политическая теория исследует:

(1) ценности, значимые для политической жизни общества, — как признаваемые лишь на определенных этапах его развития, так и универсальные;

(2) содержательное наполнение ценностно нагруженных понятий (таких, например, как «благо», «справедливость», «солидарность» или «свобода») и факторы, способствующие изменению вкладываемого в них смысла в определенные исторические периоды;

(3) политические, социально-экономические, историко-культурные условия формирования и трансформации конкретных представлений о ценностно обоснованных нормах.

При подобном подходе нормативизм связывается с содержательной характеристикой исследований: нормативной признается политическая теория, рассматривающая «нормативные вопросы» — т.е. вопросы, связанные с ценностными представлениями и их ролью в регулировании политической жизни. Так, профессор Гётеборгского университета (Швеция) Б. Ротстайн в качестве традиционно нормативных вопросов называет проблемы справедливости, равенства, прав человека, а к числу нормативно насыщенных понятий, помимо «справедливости», относит также «нацию», «права», «патриотизм», «общество», «добродетель», «тиранию». Политологи из США Б. Нельсон и А. Янг расширяют круг нормативных тем. Так, Нельсон в числе нормативных называет вопросы борьбы за создание демократических институтов и проблему соотношения перераспределения, равенства и свободы, а Янг, ссылаясь на исследования К. Пейтман, С. Макферсона, Б. Бэрри, Р. Гудина, Ч. Бейтса, Т. Погга и др., относит к этой категории наряду с представлениями о благе и справедливости также проблемы свободы, социальной рациональности, демократического участия, международных обязательств, бедности и голода, иммиграции, распределения материальных благ, защиты окружающей среды и пр.[48] Как видно, перечень «нормативных вопросов» не является жестко определенным, хотя в нем заметны инвариантные пункты — проблемы справедливости и блага.

Следует отметить, что позиция, связывающая нормативизм с изучением ценностного регулирования политической жизни, не обязательно жестко связывает его с философским уровнем познания, с макротеоретическими исследованиями природы ценностей и их роли в социуме. Некоторые политологи к компетенции нормативизма относят конкретные эмпирические исследования норм, действующих в политической жизни, а также изучение механизмов нормативной регуляции в социальной и политической сферах. В данном случае

---

[48] См.: Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 153–155; Нельсон Б.Дж. Социальная политика и управление: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 530; Янг А.М. Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Гл. 20. С. 455–458. Среди отечественных исследователей эту позицию артикулировал, например, В.П. Пугачев. Он отмечает, что нормативный подход «предполагает выяснение значения политических явлений для общества и личности, их оценку с точки зрения общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и других ценностей» (Пугачев В.П. Политология. С. 25).

термином «нормативизм» обозначают направление политологических исследований, изучающее политические институты как совокупность норм в их содержательном и функциональном аспектах[49]. Это направление, известное как институциональный нормативизм, исходит из важности признаваемых индивидами ценностей для создания и поддержания систем социальных связей и, главное, для принятия решений в рамках политических институтов и выстраивания стратегий поведения политических акторов. О том, что нормативизм есть изучение институтов с позиций «логики соответствия», направляющей деятельность их членов, пишет, например, Б.Г. Питерс[50]. При таком подходе нормативная теория институтов понимается как беспристрастное эмпирическое научное исследование того, какие именно ценности и каким именно образом задают «логику соответствия», т.е. нормативизм соотносится с «отнесением к ценности».

Если же акцент ставится не на «отнесении к ценности», а на «оценке», о беспристрастности нормативизма речи не идет и идти не может. В этом случае под «нормативностью» подразумевается зависимость политических исследований от определенных убеждений и принципов. Важно подчеркнуть, что в качестве основы этих принципов и убеждений выступают внешние по отношению к политике факторы — чаще всего моральные и религиозные нормы, за которыми признается статус высших ценностей. С данной точки зрения, нормативным следует считать подход, при котором некие идеалы (например, представления о том, что такое благо или справедливость) не только рассматриваются как фундаментальная основа политической реальности, но и используются в качестве критерия оценки конкретных институтов и практических действий политических сил. Так, Р. Гудин и Х.-Д. Клингеманн под «нормативной оценкой» в политологии также подразумевают оценку с точки зрения справедливости, а Б. Ротстайн пишет о том, что в основе нормативных представлений о политических институтах лежат именно этические понятия[51]. В соответствии с подобной трактовкой типичной нормативной теорией является политическая концепция Дж. Роулза — целостная система взаимосвязанных умозаключе-

---

[49] См.: Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. Гл. 7; March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. P. 734–749.

[50] Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня. С. 221.

[51] См.: Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. С. 43–46; Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 171. В связи с этим нельзя не привести и мнения российских ученых. «Нормативные политические теории обычно опираются на фундаментальные основания моральной философии. В сущности, от того, каковы основания моральной философии, к которым обращается теоретик, зависит и содержательная сторона самой политической теории»(Т.А. Алексеева); нормативный подход «придает политике этическое, человеческое измерение, вносит в нее нравственное начало» (В.П. Пугачев) предполагает «оценку с позиций этого идеала реально существующих в обществе политических отношений» (Р.Т. Мухаев), позволяет «судить о политике с позиций нравственной нормы и того или иного идеала» (А.С. Панарин) — См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. С. 122–123;. Пугачев В.П. Политология. С. 25; Мухаев Р.Т. Политология. С. 91; Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999. С. 155.

ний, претендующая на определение структуры оптимальных политических институтов на основе ограниченного числа общепринятых принципов, главное место среди которых отводится принципу справедливости[52].

Итак, здесь нормативность трактуется как зависимость от ценностных установок и тем самым противопоставляется принципу ценностной нейтральности исследований. В зависимости от позиции, занимаемой тем или иным ученым в дискуссии о научной объективности политики и политического познания, понятие «нормативизм» приобретает негативную или позитивную окраску. В первом случае подчеркивается идеологическая направленность нормативных теорий и их субъективизм, во втором речь ведется о недопустимости аморализма в политике и в политической науке[53].

Аргументы в защиту ценностно трактуемого нормативизма основываются на тезисе о неразрывной связи морали и политики, игнорирование которой не только вредит политическим исследованиям, поскольку порождает ложное понимание сущности политического, целей и задач политической деятельности, но и ведет к недопустимым практическим действиям, разрушающим основы социального бытия человека. В качестве примера данного подхода можно привести позицию Л. Штрауса (Страусса) и И. Берлина, утверждавших, что стремление к ценностной нейтральности в политическом познании является неосуществимым и опасным[54].

Если же зависимость от ценностных установок трактуется как пристрастность, недопустимая или, по крайней мере, нежелательная при научном изучении политики, то под «нормативизмом» чаще всего понимается субъективизм, в силу которого «все нормативистские изыскания ... в основе своей являются не более чем выражением личных предпочтений, незаконно претендующих на роль универсальных ценностей»[55]. Так, например, Й. Фергюсон и Р. Мансбах, выступая против использования термина «национальное государство» в качестве базового понятия теории международных отношений, аргументировали свою точку зрения тем, что оно чересчур двусмысленно, противоречиво или нормативно по своему характеру, а занимающий более жесткую позицию

---

[52] См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Алексеева Т.А. Политическая философия Джона Роулса. М., 1991; Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества и морально-политическая философия Дж. Роулса. М., 1998.

[53] Подчеркивая важность данной проблематики, А.С. Панарин в качестве одной из важнейших задач политической науки называл решение вопроса о том, «как в принципе отражается на человеке (его духовном здоровье), и на качестве самого политического процесса систематическая маргинализация ценностной сферы...» (Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. С. 19.)

[54] Штраус Л. Введение в политическую философию. С. 9–50, 137–162; Берлин И. Философия свободы. М., 2001. Данная позиция четко выражена у А.С. Панарина: отказ от ценностного измерения означает «отлучение политики от культуры и морали со всеми вытекающими отсюда последствиями. Класс политических профессионалов при этом получает максимальную свободу для своих игр, для применения эффективных политических технологий, но вопрос о том, кому и чему служат эти технологии, остается открытым» (Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. С. 155.

[55] Парех Б. Указ. соч. С. 480.

А. Лоуэнталь называл нормативистские исследования «упражнениями в глубокомысленных пожеланиях»[56].

Менее категоричен политолог из Великобритании Л. Уайтхед, с точки зрения которого нормативный подход не просто фиксирует ценностные предпочтения того или иного политолога, а подразумевает определенную познавательную программу, а именно, предпочтение причинно-следственным объяснениям и доказательствам таких эвристических процедур, как понимание, оценка и убеждение. Он был готов признать, что нормативность неизбежно будет присутствовать в политической науке, поскольку это оправдано природой исследуемого предмета. «Когда объектом исследования выступает не природа, а политика, построение теории тем более вряд ли будет плодотворным до тех пор, пока в ней не будут каким-либо образом учтены «субъективные характеристики» агентов, которых она имеет в виду», – пишет Уайтхед. Поэтому он полагает, что абсолютное противопоставление нормативного и «строго научного» подходов – ложная дилемма. Так, например, «чтобы назвать демократию «консолидированной» надо не просто ее классифицировать, но и дать оценку. Это одновременно нормативное и атрибутивное суждение»[57].

Акцент на директивность в понимании нормативизма предполагает выдвижение на первый план проблемы регулирования политической жизни. При этом нормативность может связываться либо с непосредственным предписыванием участникам политического процесса определенного образа действий, либо с исследованием механизмов, с помощью которых нормативные идеи, принципы и положения оказывают воздействие на реальный политический процесс.

В первом случае мы имеем дело с толкованием нормативизма как подхода, в рамках которого происходит постижение должного и на основании полученного знания вырабатываются рекомендации того или иного уровня общности. Б. Ротстайн приводит точку зрения Й. Элстера, согласно которой нормативная политическая теория объясняет, как людям следует себя вести, т.е. имеет четко выраженную директивную функцию[58]. Данная позиция, как правило, соотносится с ценностным пониманием нормативности, поскольку в качестве фактора, придающего легитимность предписаниям, выступают высшие ценности, лежащие в основе политической реальности и познанные благодаря нормативной теории.

---

[56] См.: Гоулдман К. Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 390; Политическая наука: новые направления. С. 349; Ferguson Y.H., Mansbach R.W. The state,conceptual chaos and the future of international relations theory. Boulder,1989. P. 41-80.

[57] Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации. С. 349–351, 356, 357.

[58] Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 175. В связи с этим заслуживает упоминания мнение Т.А. Алексеевой: «... к нормативным относятся политические теории предписывающего или рекомендующего типа... Если с философской точки зрения нормативная теория формулирует и конструирует моральные предписания, то в прикладном смысле она говорит о возможности применения моральных рецептов к практике политической жизни» (Алексеева Т.А. Современные политические теории. С. 121).

Во втором случае нормативизм соотносится с пониманием нормативности как зависимости от определенных принципов и правил, причем в различных концепциях эти правила рассматриваются или как формализованные (законы, фиксированные предписания, правовые ограничения), или как неформализованные (обычаи, традиции), или как имеющие смешанный характер (уважение к законности и установленным процедурам со стороны государственных чиновников).

Следует обратить внимание на то, что при подобной трактовке понятия «нормативизм» и «нормативность» часто применяются не к политическим исследованиям, а к политической деятельности, что отнюдь не улучшает ситуацию с прояснением специфики нормативного подхода. В качестве иллюстрации такого словоупотребления можно привести работы Г. Алмонда, который использует понятие «нормативный» в значении «связанный определенными стандартами», а «ненормативный» — «произвольный, выходящий за рамки установленных ограничений», и в этом смысле он говорит о том, что Макиавелли показал неизбежность и объективность ненормативной политики[59]. Таким образом, в данном случае критерием разграничения нормативности и ненормативности в политике выступает готовность и способность политических акторов нарушать установленные правила и нормы.

Сразу же бросается в глаза, что при такой трактовке — в отличие от подхода к нормативизму как познанию высших ценностей и приложению их к политическим реалиям - именно ненормативность связывается с «высшими целями и ценностями», ради которых правитель и совершает действия, не санкционированные правом и/или моралью. Однако это различие кажется важным лишь на первый взгляд, на деле здесь нет глубокого противоречия, поскольку в основе и той и другой позиции лежит общая посылка. Она заключается в признании того, что нормативность связана с подчинением политических ценностей неполитическим. Это проявляется, например, в случае строгого соблюдения правовых установлений и моральных норм в процессе борьбы за власть и при осуществлении властных полномочий. Обратным тезисом, вытекающим из той же посылки, служит утверждение, что ненормативность в политике есть подчинение моральных ценностей политическим, например, признание допустимости нарушения принципов справедливости ради укрепления власти или обеспечения безопасности.

На понятии «нормативность» в значении «следование установленным предписаниям» основано понимание нормативизма как подхода, учитывающего только формально фиксированные нормы. В качестве таковых прежде всего выступают правила, которые определяют институциональные границы политического процесса, — в этом смысле Б. Вейнгаст говорит о «нормативных решениях», «нормативной политике» и «нормативной деятельности учреждений»; Дж.И. Альт и А. Алезина — о «нормативной теории государственного долга»;

---

[59] Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. Гл. 2. С. 77.

Б.Г. Питерс и В. Райт — о том, что «традиционная модель бюрократии руководствуется более четкими нормативными стандартами», чем новейшие теоретические разработки в этой области[60]. К. Оффе под нормативизмом понимает подход, признающий, что некие общепризнанные нормативные стандарты приемлемых образов действия — например, нормы, традиции, типологические особенности — носят фундаментальный характер и предшествуют рациональным действиям политических акторов[61].

Наконец, следует упомянуть о том, что под нормативизмом иногда понимается поиск или выработка гносеологических норм — т.е. ориентиров и образцов, которые обладают абсолютной и универсальной значимостью для познавательной деятельности человека, в силу этого имеют (или должны иметь) принудительную силу и выступают (или должны выступать) в качестве правил и оснований познавательных процедур. Здесь также подчеркивается предвзятость нормативизма, но в данном случае она рассматривается как зависимость не столько от моральных принципов, сколько от набора строго определенных эвристических правил и установлений, которым придается статус аксиом[62].

Понимаемый таким образом нормативизм иногда противопоставляется научным эвристическим инструментам. С этой точки зрения нормативизм предписывает ученому проблематику исследований и не позволяет критически относиться к используемым категориям и предпосылкам. В результате оказывается, что «утвердившаяся, признанная теория нормативна в смысле определения ею центральных проблем и объектов изучения данной научной дисциплины»[63], из-за чего науке оказывается затруднительно распознавать вновь возникающие проблемы, ставить и решать новые задачи.

Однако в таком же (или близком) смысле этот термин используют постмодернисты, хотя они, напротив, заявляют о принципиальной нормативности науки и в связи с этим характеризуют политическую и философскую мысль эпохи модерна как «втиснутую в жесткие рамки науки» и в силу этого лишенную подлинной свободы познания. Данная «несвобода» изначально задается эпистемологической стандартизацией - навязыванием строго определенных форм мышления, способов получения и фиксации знания[64]. Нетрудно заме-

---

[60] См.: Политическая наука: новые направления. Гл. 5, 28, 27.

[61] Оффе К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления. С. 660.

[62] В отечественной политической науке такая трактовка нормативизма присутствует, например, у А.И. Соловьева, который пишет, что «у исследователя нормативным значением обладают ведущие установки его концептуального подхода к политическим явлениям» (Соловьев А.И. Политология. М., 2003. С. 8.)

[63] Гоулдманн К. Указ. соч. С. 406.

[64] См., например: Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1995. №4. С. 133–154; Бурдье П. Социология политики. М., 1993; Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник лаборатории постклассических исследований. М., 1994; Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996; Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Сморгунов Л.В. Проблема легитимности в политической философии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1995. Вып. 2.

тить, что под такое определение нормативизма подходят все теоретико-методологические подходы, принимающее четко установленные эвристические установки и ориентированные на поиск общезначимой истины.

Концептуальная размытость термина «нормативизм» проявляется не только в синхронном, но и в диахронном плане. Она связана с применением различных критериев к определению «минимума нормативности» и существовании различных «образов нормативизма» на разных этапах развития политической науки. В начале столетия к числу нормативистов причисляли практически всех представителей «метафизики» — т.е. всех мыслителей, с которыми полемизировала «позитивная», эмпирическая политическая наука в период своего становления[65]. Так, в литературе практически не дискутируется практика отнесения к числу нормативистов таких различных по теоретическим, методологическим и идеологическим установкам мыслителей, как Платон, Макиавелли, Локк, Руссо и Маркс. Однако, если исходить из дихотомичности нормативизма и эмпиризма и не связывать эмпиризм исключительно с позитивизмом (что, действительно, не корректно с историко-философской точки зрения), то такой «список нормативистов» неизбежно вызывает вопросы. Например, непонятно, почему в лагере противников эмпиризма оказался Локк, один из признанных основоположников эмпиризма в западноевропейской философии.

Впоследствии нормативизм соотносится как с ценностно-философской, так и с формально-позитивистской традицией, в частности, с институционализмом. В 50–60 гг. нормативистами — причем зачастую вопреки их собственному мнению — считались такие мыслители, как М. Оукшот, Х. Арендт, Л. Штраус, И. Берлин, стремившиеся создать в рамках политической философии оппозицию бихевиорализму в политическом познании и в то же время жестко отделявшие себя от «моральной философии». В последней трети XX в. к нормативистам причислялись Дж. Роулз, Р. Нозик, Б. Бэрри, М. Уолцер, Р. Дворкин, Й. Элстер и др. Интересно, что и эта «новая генерация» противопоставляла себя неонормативистам предыдущего поколения, подчеркивая практический характер и прагматическую значимость своих исследований. В конце двадцатого столетия представителями постмодернизма был выдвинут иной «список нормативистов», составленный по иным критериям и объединивший всех мыслителей, «чуждых» постмодернистскому мироощущению.

Представляется важным то обстоятельство, что при всем разнообразии подходов к трактовке нормативизма в них можно найти общую черту. А именно, что термин «нормативизм» — какое бы конкретное содержание в него ни вкладывалось — практически всегда несет демаркационную нагрузку. Это означает, что ученые применяют данный термин, чтобы указать на одну из сторон дихотомии и подчеркнуть различие противостоящих друг другу теоретико-методологических установок. При этом контрагенты нормативизма могут меняться в зависимости от задач и теоретической позиции исследователя. Рас-

[65] См., например: Политическая наука. Новые направления. М., 1999; Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001; и др.

смотрение данных контрагентов позволяет конкретизировать специфику нормативизма как эвристического инструмента и выявить особенности его использования в политологическом дискурсе.

Вариантов противопоставления нормативизма другим подходам немало. Как представляется, особого рассмотрения заслуживают следующие дихотомии: «нормативизм — эмпиризм», «нормативизм — релятивизм», «нормативизм — реализм» и «нормативизм — рационализм».

«Нормативизм — эмпиризм». Чаще всего главным оппонентом нормативизма считается эмпиризм. Так, американский политолог Роберт Хайнеман в книге «Введение в политическую науку» (1996) выделяет три дихотомичных эвристических инструмента, применяемых западными политологами в своих исследованиях. Наряду с парами «институционализм — бихевиорализм» и «внешне — внутренне ориентированные подходы» он рассматривает в качестве оппозиционных теоретико-методологических принципов эмпиризм и нормативизм. При этом основное различие между ними Хайнеман видит в том, что эмпирическая политическая наука описывает наблюдаемые явления и количественные показатели, практически не рассматривая философские аспекты политики, вопросы добра и зла, истинности и справедливости, в то время как сторонники нормативного подхода преимущественно акцентируют внимание на изучении и описании того, что должно быть[66].

Близкую позицию в этом вопросе занимает и Б. Ростайн, который усматривает различие между эмпиризмом и нормативизмом в понимании задач политического познания. С его точки зрения, нормативизм ставит проблему определения характеристик «правильного правления» — т.е. такого набора политических институтов, который обеспечивал бы соответствие политической организации общества представлениям о благе и справедливости. Эмпирический же подход нацелен на поиск причин разнообразия институциональных отношений и выявление воздействия, которое оказывают эти различия на политическое поведение, политическую власть и результат политического процесса[67].

Противопоставляемый нормативизму эмпиризм в политических исследованиях обычно связывается с позитивистской традицией. При этом оппозиция может носить жесткий и мягкий характер. Жесткая точка зрения настаивает на принципиальной несовместимости нормативизма и позитивизма, при мягкой позиции признание различия нормативного и позитивного подходов не влечет за собой их резкого противопоставления. Напротив, подчеркивается возможность — и даже необходимость — их совмещения в рамках политического исследования.

---

[66] Хайнеман Р.А. Введение в политическую науку // Политическая наука на рубеже веков. М., 2000. С. 44–45.

[67] Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 152. Тезис о дихотомичности эмпиризма и нормативизма встречается также у таких политологов, как Б.Г. Питерс, Л. Уайтхед, Б. Бэрри, К. фон Байме, Х.Р. Алкер, Г. Алмонд (См.: Политическая наука: новые направления. Гл. 2, 7, 14, 22, 23, 35.)

В основе жесткой позиции лежит выработанный позитивизмом идеал политического знания как объективного, ценностно нейтрального, инструментального, верифицируемого, формализуемого и максимально эффективного. На основании такого понимания специфики научного исследования «нормативность» и «научность» принципиально разводятся. В духе сциентистских традиций «строгий научный подход», противопоставляемый нормативизму, описывается как основанный на логико-дедуктивном мышлении, точности определений и формальных доказательствах, а также как обладающий прогностической способностью и прагматической значимостью. В этом смысле к сфере позитивной политической науки относятся исключительно исследования того, что является эмпирически управляемым и политически полезным. Этому критерию в полной мере отвечает политический анализ, оперирующий количественными данными и использующий, например, такие понятия, как «установка», «когниция», «социализация» и «система».

В противовес позитивному (объяснительно-прогностическому) способу исследования нормативизм трактуется как историко-критический и истолковательный подход, ведущий исследования на высоком уровне абстракции, ставящий в центр внимания вопросы о сущности и предназначении политики и оперирующий понятиями «интуиция», «суждение» и «убедительность». В методологическом плане демаркация научных и нормативистских построений проходит, соответственно, между объяснением и пониманием, доказательством и оценкой, наглядной демонстрацией и умением убеждать[68].

Полемика «позитивной» политической науки с нормативизмом шла на протяжении большей части столетия, достигнув наибольшей остроты в 50–60-е гг. В конце XX в. произошло существенное сближение позиций оппонентов, и дихотомия «эмпиризм — нормативизм», по сути, оказалась преодоленной[69]. Об этом свидетельствуют повсеместно встречающиеся утверждения, что не только противоборства, но даже разницы между эмпирическим и нормативным подходами в принципе нет, так что в принципе возможно преодолеть разрыв между позитивно-объяснительно-прогностическими и нормативно-критическими подходами в общественных науках и, более того — что нормативная и эмпирическая политическая теория могут взаимно обогатить друг друга[70].

«Нормативизм — релятивизм». Как видно из вышесказанного, при оппозиции «эмпиризм — нормативизм» на первый план выдвигаются эпистемологический и аксиологический аспекты нормативных теорий. Противопоставление же нормативизма релятивизму чаще всего встречается в том случае, если нормативность трактуется как жесткое следование определенным — кодифицированным или некодифицированным — правилам. Инвариантность нормативных предписаний противопоставляется в данном случае ситуативности

---

[68] Политическая наука: новые направления. Гл. 14, 22, 29.

[69] См.: Политическая наука: новые направления. Гл. 4, 6, 7, 8.

[70] Политическая наука: новые направления. С. 92, 658; Там же. Гл. 2, 14, 22, 23, 29; Политическая наука на рубеже веков. С. 45.

релятивизма, позволяющего избежать жесткой регламентации как в реальной политике, так и в процессе политического познания.

Данный подход акцентирует директивность нормативных теорий, причем нормативность может связываться либо с непосредственным регулированием политической жизни и предписыванием участникам политического процесса определенного образа действий, либо со следованием гносеологическим нормам, которым придается статус абсолютно и универсально значимых для познавательной деятельности человека.

В сфере познания граница прокладывается между предвзятостью нормативизма, с одной стороны, и свободой исследовательского поиска, с другой. При этом линия демаркации проводится (а) или внутри науки — и тогда она отделяет «деспотический нормативизм», устанавливающий незыблемые истины, от эвристической открытости, связанной с критическим, аналитическим и гипотетическим подходом к познанию; (б) или между научным и ненаучным способами постижения действительности.

При противопоставлении нормативизма релятивизму последний иногда используется в значении «ситуативно определенный», «выходящий за рамки установленных ограничений». В этой связи часто затрагивается проблема соотношения нормативности и политической эффективности, а также универсализма и плюрализма. В первом случае критерием демаркации выступает готовность и способность политических акторов нарушать установленные правила и нормы ради достижения поставленных целей[71]. При таком подходе нормативизм как «игра по правилам» противопоставляется релятивизму как не связанной никакими обязательствами «игре ради выигрыша любой ценой». Полемика, связанная с этой дихотомией, ведется не одно столетие, и ее острота не снижается, а проблема ограничений в политике стала одной из наиболее обсуждаемых в западной политологии конца XX в.

Во втором случае речь идет о противопоставлении политического универсализма, предписывающего единый стандарт политического поведения и общие для всех граждан правила, с одной стороны, и плюрализма, признающего своеобразие культурных норм и стилей жизни, с другой. Эта дихотомия оказалась в центре внимания в ходе либерально-коммунитарных дебатов 70-х гг., посвященных определению и обоснованию оптимального политического курса демократического общества и затронувших проблемы сущности, происхождения и функционирования норм, лежащих в основе политической и социальной жизни. В ходе дебатов вокруг термина «нормативизм» сложилась очень интересная ситуация: в число нормативистов попали представители и той, и другой стороны, причем каждый из лагерей использовал подобную аттестацию в целях демаркации. При отнесении либерального лагеря к нормативизму на первое место выдвигалась директивность позиции: нормативизм связывался с

[71] В этом смысле следует понимать утверждение Г. Алмонда, что Макиавелли показал неизбежность и объективность неморативной политики. См: Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997. № 6; См. также: Политическая наука: новые направления. С. 77.

универсализмом, а релятивизм — с плюрализмом. Коммунитаристы же считались приверженцами нормативизма и в качестве таковых противопоставлялись либералам в силу аксиологизма, которого пытались избежать либералы с их тезисом о ценностной нейтральности политических институтов. И в данном случае нормативность, понимаемая как признание основополагающей роли ценностей в политической жизни, соотносится именно с релятивизмом. В результате дихотомия «нормативизм — релятивизм» оказывается замененной на оппозицию «нормативизм — универсализм».

«Нормативизм — реализм». В рамках данной дихотомии формальная и юридическая стороны политики противопоставляются политической практике, а «официальная» трактовка событий — «реальной». При этом нормативизм связывается с формализацией параметров, характеризующих политическую реальность. Например, противопоставление нормативно-прескриптивного и экспликативно-дескриптивного измерений публичного управления проводится на основании того, что в первом случае речь идет о кодифицированных и некодифицированных правилах, а во втором — о реальном функционировании системы представительства социальных интересов в системах принятия решений, т.е. о рассмотрении тех каналов, по которым идет воздействие индивидов и групп на центры принятия решений[72]. Таким образом, реализм противополагается нормативизму как фиксация сущего — рассуждению о должном.

В определенной мере разновидностью рассматриваемой дихотомии можно считать противопоставление нормативного и «казусного» (или, как иногда его называют, — «казуистического») подходов. В данном случае «казуистичность» используется в значении «случайный», «нерегулярный», «отдельный», а нормативность соотносится с наличием общих моделей. Развитие же политологии как науки видится на путях их объединения — уточнения эмпирического базиса и выработки соответствующих моделей.

«Нормативизм — объективизм». В этой дихотомии акцент ставится на характере детерминант политического процесса: в нормативизме в качестве определяющих факторов выступают совокупности императивов, а в объективизме — объективно-реальные факторы. Нормативные детерминанты при этом понимаются как не совпадающие с эмпирически фиксируемыми взаимодействиями людей. При этом оба варианта относятся к одной, «детерминистской» парадигме, признающей поведение индивидов функцией социальной системы, в которую эти индивиды включены.

«Нормативизм — рационализм». При выборе рационализма как контрагента нормативизма демаркационная линия проводится в русле веберовского разделения целерационального и ценностно-рационального типов действия —

---

[72] Данный тезис обоснован в работе А.А. Дегтярева, посвященной анализу методологии современной политической науки. См.: Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. 2003. № 2.

между формально-инструментальным и этико-нормативным способами объяснения политической реальности[73].

Итак, недостаточная степень концептуализации рассматриваемой проблематики очевидна. Однако, несмотря на обилие оттенков в трактовке нормативизма как используемого политической наукой эвристического инструмента, представляется возможным разделить все обилие разноплановых мнений на две большие группы, каждая из которых основана на традиции, укорененной в истории политической мысли, и является свидетельством преемственности политических исследований. Первую можно обозначить как ценностную трактовку нормативизма, вторую — как формальную или формально-институциональную. Различия между ними можно обозначить следующим образом.

Формальная трактовка. Эта группа позиций рассматривает нормативность как следование определенным стандартам и правилам, выступающим в качестве одного из факторов организации и регулирования политических процессов. На первый план выдвигается директивность данного эвристического инструмента.

Ценностная трактовка. Точки зрения на нормативизм, представленные в данной группе, с той или иной степенью жесткости связывают нормативность в политике с ориентацией на ценностные принципы, преимущественно морального характера. Соответственно акцент ставится на аксиологическую ориентацию нормативизма. Именно в этой группе чаще всего наряду с аксиологическим присутствует и эпистемологический акцент (т.е. подчеркивается способ постижения политической реальности), и наиболее существенной чертой нормативизма признается умозрительное познание природы и общих закономерностей политического.

Следует оговориться, что такое деление в определенной мере является условным, поскольку в обеих группах признается и аксиологическая, и директивная направленность нормативных концепций, и различие часто состоит лишь в расстановке акцентов. Проанализированный материал позволяет говорить и о том, что в западной политической мысли термин «нормативизм» несет демаркационную нагрузку и является эвристическим инструментом, с помощью которого осуществляется разграничение противоположных по теоретико-методологическим установкам позиций. В то же время слабая степень концептуализации нормативной проблематики в политической науке приводит к отсутствию четкости в определении специфичных для нормативного подхода положений. В результате он оказывается «универсальным инструментом», с равной долей успеха применяемым противниками друг против друга.

---

[73] Так, с точки зрения Й. Элстера, человек, действуя нормативно, не учитывает последствий этого действия, в то время как рациональное действие совершается на основе просчета всех его последствий (Elster J. The possibility of rational politics // Political theory today / Ed. by D. Held. Oxford, 1991. P. 115–142); см. также: Политическая наука: новые направления. Гл. 23.

§ 3. Модель анализа нормативизма

Анализ состояния концептуализации нормативной проблематики делает очевидной необходимость обращения к истории западной политической мысли XX в. для того, чтобы прояснить, какие именно теории определялись как нормативные. Для решения данной задачи необходимо принять ряд допущений, конкретизирующих поисковую задачу.

Прежде всего, для исторического рассмотрения нормативизма необходимо тематически и хронологически структурировать динамику политической мысли в XX в. и определить соотношение проблематики нормативизма с теоретическими дискуссиями в рамках политической науки. Следует отметить, что в целом тема периодизации истории политической науки относится к числу дискуссионных, и в решении этой проблемы пока далеко до консенсуса в рамках политологического научного сообщества. Разночтения обусловлены как объективными факторами (сложностью и незавершенностью самого процесса развития политического познания), так и субъективными – позицией исследователя, его выбором способа обработки материала. Поскольку возможны различные основания классификации, постольку и выделение периодов может быть разным.

Представляется, что можно обозначить четыре основных подхода к решению данной задачи, различающиеся взятыми за основу критериями. Первый подход жестко соотносит историю политической мысли с политической историей[74].

Второй подход ориентируется на «полюса доминирования» в политических исследованиях. Такая периодизация встречается, например, у Г. Алмонда и в ряде зарубежных учебников. В соответствии с этим «национально-географическим» критерием в истории политической науки XX в. также выделяются три периода: (I) до 30-х гг. – приоритет европейских школ; (II) 30–60-е гг. – североамериканская гегемония; (III) после 70-х гг. – европейско-американская биполярность, постепенно эволюционирующая к мультиполярности, уравновешивающей роль национальных политических школ всех континентов[75].

Третий подход берет за основу уровень дисциплинарной самостоятельности политической науки. Данная позиция (с некоторыми разночтениями) представлена, например, в трудах М. Дюверже, где выделяются следующие периоды: (I) предыстория – от античности до Нового времени; (II) зачатки – до середины XIX в.; (III) собственно история – с конца XIX в.[76]

---

[74] Так, например, А.А. Федосеев, рассматривая эволюцию американской политической науки, выделяет три основных периода: (I) с конца XIX в. до Первой мировой войны и Октябрьской революции; (II) между двумя мировыми войнами; (III) после Второй мировой войны. См.: Федосеев А.А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989. С. 17.

[75] См.: Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999, а также в: Полис. 1997. № 6. С. 174–183.

[76] Duverger M. Sociologie de la politique. Elements de la science politique. P., 1973. P. 5–6. В отечественной политологии данный подход встречается, например, у А.И. Соловьева и К.С. Гаджиева.

Четвертый подход в качестве критерия периодизации использует теоретико-методологический принцип — те эвристические средства, которые преобладали в познании политических явлений и процессов. С некоторыми вариациями данный подход к периодизации встречается в трудах Ч. Мерриама, Дж. Гаппела, Д. Истона и др.[77] Так, например, согласно Мерриаму, политическая наука прошла в своем развитии следующие стадии: (I) до 1850 г. — априорно-дедуктивную; (II) 1850–1900 гг. — сравнительно-историческую; (III) с начала XX в. — эмпирическую (наблюдения и оценки); (IV) с 20-х гг. — психолого-аналитическую[78].

В более поздней работе американских исследователей «Методы политологического исследования: основы и техника» выделяются периоды: (I) до XIX в. — классический, связанный с дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами; (II) XIX — начало XX в. — институциональный, когда доминируют сравнительно-исторический и нормативно-институциональный подходы; (III) 20-е — 70-е годы XX в. — бихевиористский, с преобладанием количественных методов; (IV) последняя треть XX в. — постбихевиористский, характеризуемый плюрализмом методов[79].

Встречаются и смешанные типы периодизации. Так, американские историки политической науки А. Сомит и Дж. Таненхаус, сочетая институциональный и теоретико-методологический принципы, выделяют в развитии американской политической науки четыре основных периода: (I) 1880–1903 гг. — зарождение; (II) 1903–1921 гг. — окончательное оформление; (III) 1921–1945 гг. — создание новой науки о политике; (IV) после 1945 г. — эра бихевиоризма[80].

В качестве подобного примера можно привести также «методологическо-тематическую» периодизацию, предложенную в 1978 г. американским политологом Р. Роговски: (I) до 30–40-х гг. XX в. — формально-юридический анализ; (II) 40–50-е гг. — изучение психологии и принуждения; (III) 50-е гг. — господство бихевиорализма; (IV) 60-е гг. — структурно-функциональные ис-

---

Предлагаемая этими учеными периодизация незначительно отличается от позиции Дюверже: так, конец первого периода Гаджиев относит к XIX в., завершение второго периода Гаджиев датирует концом XIX в., а Соловьев — первой четвертью XX в. См.: Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 1997. С. 19; Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С. 10–14.

[77] См: Merriam Ch. New Aspects of Politics. Chicago-London, 1970 (фрагменты в рус. пер. — Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5); Гаппел Дж.Г. Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 66–83; Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8. С. 115–128; Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997. С. 9–30.

[78] Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 160.

[79] См.: Smith B., Johnson K., Paulsen D., Shocket F. Political methods: foundations and techniques. Atlanta, 1976. P. 3.

[80] См.: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. N.Y., 1982. P. 4–5.

следования политической системы и политической культуры; (V) 70-е гг. — теории рационального выбора[81].

Таким образом, решение проблемы периодизации развития политической мысли во многом зависит от принимаемых критериев. Следует учитывать то обстоятельство, что выделение особых исторических этапов, связанных с доминированием нормативного подхода, как правило, связано с характеристикой «предыстории» или ранних этапов развития политической науки. Поскольку задачей исследования является концептуализация нормативизма и анализ места и роли нормативного подхода на протяжении всего столетия, постольку невозможно принимать это направление в качестве базового для систематизации материала.

В то же время в вопросе выбора критерия периодизации представляется целесообразным ориентироваться именно на смену теоретико-методологических приоритетов. И с этой точки зрения прежде всего заслуживает внимания поведенческая (бихевиоральная) революция, которая признается принципиально значимым этапом во всех версиях периодизации. Поэтому представляется корректным принять данный этап — поведенческую революцию — в качестве рубежного и, соответственно, выделить в истории западной политической мысли XX в. добихевиоральный, бихевиоральный и постбихевиоральный периоды.

Следует отметить, что временные границы этих периодов не могут быть четко определены — ведь их вехами служат не исторические события, жестко привязанные к конкретной дате, а смена исследовательских приоритетов, которая может занимать не одно десятилетие. И все же можно соотнести выделенные периоды с определенными хронологическими рамками. Началом периода поведенческой революции обычно считается середина двадцатого столетия, хотя многие исследователи и относят начало данного периода к более раннему времени — к исследованиям Чикагской (20—30 гг.) или Колумбийской (вторая половина 40-х гг.) школ политических исследований, когда, собственно, и были заложены основы бихевиорализма. Что касается конца данного периода, то здесь пограничной вехой может служить президентская речь Д. Истона на 65-м съезде Американской ассоциации политической науки в 1969 г., в которой официально провозглашалось начало постбихевиоральной эры. Конечно, подобная констатация не означала немедленной смены приоритетов сразу же по окончании выступления президента ААПН. Скорее, это было признанием того факта, что указанные изменения назрели и соответствующая им трансформация дисциплины уже идет полным ходом.

Таким образом, хронологические границы выделенных периодов можно определить следующим образом:

(I) до конца 40-х гг. XX в. — добихевиоральный;

(II) 50—60 гг. — бихевиоральный;

(III) с 70-х гг. — постбихевиоральный.

---

[81] См.: Rogowski R. Rationalist Theories of Politics: A Midterm Report // World Politics. 1978. Vol. 30 (January). P. 296–322; Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001. С. 94.

При всей условности данной периодизации следует признать, что она все же фиксирует значимые этапы смены теоретико-методологических приоритетов, что представляется важным для рассмотрения проблемы концептуализации нормативизма.

На протяжении столетия в политическом познании существовал ряд постоянно обсуждаемых тем, определяющих проблемное поле политической науки; и на фоне этих констант в различные периоды на первый план выходили разные проблемы, порождающие особенно острые дискуссии. Поэтому неизбежно приходится принимать ряд ограничений. Прежде всего, нельзя претендовать на исчерпывающую полноту описания внутридисциплинарных дискуссий: придется оставить «за бортом» многие важные темы и сосредоточиться только на тех, которые имеют отношение к проблеме нормативизма. Кроме того, и рассмотрение вопроса о том, чем обусловлены рост и падение интереса к конкретным темам — внутренней логикой научного исследования или социальным заказом, — придется оставить за пределами настоящего исследования.

Для решения поставленной задачи представляется полезным выделить две тематические группы, затрагивающие, во-первых, методологию политического познания и, во-вторых, — проблемное поле политической науки. С этих позиций выделенные периоды можно охарактеризовать следующим образом.

Дискуссии добихевиорального периода обусловили развитие политической мысли в направлении смещения интереса от политических институтов к политическому поведению, а в методологическом плане — к утверждению сциентистского образа научного познания в противовес умозрительным дедуктивно-аксиологическим построениям. Главное место занимали вопросы дисциплинарной идентичности — это было временем становления западной политической науки как самостоятельной академической и исследовательской дисциплины со своим проблемным полем, методологическим инструментарием и организационными структурами. При структурировании и организационном оформлении политической науки происходило ее самопознание и самоопределение как автономной дисциплины, а правовое закрепление новых институтов в рамках дисциплины придавало выработанным представлениям о дисциплинарной специфике нормативный характер. Формировался «эталон» политической науки, ее эвристическая программа — то, что можно обозначить как «норма познания». При этом в ходе дебатов о параметрах дисциплины сложился определенный «образ нормативизма», который принято называть классическим нормативизмом.

Специфика бихевиорального периода заключается в том, что политические исследования строились преимущественно на базе поведенческого подхода, или бихевиорализма. Именно бихевиорализм был тем теоретико-методологическим подходом, который определил «стандарт» политических исследований в период поведенческой революции и с этой точки зрения выступил для политической науки в качестве нормативной теории. В целом этот период можно считать тем временем, когда политическая наука пыталась решать свои собственные задачи с помощью своего собственного метода в попытке

выстроить строгую научную дисциплину. Значимыми в данный период были дискуссии о политической науке, в рамках которых обсуждался вопрос о месте и роли политической теории, о задачах, целях и допустимых методах исследования. При этом доминировала позитивистская ориентация, и ее жесткость по сравнению с предыдущим периодом существенно возросла. Общий ход дискуссий этого периода привел от увлечения методологией позитивизма к признанию ограниченности сциентистской познавательной программы; от преобладающей ориентации исключительно на эмпирические методы к признанию важности макротеоретического уровня, от лозунга ценностной нейтральности к признанию необходимости ценностного измерения. В предметном плане в течение этого периода происходил переход от акцента на исследование политического поведения к «новому открытию» институционального анализа.

В постбихевиоральный период происходил поиск альтернативных путей развития политической науки, связанный со смещением акцентов и кооптацией новых проблемных блоков. Он распадается на два временных отрезка, довольно существенно отличающихся друг от друга. Первое десятилетие — 70-е — начало 80-х гг. — условно можно считать переходным периодом от бихевиорализма к новому пониманию целей и задач политического познания. Именно в это время происходит интенсивное инкорпорирование нормативной проблематики в политическую науку и, прежде всего, введение норм в мотивационную структуру политического поведения индивида. Что касается методологических дискуссий, то они в целом шли вдогонку спору о позитивизме, хотя к концу 70-х гг. уже предмет их был исчерпан благодаря выработке расширенного понимания научной рациональности. Отход от методологического позитивизма связан с актуализацией фундаментальных исследований в политической науке.

Начиная с 80-х гг. ускоряются процессы синтезирования и в методологическом, и в проблемно-тематическом плане. Заимствование понятий, методов, идей идет на всех уровнях, вызывая пересечение, сращивание и взаимопоглощение прежних оппонентов. В то же время в методологическом плане зреет новая революция, которая в 90-е гг. охватила философию, социологию, литературоведение и иные отрасли социально-гуманитарного знания. Речь идет о постмодернизме, выступившем на интеллектуальную арену в конце 80-х гг. и поставившем вопрос о легитимности научного познания как такового.

Таким образом, в тематическом плане постбихевиоральный период характеризуется тотальным синтезированием проблематики и предметных областей различных дисциплин, проходящем на фоне осознания необходимости единства политической науки. В методологическом плане от критики жесткого сциентизма, завершившей бихевиоральный период, произошел переход к выработке и поиску нового образца политической науки как совокупности различных дисциплин, имеющих как рефлективный, так и валюативный характер[82]. Деление политических теорий на валюативные и рефлективные является одним из

[82] Напомним, что рефлективная теория выносит субъективность за скобки и ориентируется на познание устройства мира как он есть. В качестве таковой рефлективная теория (как научная, так и

важнейших допущений при решении задачи концептуализации проблемы нормативизма в западной политической мысли XX в. На самом деле все политико-теоретические построения амбиваленты и лишь в разной пропорции сочетают в себе валюативную и рефлективную стороны. Тем не менее представляется возможным акцентировать внимание на наиболее значимых для конкретных теорий элементах и обозначать в качестве рефлективных познавательные конструкции, ориентированные преимущественно на объективное и ценностно нейтральное познание политической реальности, а в качестве валюативных — системы идей, подчиняющих постижение реальности определению ее смыслового значения для человека.

В первом приближении к решению задачи спецификации нормативизма представляется возможным признать, что в качестве нормативных практически всегда рассматриваются валюативные теории — как философские, так и идеологические[83]. *В связи с этим поисковая задача конкретизируется в* следующих взаимосвязанных вопросах, ответы на которые следует искать в истории политической мысли двадцатого столетия:

Каков характер нормативной теории?

Каков уровень нормативной теории — все ли политические теории нормативны, или только макротеории?

Какую эвристическую стратегию предусматривает нормативная теория?

От решения первого вопроса зависит определение того, является ли нормативной не только валюативная, но и рефлективная теория, — т.е. любая ли теория нормативна. Второй вопрос актуализирует проблему соотношения макроуровня теоретического познания с более ограниченными теориями. В частности, он связан с определением того, являются ли нормативными научные теории среднего уровня и микротеории, или же нормативность присуща лишь универсальным макротеориям — общедисциплинарным, идеологическим и философским. Третий вопрос требует дальнейшей конкретизации поисковой задачи в плане методологического аспекта проблемы нормативизма.

философская) пытается открыть универсальные законы, присущие природе, обществу и/или познанию, выявить предельные основания культуры. В противовес ей валюативная теория «представляет собой систему ценностных суждений о бытии и месте человека в нем, о существовании мира как благом или пагубном, разумном или неразумном, справедливом или несправедливом, прекрасном или безобразном, устраивающем или не устраивающем человека. Здесь важен не мир сам по себе, а мир в его ценностном преломлении к человеку» (Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. М., 1997. С. 70; см. также: Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия. М., 1999; Момджян К.Х. Введение в социальную философию М., 1997; Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994).

[83] Так, например, Т.А. Алексеева выражает эту позицию в качестве дефиниции: «Нормативные теории говорят о том, каким должен быть мир. Теория говорит о желательных условиях и выдвигает аргументы, почему они являются более предпочтительными. Нормативные теории защищают нормы и ценности» (Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. С. 10.). Что же касается оговорки «практически», смягчающей категоричность квантификатора «всегда», она служит определенной «страховкой» на тот случай, если вне поля зрения автора оказались некие подходы, отрицающие нормативность ценностных теорий.

Как известно, эвристические инструменты различаются по степени общности. В таксономическом ряду методов восходящая траектория идет от операций и процедур к методике как их определенным образом структурированной совокупности, и далее — к конкретно-предметным, специальным, общелогическим и общенаучным и, наконец, универсальным, философским. В ряду идеальных конструктов степень общности возрастает от понятия к теории, проходя через уровни категории, закона, концептуальной схемы и пр. Теории, в свою очередь, также различаются по уровню общности, образуя восходящий ряд — конкретно-проблемные, специально-научные, общенаучные, философские. Таким образом, конкретно-проблемным микротеориям, объясняющим определенные частные явления, противостоят так называемые «большие теории», или макротеории. Последние носят универсальный характер, и их объяснительная сила распространяется либо на все проблемное поле дисциплины, либо на ее крупные подобласти[84].

На высоких уровнях метод как стратегия исследования и теория, обосновывающая данную стратегию, оказываются неразрывно связанными, что фиксируется в понятии «теоретико-методологический подход»[85]. Раскрывая содержание данного понятия, следует указать следующие параметры:

(1) наличие специфической системы аксиоматических допущений, лежащей в основе теоретических и методологических приоритетов;

(2) выделение «фундаментального элемента» — феномена, аспекта, признака и пр., которому придается наивысшее значение основополагающего и предельного объяснительного фактора;

(3) выстраивание на основе «фундаментального элемента» системы взаимосвязей фактов предметного поля;

(4) установление ограничений и императивов, регулирующих использование эвристических инструментов и интеграцию в данную систему новых данных;

(5) определение условий функционирования в дискурсе, соотношения с другими способами получения и интерпретации знания.

Термином «подход» иногда обозначаются инструменты разной степени общности, а иногда он выступает как синоним понятий «школа» или «парадигма». Это связано с тем, что большинство научных теорий являются частью одной или нескольких теоретических традиций — т.е. развитых мыслительных систем, передающихся на протяжении нескольких поколений исследователей. Для фиксации единства историографического процесса используются такие понятия, как

---

[84] Известно, что Р. Мертон предложил концепцию теоретического познания среднего уровня для преодоления разрыва между микро- и макроуровнями. Теоретические конструкции данного уровня, по его замыслу, призваны объяснять определенный комплекс фактов и явлений и, в общем-то, в приведенной таксономии соотносятся со специально-научными теориями.

[85] В отечественной литературе нормативный подход чаще всего рассматривается в группе общих методов наряду с институциональным, системным, деятельностным, социологическим, психологическим, историческим и пр. Степень концептуализации этих инструментов неодинакова. Так, например, специфика системного, структурного и функционального подходов определена достаточно четко, в то время как про нормативный подход этого сказать нельзя. Количество теоретико-методологических подходов, как и их перечень, в литературе значительно варьируется. См., например: Пугачев В.П. Политология. М., 1999; Мухаев Р.Т. Политология. М., 1997 и пр.

«течение», «направление», «школа». Первые два характеризуют установочную общность исследователей, вторая подчеркивает организационную сторону[86]. В этом смысле говорят, например, о Чикагской и Колумбийской школах в политических исследованиях, о школе Дюркгейма в социологии и школе Фрейда в психологии. Так или иначе, приведенные термины служат для характеристики степени институционализации научных исследований. Для той же цели часто используется термин «парадигма», под которым подразумевается и модель постановки проблем, и образец решения исследовательских задач[87]. В ходе длительных научных дискуссий теория парадигмы, разработанная Т. Куном, стала составной частью более общей теории дисциплинарной матрицы, а сам термин «парадигма» стал использоваться в том числе для характеристики стадии формирования научной дисциплины. На его основе вслед за Куном стали выделять парадигмальный и допарадигмальный этапы науки, противопоставляя их в силу того, что на допарадигмальной стадии отсутствует научное сообщество, определяющее направление исследований в соответствии с общим представлением об основах дисциплины. Вот почему для этого этапа «в особенности характерны частые и серьезные споры о правомерности методов, проблем и стандартных решений, хотя они служат скорее размежеванию школ, чем достижению единства»[88]. Таким образом, можно сказать, что институциализация исследований, ведущихся в рамках определенного теоретико-методологического подхода, превращает его в парадигму в куновском смысле — наиболее общую форму получения, хранения и распространения знания, соединяющую теоретическую, методологическую и социально-институциональную стороны.

Понятие парадигмы и концепция смены парадигм как механизма развития познания стали очень популярными, распространившись далеко за пределы естественных наук (даже на теологию[89]), что, в свою очередь, породило ряд проблем. Прежде всего, данное понятие стало использоваться в самых различных смыслах, что, несомненно, снижает его роль в качестве инструмента анализа[90]. Кроме того, проблематичность использования термина «парадигма» применительно к социальному познанию обусловлена спецификой последнего. По он-

---

[86] Так, если под «течением» понимается аморфная группа исследователей, придерживающаяся общих теоретических установок и методологических принципов, то в рамках «направления» можно говорить также о близости интерпретации данных установок и схожести проблематики исследований. В свою очередь, выделение «школы» происходит, как правило, на основании объединения определенного числа исследователей вокруг некой структуры (университета, фонда, научно-исследовательского института) или личности. В основе этого объединения лежит единство мировоззрения и методов исследования, эталон которых задается «центром притяжения» — соответственно, принятой в рамках данной структуры научной программой или убеждениями и научными интересами «учителя». См.: Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов н/Д, 1997. С. 316–317.

[87] См: Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 271–274.

[88] Кун Т. Структура научных революций. С. 83.

[89] Так, известный католический неомодернист Г. Кюнг предпринял попытку рассмотреть историю развития религиозной мысли как смену парадигм в теологии. См.: Кюнг Г. Великие христианские мыслители. М., 2000.

[90] Брапте Т. Указ. соч. С. 428.

ределению парадигмы, говорить о ее наличии можно лишь в том случае, когда какая-либо достоверная теория господствует над всеми остальными, и все научное сообщество не подвергает сомнению ее постулаты и согласно с предписываемой ею методологией. Что же касается социальных наук, в них доминирование одной объяснительной схемы на основе теоретического консенсуса принципиально невозможно. Прежде всего, это обусловлено тем, что в социальном познании ограничены возможности применения объяснительных моделей, в частности, ясно выражена невозможность применения модели всеобщего закона. Выводы этих дисциплин отличаются меньшей степенью универсальности по сравнению с законами, выводимыми в рамках естественных наук, а также носят вероятностный характер. Это положение особенно явно доказывает свою справедливость для мира политики, где «господствуют ситуации, которые описываются только в терминах «более или менее вероятного»»[91]. Кроме того, в социальных дисциплинах, в том числе и в политической науке, всегда сосуществуют различные подходы, которые даже при условии противоположности аксиоматических допущений и полученных выводов могут не только не вступать в отношения конкуренции, но и просто игнорировать друг друга. При этом задача их сопоставления на основе эмпирической проверки достоверности их выводов практически нерешаема, поскольку возможности эксперимента в социальном познании очень малы.

Сложность применения куновской концепции к анализу развития политического познания в XX в. заключалась и в том, что было невозможно рассматривать уровень его развития как допарадигмальный, поскольку политическая наука уже в середине столетия была институционализирована в качестве автономной дисциплины на международном уровне. В то же время в дисциплине отсутствовала доминирующая традиция, и она, как и другие социальные науки, отличалась «наличием несоизмеримых парадигм, объектов познания, методологий и теорий — короче говоря, несоизмеримых традиций»[92]. В результате произошел отход от куновской концепции диахронного существования научных парадигм к версии их синхронного бытия.

Рассматривая с этих позиций историю политической мысли XX в., можно наметить основные контуры поисковой задачи. Очевидно, что при определении статуса нормативизма как эвристического инструмента можно с полным правом отсечь низшие уровни обоих таксономических рядов — и теоретического, и методологического. Столь же ясно, что нормативизм вряд ли можно причислить к парадигмам — по крайней мере, в силу сомнительности его институционализированности. Таким образом, задача сводится к определению того, правомерно ли рассматривать нормативизм в качестве теоретико-методологического подхода, и если да, то в чем заключается его специфика.

В качестве инструмента решения этой задачи предлагается принять модель «тройственной нормативности». В соответствии с этой моделью, при ана-

---

[91] Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 35.

[92] Бранте Т. Указ. соч. С. 441.

лизе нормативности как характеристики определенной теории выделяются три главных аспекта, условно обозначаемых как «норма познания», «власть нормы» и «норма власти». Их содержательное наполнение раскрывается следующим образом.

(1) «Норма познания» — нормативность связывается с наличием определенного комплекса эпистемологических императивов и ограничений, регулирующих познавательную деятельность.

Отношение между «нормой познания» и теорией может носить как активный, так и пассивный характер. В первом случае теория нормативна постольку, поскольку она устанавливает определенную «норму познания» и, соответственно, выполняет директивную и регулятивную функции. Во втором случае теоретическая конструкция, подчиняющаяся установленной «норме познания», рассматривается в качестве нормативной в том смысле, что она не отличается произвольностью и ситуативностью решений, не выходит за рамки определенных ограничений и, соответственно, остается в области «игры по правилам».

Нельзя не отметить, что при таком ракурсе решения проблемы нормативности акцентируется институциональная основа политического познания — очевидно, что в каждый момент времени в политической мысли сосуществуют несколько таких комплексов, и чем большее число ученых строят свои теории на основе некой «нормы познания», тем больше она укореняется в качестве образца и тем большую регулятивную силу приобретает в научном сообществе, и наоборот — чем в большей мере институционализирована норма, тем большее число теорий ей подчиняется.

(2) «Власть нормы» — нормативность соотносится с исследованием норм — анализом их сущности, происхождения, генезиса и, главное, их роли в политической жизни в целом и в детерминации отдельных политических феноменов.

Данный аспект соотносится с анализом специфики и пределов нормативного регулирования в политической жизни. Под этим углом зрения нормативные теории рассматриваются как подчиненные задаче анализа комплексов кодифицированных и некодифицированных предписаний и правил, регулирующих или призванных регулировать политические процессы.

(3) «Норма власти» — нормативность рассматривается как признание зависимости политического управления от определенных нормативных ограничений.

В этом аспекте акцентируется долженствование, а теории признаются нормативными в силу деонтологической направленности. При этом долженствование может покоиться как на формальном, так и на ценностном основании. Такие теории ставят вопрос об оптимальном (идеальном) способе организации политического сообщества и стремятся установить, на какие образцы должна ориентироваться политическая власть, каким правилам и ограничениям должны подчиняться правители при осуществлении властных полномочий, исходя из каких критериев следует оценивать политические режимы и пр.

Принятие модели «тройственной нормативности» в качестве эвристического инструмента позволяет не только учесть наиболее важные подходы к

трактовке понятия «нормативная теория», но и выделить в различных концепциях те аспекты, которые значимы для настоящего исследования. В связи с этим поисковую задачу можно конкретизировать следующим образом.

Прежде всего, нужно рассмотреть вопросы об изменении на протяжении XX в. «эталона дисциплины» и, соответственно, «нормы познания». Так, рассмотрение институциональных характеристик подчинено выявлению «эталона дисциплины», принятого в данный период в качестве основы и, соответственно, задающего направления и тематику приоритетных исследований и определяющего их методологический инструментарий.

Далее, анализируя исследовательские принципы, нашедшие отражение в политических теориях каждого из рассматриваемых периодов, следует определить, какими были представления о «власти нормы» и «норме власти» — т.е. подходы к определению места и роли норм в политической реальности и степени зависимости политической власти от нормативного регулирования, и изменились ли они по сравнению с предшествующим этапом.

И, наконец, необходимо выявить те критерии, которые служили основанием для спецификации «нормативизма» в истории западной политической мысли XX в. и его разграничения с другими теоретико-методологическими подходами. На этой основе можно определить:

(а) были ли сформулированы (и если да, то какие) специфицирующие черты нормативизма;

(б) можно ли концептуализировать нормативизм в качестве самостоятельного теоретико-методологического подхода, или же его следует определять как иной эвристический инструмент, используемый в политическом познании.

Итак, анализ нормативизма в западной политической науке XX в. строится в соответствии с поисковой задачей.

Рассмотрение институциональных характеристик подчинено выявлению «эталона дисциплины», принятого в данный период в качестве основы и, соответственно, задающего направления и тематику приоритетных исследований и определяющего их методологический инструментарий.

Характеристика интеллектуального фона служит основой для определения векторной сетки взаимовлияний, детерминирующих формирование дисциплинарной «нормы познания».

Анализ подхода к определению «нормы власти» и «власти нормы» в рамках рефлективных и валюативных теорий преследует две цели:

а) выявить особенности данных трактовок для последующего сравнения их с подходом, приписываемым в данный период «нормативизму»;

б) показать неотчуждаемость нормативной проблематики в политическом познании независимо от доминирующего в конкретный момент времени «образа дисциплины».

Наконец, изучение концепций, относимых в рассматриваемый период к нормативизму, строится на основе определения их специфики в постановке и решении нормативных проблем и выявления «линий демаркации», разграничивающих их с другими теоретико-методологическими подходами.

Глава 2

«ВЛАСТЬ НОРМЫ» В СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

§ 1. Политическое знание в XX в.: нормативная сила науки

На протяжении XIX–XX вв. происходила концептуализация политического познания как особого направления социально-гуманитарных исследований. В процессе формирования «образца» политических исследований — того, что выше было обозначено как «норма познания», — ярко выраженной тенденцией была сциентизация политической мысли и нарастающее доминирование науки как формы постижения политической реальности. Стремление к дисциплинарной самостоятельности политической науки, к четкому определению специфики ее предметного поля и методологического инструментария стало основой становления дисциплинарной «нормы познания» — комплекса императивов и ограничений, устанавливающего цели, задачи и приоритеты политического познания. Изучение процесса формирования «нормы познания» в западной политической науке XX в., а также изменения «эталона дисциплины» на протяжении этого столетия предполагают рассмотрение как эпистемологической программы, которая служила основой определения дисциплинарной идентичности политической науки, так и процесса институционализации, в ходе которого найденные эпистемологические образцы организационно закреплялись и приобретали формально-нормативный характер.

Исторически познание политической реальности происходило в различных формах — и на уровне теоретических систем, и в виде разрозненных политических взглядов, представлений и суждений. Если говорить о теоретически оформленной политической мысли, в качестве допущения можно принять ее деление на три разновидности — философскую (макротеоретическую), идеологическую и научную[93]. Общими чертами и философии, и идеологии, и

[93] Нельзя не отметить дискуссионность подобного подхода, обусловленную значительным упрощением реального интеллектуального процесса. К тому же на протяжении столетия многократно

науки являются целостный и системный характер, внутренняя дифференцированность, непротиворечивость, последовательность и доказательность, а также наличие исходной совокупности понятий и утверждений, которые находятся в логической зависимости друг от друга. Хотя соответствие указанным параметрам значимо для всех указанных форм, разница между философскими, научными и идеологическими концепциями довольно существенна. Политико-философское познание при подобном подходе связывается с осмыслением мира политического на высоко абстрактном уровне; оно преследует цели постижения сущности политических феноменов, выявления универсальных и/или наиболее общих закономерностей и взаимосвязей. Идеологическая форма политической мысли связана с построением системы суждений, призванной объяснять политическую реальность и обосновывать, оправдывать или доказывать желательность или неприемлемость неких определенных шагов и решений в конкретных общественно-исторических условиях. Наука же как форма политического познания отличается и от философии, и от идеологии тем, что представляет собой рефлективное изучение конкретных, налично данных политических феноменов и имеет дело с фактами и их взаимосвязями, которые можно зафиксировать эмпирическим путем.

Специфика философских концепций как теоретических конструкций связана, прежде всего, амбивалентностью философской формы постижения реальности. Как отмечает С.А. Хмелевская, философское познание «являет собой знание о мире и о человеке, т.е. раскрывает черты объективной реальности, но описывает и имагинативный (созданный воображением — О.Б.) мир; разрабатывает всеобщее содержание и живет в индивидуально-личностной форме; сочетает реалистический и ценностный подходы; пользуется рационально-дискурсивными и образно-художественными средствами»[94]. Эта амбивалентность была зафиксирована в разделении философских концепций на рефлективные и валюативные. Таким образом, философия в рефлективной форме тяготеет к научной теории, в валюативной — к вненаучным формам постижения бытия[95].

предпринимались попытки как стереть границы и создать научную философию или научную идеологию, так и утвердить статус политического познания за наукой, отказавшись от двух других его форм. Неоднозначность отношения ученых к такому делению вызвано и тем, что, как указывал К.С. Гаджиев, «зачастую имеет место смешение политической философии и политической теории; нередко эти понятия используются в качестве синонимов. В свою очередь, они оба смешиваются с понятием «политическая идеология»» (Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 2000. С. 345–346). И все же при определении тенденций эволюции политической мысли в XX в. такая классификация представляется оправданной, поскольку в отличие от членения теорий на валюативные и рефлективные, когда за основу берется различие подходов к постижению действительности — она связана с комплексной характеристикой выделяемых форм познания.

[94] Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. С. 69.

[95] Нельзя не оговориться, что в конкретных философских системах эти пласты знаний редко существуют в чистом виде, чаще бывают переплетены и взаимосвязаны. В то же время различие их столь существенно, что, например, К.Х. Момджян считает необходимым подчеркнуть: «Мы считаем научную и ценностную парадигмы, скорее, двумя различными философиями, нежели «двумя функциями» одной и той же предметно целостной, концептуально интегрированной системы философского знания» (Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994. С. 46).

На протяжении двадцатого столетия политико-философское познание политики характеризовалось взаимопроникновением различных интеллектуальных традиций, в рамках которых вырабатывались принципы понимания задач и целей политического познания, создавался теоретический фундамент и методология политологических исследований и арсенал идей для политических идеологий. На макротеоретическом уровне формировались представления о социально-политической динамике (причем как в рамках локальных цивилизаций, так и во всемирном масштабе), велась разработка принципов политического научного прогнозирования, формировались представления о механизмах власти и о политическом идеале как цели политического действия, и, соответственно, определялась направленность оценок мира политического.

Что же касается идеологических теорий, то — *хотя представляется неверным полностью отрицать наличие в них рефлективной стороны* — они носят ярко выраженный валюативный характер. «Все политические доктрины, под знаком которых выступают различные политические силы, — писал, например, А.С. Панарин, — являются своего рода «учениями о спасении. И марксизм, и *консерватизм, и либерализм не являются* (несмотря на соответствующие заверения основателей и адептов) научными теориями. В политической борьбе они ищут не истину — они ищут способы отстоять и защитить свои интересы... Опыт всей политической истории свидетельствует, что в политике действует принцип приоритета полезности над научной (и любой другой) объективностью... Но политические учения отличаются от научных не только приматом интереса. Они отличаются также приматом убеждения (веры) над рациональными соображениями.»[96] Таким образом, идеология ориентирована на политические действия, на политический процесс, ее цель — привлечение на свою сторону возможно большей поддержки со стороны участников политического процесса, на который они оказывают наиболее очевидное влияние, предлагая (если не навязывая) иерархию ценностей, целей и задач деятельности (причем те только политической), давая критерии для оценки событий, определяя рамки дозволенного и недозволенного, желаемого и отвергаемого в политике. Основой идеологических систем выступают философские, социологические, правовые, психологические и иные макротеории, положения которых перерабатываются с учетом конкретных целей.

В XX в. крупнейшие идеологические системы прошлого — либерализм, *консерватизм и социализм — претерпели существенные изменения, приведшие* каждую из них к очень важным внутренним трансформациям. Стало очевидным, что ни одна из них в своем «чистом» виде не способна справиться с теми проблемами, которые она была призвана решать — все идеологии столкнулись с кризисными явлениями различной степени тяжести. На протяжении XX в. они служили объектом непрекращающейся критики, а их роль в политической мысли и в политической практике зачастую оценивалась негативно или под-

[96] Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999. С. 52.

вергалась сомнению — вплоть до полного отвержения идеологии как формы политической мысли в концепциях деидеологизации. Однако благодаря высокой адаптивности, свойственной данной форме познания, идеологиям удавалось выходить из кризиса, хотя и ценой утраты первичной идентичности. В результате все они утратили свою классическую форму и вобрали в себя идейные компоненты своих прежних противников. На этой основе возникли промежуточные, гибридные формы идеологий (консервативный либерализм, либеральный консерватизм и пр.) и начались поиски кросс-идеологического консенсуса, ставшие более интенсивными к концу века. В качестве ответа на эту тенденцию усилилась критика подобных «консенсусных» образований со стороны более радикальных вариантов данных идеологических систем.

Несмотря на то, что роль социально-философской и идеологической форм политического познания в XX в. оставалась значительной, все же они оказались оттеснены на второй план нарастающим потоком научных исследований политики. Это дает основание говорить об ориентации на научность как ведущей тенденции развития политического познания.

Следует отметить что само понимание науки и научности является дискуссионной темой, которой посвящен огромный объем литературы, и споры об их параметрах сегодня составляют одно из актуальных и важных направлений[97]. Кроме того, эталоны научного знания менялись в истории — достаточно указать на ее классический, неклассический и постнеклассический образы[98]. Не имея возможности углубляться в обсуждение данной проблемы, отметим, что наука, как правило, определяется как рефлективное постижение действительности, объясняющее реальный, а не воображаемый мир, и в качестве таковой противопоставлятся иным формам духовно-практической деятельности — искусству, религии, морали и пр. Наука представляет собой системно выстроенное рациональное знание о налично данном, опирающееся на правила логического вывода и претендующее не просто на описание реальности, но на определение существенных признаков изучаемых феноменов, выведение закономерностей и построение на их основе практических рекомендаций и прогнозов. Обычно выделяют такие функции науки, как описательная, объяснительная, прогностическая, технологическая и пр. Соответственно, «политическая наука ориентирована прежде всего на объяснение происходящих событий в их

---

[97] См., например: Овчинников Н.Ф. Знание — болевой нерв философской мысли (К истории концепции знания от Платона до Поппера) // Вопросы философии. 2001. № 2; Пыхтин В.Г. Знаниевые парадигмы в восточной и западной культутрах / Науч. записки НГАЭиУ. Новосибирск, 2001. Вып. 1; Никитинская Ю.К. К вопросу о методологии историко-научного исследования // Бытие и познание. Саратов, 1999; Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. М., 1997; Наука о науке. М., 1996; Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994; Смирнов Г.А. Проблема непосредственного знания в истории философии и принципы формализации научных теорий // Вопросы философии. 1995. № 9; Эпистемология и постнеклассическая наука. М., 1992; Степин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996; Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2; Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981; и др.

[98] Подробнее см., например: Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. С. 76–87.

взаимосвязи друг с другом, на анализ факторов, обусловливающих политическое поведение личностей и организаций. Она формулирует подходы и предпосылки, позволяющие описать в относительно точных терминах, систематизировать и свести в единую, логически непротиворечивую модель разноплановые, кажущиеся внешне не связанными друг с другом явления и процессы, протекающие в политической сфере, оценить различные гипотезы, объясняющие настоящее и прогнозирующие различные варианты будущего»[99].

Дискуссии вокруг эпистемологических вопросов сделали очевидным тот факт, что в строгом понимании говорить о «норме познания» можно лишь применительно к рефлективным теориям — к научным и научно-философским формам постижения политической реальности, поскольку лишь в них изначально присутствует признание универсальной значимости «эпистемологического эталона»[100]. Поэтому при анализе формирования «нормы познания» и нормативности «дисциплинарного эталона» в политическом познании речь пойдет прежде всего о политической науке, которая именно в XX в. приобрела статус самостоятельной академической и исследовательской дисциплины со своим проблемным полем, методологическим инструментарием и организационными структурами.

Становление политологии как научной и академической дисциплины происходило в соответствии с общими закономерностями и тенденциями развития научного знания в целом. Кратко эти тенденции можно описать следующим образом.

В рассматриваемый период во всех сферах знания, в том числе и в политической мысли, происходило лавинообразное увеличение материала, подвергающегося научному осмыслению. Это был рост как «вширь», связанный с включением в сферу рассмотрения новых реалий и, соответственно, влекущий возникновение новых тем и проблем, так и «вглубь», ориентированный на более детальное изучение уже познанного. В результате этих процессов произошло изменение структуры научного поля — его деления на дисциплины и субдисциплины, а также «набора» междисциплинарных объединений и комплексов. В основе этих трансформаций лежали две разнонаправленные тенденции.

Прежде всего, ускорился процесс дифференциации знания, сопровождаемый ростом стремления к дисциплинарной автономности. Этот процесс происходил в форме специализации и фрагментации: первая связана с выделением из общего массива знания различных направлений исследований и оформление их в относительно самостоятельные субдисциплины, вторая — с вычленением в рамках субдисциплины относительно самостоятельных предметных областей.

---

[99] Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. 1996. № 4. С. 161.

[100] Идеологии, скорее, ориентированы на максимизацию значимости своих выводов, а не познавательных структур; что же касается философских *валюативных* теорий, то степень их значимости во многом зависит от их уникальности. Однако принимая данную посылку в качестве допущения, следует отметить, что данный вопрос нуждается в специальном исследовании.

Процесс выделения из общего массива социального знания отдельных, относительно самостоятельных дисциплин, в том числе и политической науки, начался еще в XIX в. В двадцатом столетии он затронул сами эти дисциплины — каждая из них оказалась разделенной на множество предметных исследовательских областей, зачастую не связанных друг с другом. Именно в результате дифференциации политической мысли произошло выделение из общего массива политического знания политической науки и выделение в рамках данной дисциплины различных направлений исследований и оформление их в относительно самостоятельные субдисциплины.

К концу двадцатого столетия данный процесс ускорился. Так, еще в 1975 г. исследователи говорили о крайне низкой степени дифференциации политологии. Так, редакторы книги «Политическая наука: основные направления» Ф.И. Гринстайн и Н.У. Полсби в предисловии к этому изданию поставили следующий диагноз: «Политология как научная дисциплина аморфна и гетерогенна»[101]. Это фиксировало положение, при котором политологическое знание было крайне неоднородным с точки зрения теоретического уровня, не было четкой специализации исследований, не сформировались субдисциплины, не сложилось единого комплекса направлений, разрабатываемых в рамках дисциплины. Развитие политической науки в течение последующих двадцати лет привело к существенным изменениям, которые были зафиксированы в новом обзоре состояния дисциплины — «Политическая наука: новые направления»[102]. Политическая наука, говорится в этом издании, к концу двадцатого столетия приобрела новый облик, «процесс специализации привел к возросшей фрагментации субдисциплин, которые утратили былую аморфность, стали хорошо организованными и обрели большой творческий потенциал»[103].

Росту специализации и фрагментации знания противостояла другая тенденция, столь же мощно заявившая о себе, — усиление интеграционных процессов, возникновение новых взаимосвязей между различными областями знания. При этом прочные связи все чаще устанавливались не внутри одной дисциплины, а между отдельными сегментами разных дисциплин — происходил процесс, подобный диффузии, а именно — взаимопроникновение различных наук, получивший название гибридизации. Данный процесс проявился не только в заимствовании различными дисциплинами друг у друга понятий, теорий и методов, но и в создании новых, гибридных, дисциплин — например, таких, как политическая география, политическая теория развития или политическая антропология и региональные исследования. По данным исследователей, в конце XX в. все наиболее существенные проблемы, над которыми работают политологи, принадлежали к проблемному полю гибридных дисциплин, и большая

---

[101] Handbook of political science / Ed. by F.I. Greenstein, N.W.Polsby. Reading (Mass.), 1975. P. 1.

[102] A new handbook of political science / Ed. by R.E. Goodin, H.D. Klingemann. Oxford, 1996; в рус. пер.— Политическая наука: новые направления. М., 1999.

[103] Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 113.

часть ученых, занимающих верхние ступени иерархической пирамиды политической науки, работали именно в гибридных субдисциплинах[104].

Рост материала и усложнение структуры знания — общая тенденция, характерная для всех областей научного познания. Она стала причиной того, что на протяжении XX в. и в естественных, и в технических, и в социальных науках утвердился коллективный способ получения знания. При этом деятельность по «добыче истины» все более строилась по принципу производства, что подразумевает разделение функций между участниками процесса, наличие четкой технологии, т.е. набора фиксированных операций в определенной последовательности, контроль над качеством готовой продукции, необходимость получения соответствующих навыков и пр.

Развитие этого производства идет по пути институционализации, суть которой американские исследователи Дж. Мейер и Б. Роэн определили как появление формальной структуры, связанное с легитимизацией рационализированных формальных процедур[105]. В основе процесса институционализации лежит потребность в эффективной организации исследовательской работы, позволяющей аккумулировать и упорядочить рассредоточенный теоретический и эмпирический материал. Для решения этой задачи прежде всего определяются и фиксируются основные параметры «дисциплинарного эталона». В соответствии с ним определяются приоритетные направления исследований. Работа по данным направлениям обеспечивается:

(а) посредством организации комплексной подготовки научных кадров, способных квалифицированно решать исследовательские задачи в рамках дисциплины, что, соответственно, связано с созданием системы отдельных учебных заведений или специализированных отделений в рамках уже существующих академических структур;

(б) путем создания научных коллективов различного уровня вплоть до научно-исследовательских центров, которые позволяют не только организовать научные исследования, но и обеспечить внутридисциплинарную коммуникацию.

Внутридисциплинарная коммуникация подчинена задаче обмена информацией. Средством решения этой задачи служат как непосредственное общение ученых в рамках конференций, симпозиумов и пр., так и публикация результатов исследований через систему специализированных периодических изданий. Тем самым в ходе внутридисциплинарной коммуникации происходит формирование и организационное оформление научного сообщества. В частности, это проявляется в создании ассоциаций, объединяющих специалистов данной отрасли науки в национальных и интернациональных рамках.

Следует отметить, что термин «научное сообщество» — также достояние XX в. Он был введен британским философом науки М. Полани, пытавшимся

---

[104] См: Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 139.

[105] См.: Meyer J.W., Rowan B. Institutional organisations: Formal structure as myth and ceremoniy // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83.

определить условия, обеспечивающие в рамках научного познания свободу коммуникации и сохранение традиций. Данным термином Полани обозначил совокупность исследователей со сходной специализированной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и ее отношения к социальной среде[106]. Это понятие фиксирует коллективный характер производства знания, а также подразумевает необходимость коммуникации ученых с целью обмена информацией о результатах исследований и достижения их согласованной оценки, а также принятия членами сообщества общих норм познавательной деятельности[107].

Уже в самом понятии научного сообщества фиксируется его нормативный характер: оно призвано упорядочивать процесс познания, осуществляя регулирующую, координирующую и контролирующую функции. Научное сообщество выступает основой и гарантом реализации «дисциплинарного эталона» и носителем дисциплинарной идентичности. В силу этого оно претендует на роль верховного арбитра во всех вопросах, касающихся производства знания. Фиксируя нормативность воздействия научного сообщества на процесс познания, Гудин и Клингеманн подчеркивают, что дисциплинарные традиции накладывают довольно жесткие ограничения на научную практику и властно диктуют направления и способы исследований; однако такой диктат имеет и позитивную сторону — стандарты деятельности, создаваемые научным сообществом, концентрируют внимание на важнейших задачах науки и облегчают сотрудничество ученых, поскольку создают определенную структуру, в рамках который каждому исследователю отводится свое место. В итоге подчинение исполнителя дисциплине научной отрасли ведет к улучшению качества и повышению эффективности работы как в личном, так и в коллективном плане[108].

---

[106] Для описания феномена объединения людей, занимающихся производством научного знания, контактирующих в ходе решения исследовательской задачи и обменивающихся информацией по результатам исследования, использовались также такие понятия, как «республика ученых», «научная школа», «невидимый колледж».

[107] Для обозначения совокупности императивов морального характера, принятых в научном сообществе и определяющих поведение ученого, используется термин «этос науки». Концепция нормативного этоса науки была разработана в 40-е гг. XX в. Р. Мертоном. С его точки зрения, основу этоса науки составляют четыре императива: универсализм, всеобщность, незаинтересованность и организованный скептицизм. Первый из них требует от ученого в процессе познания руководствоваться не личными предпочтениями, а универсальными критериями его оценки, в качестве которых выступают обоснованность и доказательность научных выводов. Именно универсализм, согласно Мертону, обеспечивает единство науки и позволяет синтезировать различные подходы. Императив всеобщности призывает относиться к полученным результатам как достоянию всего научного сообщества и, соответственно, запрещает препятствовать распространению научной информации. Третий императив — незаинтересованность — призывает каждого исследователя соглашаться с обоснованными выводами независимо от того, соответствуют они его собственным убеждениям или противоречат им. И, наконец, под «организованным скептицизмом» Мертон подразумевает стремление к постоянному совершенствованию знания, для чего ученый должен непредвзято относиться к своим выводам и подвергать их рациональной критике.

[108] См.: Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 31–32.

Развитие научного сообщества по пути институционализации превращает его в сообщество профессиональное[109], которое призвано обеспечивать гарантии сохранения условий труда, уровня доходов и социального статуса своих членов. В свою очередь, оно берет на себя ответственность за квалификацию членов сообщества и выступает гарантом их способности работать в данной области. Профессионализация научной дисциплины приводит к ужесточению контроля над деятельностью ученых со стороны научного сообщества, выступающего как сообщество профессионалов. При этом последнее не только служит источником нормативных ограничений, создающих «эталон дисциплины», но и выступает посредником между своими членами и обществом, определяя их социальный статус и контролируя условия их трудовой деятельности.

Контроль над профессиональной деятельностью ученых со стороны научного сообщества осуществляется в двух основных направлениях и связан, с одной стороны, с руководством исследовательским процессом, с другой — с обеспечением профессиональной компетентности членов сообщества. В первом случае акцент ставится преимущественно на соблюдении установленной «дисциплинарной нормы». Для решения этой задачи используются:

(а) контроль над проблематикой дисциплины как через принятие нормативных документов (например, перечня специальностей и направлений специализации в рамках дисциплины), так и посредством целенаправленного регулирования тематики исследований путем стимулирования разработки тех или иных проблем при помощи заказов, грантов, конкурсных заданий и пр.;

(б) организация обмена информацией в специализированной периодике и на научных форумах различного уровня;

(в) стандартизация процесса профессиональной деятельности — выработка процедур исследования и представление их результатов на суд сообщества.

Во втором случае речь идет о контроле над соблюдением уровня профессиональных знаний, необходимого для выполнения членами сообщества тех функций, которые отведены им в рамках данного социума. Решение этой задачи предполагает организацию системы обучения профессии и выработку единых критериев квалификационных оценок, на основании чего не только устанавливается норма «минимальной профессиональной компетентности», но и выстраивается иерархия специалистов, профессионально работающих в данной области. При этом нормативное регулирование со стороны профессионального научного сообщества выходит за рамки дисциплины и распространяется на социальную сферу — как на сам процесс формирования научно-исследовательских структур, так и на их кадровую политику и распределение в них рабочих мест, которые ставятся в зависимость от квалификационного отбора.

---

[109] Напомним, что профессия — род трудовой деятельности человека, требующая владения комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки и опыта работы, во многом определяющая социальный статус и являющаяся источником существования.

Итак, в двадцатом столетии наука оказалась в роли доминирующей формы получения и фиксации знания, что во многом было обусловлено практической направленностью исследований и ориентацией на повышение их эффективности. Важнейшим фактором в становлении «дисциплинарного образца» науки и усилении его нормативной силы было превращение процесса познания в коллективную деятельность. Это сделало предельно актуальными задачи выработки общей стратегии, разделения труда и организации совместных усилий, обеспечения технологической четкости и подконтрольности всех этапов процесса.

§ 2. Поиск нормы политического познания

На протяжении всего двадцатого столетия повышенное внимание к используемым методам исследования и анализу теоретико-методологических подходов было характерно для всех отраслей знания — и в естествознании, и в обществознании происходили важные изменения, осмысление которых шло в ожесточенных дискуссиях, выдвинувших на первый план вопросы основания и принципов социального познания. Эти дискуссии затронули множество проблемных сфер, но для самоидентификации политической науки, на наш взгляд, наиболее значимым были три группы вопросов.

Первая группа касалась проблемы специфики социальных явлений и, соответственно, поиска детерминант общественной жизни. В качестве основных противостоящих друг другу подходов здесь выступали редукционизм и антиредукционизм. В рамках этой дихотомии происходило осознание специфики социального познания вообще и политического познания, в частности. Первоначально данная дихотомия выражалась в противостоянии натурализма и социологизма: первый подход сводил социальную реальность к природной и объяснял общественные явления физическими, биологическими или психологическими факторами; второй занимал позицию антиредукционизма, настаивая на специфике социального и необходимости объяснения общества на уровне социальных фактов.

В конце XIX — начале XX в., когда социология вела борьбу за дисциплинарную самостоятельность, социологизм, признававший приоритет социальных факторов в деле познания человека и общества, носил воинствующий характер. В попытках утвердить свое первенство в познании человека и общества, он выступал как «социологический экспансионизм», редуцировавший все виды человеческой деятельности к социальной основе, а все гуманитарные науки — к социологии. Тем самым по отношению к другим сферам социального познания социологизм занимал позицию редукционизма.

В связи с этим на рубеже веков особую актуальность приобретало обсуждение принципа объяснения политической реальности и, в связи с этим, поиск детерминант политических процессов. Становление политической науки было связано с борьбой за утверждение специфики и автономности политических

явлений, не позволяющей их полностью редуцировать к экономической, правовой и социальной основе. В качестве примера можно привести концепцию итальянского мыслителя Г. Моски, который одним из первых утверждал автономность политических феноменов по сравнению не только с природными, но и с социальными явлениями и на этом основании настаивал на необходимости специфических методов анализа политической реальности. По Моске, если предметом социологии служат действия масс, то политическая наука направлена на изучение системы власти. Она ставит в центр внимания конкретное устройство власти в конкретном обществе и ее носителя — правящий класс. В отличие от правоведения политическая наука концентрируется на государстве не как на юридическом, а как на политическом институте, и выделяет его политические функции. Важнейшими среди этих функций Моска считал защиту граждан и организацию управления обществом посредством объединения всех политически значимых сил и обеспечения их взаимодействия[110].

Наряду со стремлением доказать специфику своего предмета в том, что касалось инструментов познания, политическая наука ориентировалась на междисциплинарность: заимствование методов, понятий и теоретико-методологических подходов других дисциплин продолжалось на протяжении всего двадцатого столетия. Более того, уже в начале века такая позиция получила теоретическое обоснование. Так, американский ученый Ч.Э. Мерриам — один из основоположников экспериментальной политической науки, основатель и лидер Чикагской школы политических исследований — полагал, что создание новой политической науки, способной ставить и решать действительно значимые проблемы, невозможно без применения методов общественных и естественных дисциплин. По его мнению, политическая наука должна «наилучшим образом усвоить и использовать все то, что внесли в современные мышление и практику другие науки»[111].

В бихевиоральный период исследования политического поведения также носили междисциплинарный характер, и это вполне соответствовала эпистемологическим установкам, выработанным Чикагской школой. Но междисциплинарность осуществляемых проектов была обусловлена не столько осознанной стратегией исследований, сколько организационными причинами. Повышенный интерес к поведенческим исследованиям, востребованность их результатов, стимулирование развития этого направления — все это вызвало лавинообразный рост проектов, каждый из которых был связан с осуществлением большого объема работ. Для реализации этих проектов требовалась максимальная аккумуляция научных сил, что повлекло за собой привлечение к исследовани-

---

[110] См.: Моска Г. Метод в политической науке // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. № 3; Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 4, 5, 8, 10,12; Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 4, 8; Mosca G. Elementi di scienza politica. 1896; Michels R. Gaetano Mosca und seine Staatstheorien // Schmoller's Jahrbuch. Munch.-Lpz., 1929. Jg. 53. H. 5. S. 111–130;

[111] Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 164.

ям специалистов самых различных специальностей. Таким образом, научные программы осуществляли по большей части не политологи, а представители смежных дисциплин. В ходе реализации поведенческих исследовательских проектов понятия, гипотезы, методы и техники заимствовались из самых различных академических дисциплин по мере необходимости и применялись в соответствии с логикой исследования, а не на основе дисциплинарных предписаний. Гибридный характер поведенческих исследований требовал принятия принципа индивидуализма в методологии, и в результате большинство ученых, работавших в области изучения политики, было вынуждено признать за каждым исследователем право использовать те методы, которые он считает наиболее продуктивными в данном конкретном случае, независимо от того, в рамках какой науки они были разработаны[112].

Однако декларируемый плюрализм, снимавший все ограничения на заимствования и даже поощрявший их, существенно затруднил обоснование специфики политической науки. В политическую науку переносились термины, методы и фрагменты предметных областей других наук, как гуманитарных, так и естественных, а тесное взаимодействие политологии с другими дисциплинами предельно расширяло диапазон ее исследований и в определенной мере размывало ее границы. Все эти процессы, ставшие особенно интенсивными к концу бихевиорального периода, привели к отказу от попытки создать теоретически и методологически единую отрасль знания. Таким образом, нависла угроза дезинтеграции дисциплины[113].

В тоже время, несмотря на все негативные последствия внедряемого в бихевиоральный период плюрализма, последний имел и определенные преимущества: существующие различия признавались не в качестве конкурирующих принципов, а как дополняющие друг друга подходы к исследованию сложных явлений. Таким образом, процесс смещения акцентов и кооптации новых проблемных блоков, начавшийся в постбихевиоральный период, расценивался не только как желательное, но и как легитимное усовершенствование «нормы дисциплины».

Тем не менее, и сегодня, в начале третьего тысячелетия, проблему дисциплинарной специфики еще нельзя считать решенной. Хотя к концу XX в. острота дискуссий о соотношении предмета, проблемного поля и методологии поли-

---

[112] Такой подход занимал прочные позиции и в Европе. Так, в Великобритании при учреждении в 1950 г. политологической ассоциации возобладало мнение оксфордских ученых, согласно которому «сумма исследований» в политике строится на методах, заимствованных из истории, философии, социологии, права, экономики и даже литературной критики, применительно к изучению и описанию политического процесса, государственной власти, государственного и муниципального управления, конституционного устройства, международных отношений и т.д. Именно перечисленные объекты исследования — это то единственное, что и объединяет занимающихся ими специалистов» (Бэрри Б. Изучение политики как призвание // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 82).

[113] См.: Ricci D.M. The tragedy of political science. N.H., 1984; Almond G. A discipline divided: schools and sects in political science. Newbury Park, L., New Delhi, 1990.

тической науки, о критериях ее разграничения с другими отраслями знания несколько снизилась, эти темы по-прежнему остаются спорными.

Вторая группа вопросов, вокруг которых шла дискуссия в социальном познании, была связана с решением проблемы соотношения индивида и социума, с построением каузальных связей между социальными явлениями, а также с выбором «единицы исследования», соотносимой с первичным фактом общественной жизни. В этом проблемном поле интеллектуальная интрига развивалась в русле противостояния, с одной стороны, солидаризма и конфронтационизма, с другой — реализма и номинализма.

Первая дихотомия, «солидаризм — конфронтационизм», фиксирует различие позиций в вопросе о сущности и целях социальной жизни и, в частности, о назначении и роли такой формы организации социума, как государство. Данная дихотомия восходит к проблеме природы человека, породившей две интеллектуальные традиции в истории осмысления общественного бытия человека, развивавшиеся практически параллельно. Согласно первой, общество представляет собой ассоциацию, соответствующую природе людей и возникшую естественным путем, согласно второй, — искусственно созданное образование, сконструированное асоциальным по своей сущности человеком для реализации своих целей[114]. Влияние данной оппозиции проявилось в трактовке природы человека — в первом случае как принципиально социальной, во втором — как изначально асоциальной. Сторонники солидаризма, опирающиеся на первую трактовку, считают государство инструментом раскрытия заложенных в природе человека свойств, а именно, — обеспечения природной склонности людей жить сообща и оказывать друг другу помощь и поддержку. В солидаристских теориях назначением государства считается создание с помощью политической власти и юридических норм условий для совместного существования людей и обеспечение общего блага и общих интересов. Противоположная сторона, конфронтационизм, видит в государстве средство подавления и нейтрализации асоциальной природы человека. В конфронтационных концепциях оно является легитимным носителем добровольно переданных ему полномочий, гарантом и механизмом реализации договоренностей[115].

Занимая различные позиции в вопросе о природе человека, обе традиции признавали, что государство есть результат целенаправленных усилий, в основе которых лежит человеческая или божественная воля. В начале XIX в. «естественная» и «искусственная» трактовки социума объединились в представлении о том, что социально-политическая деятельность человека являет собой

---

[114] Первая традиция идет от Аристотеля через Сенеку, Фому Аквинского, Гроция к Вольтеру, Монтескье, Бёрку и де Местру; вторая наиболее ярко проявилась в учениях Эпикура, Ульпиана, Гоббса, Локка, Вольфа и Руссо. В учениях, синтезирующих оба подхода (к примеру, в философии Канта), государство понимается как субъект верховной власти, легитимность которой обусловлена его ролью представителя и носителя права. Кант полагал, что принудительная сила, присущая праву в соответствии с его природой, в государстве приобретает вид легитимного насилия.

[115] Дилемма солидаризма и конфронтационизма существовала также в виде противопоставления гармонии и конфликта как основы социальности в целом и политических ассоциаций, в частности.

особый вид конструирования — «социальную механику», направленную на познание естественной природы общества и закрепления ее в соответствующих институтах. К концу XIX в. идея природной социальности человека стала приоритетной. Она поддерживалась и усилиями антиредукционистов по утверждению автономности и специфичности социальной реальности. В результате в центре внимания оказалось противопоставление «правильного» государства, построенного в соответствии с природой человека и в силу этого способного обеспечить процветание общества, и «неправильного» государства, не соответствующего природе человека и потому не способного вывести общество из кризиса и обеспечить человеку достойное существование. Необходимость решения «социального вопроса» и дискуссии о путях его решения, связанные с обсуждением способов устранения «неправильного» государственного устройства и параметров «правильного» государства, послужили важнейшим фактором в процессе самоидентификации политической науки.

В качестве примера можно привести уже упоминавшиеся концепции Г. Моски и Ч. Мерриама. Согласно Моске, защищавшему позиции конфронтационизма, ставку надо делать на государство как средство примирения противоположных интересов: «научная политика», опирающаяся на результаты исследований, должна обеспечить рациональное использование всех элементов, имеющих политическую ценность, и тем самым позволит организовать государство оптимальным образом. Согласно Мерриаму, близкому традиции солидаризма, политическая наука должна быть нацелена на раскрытие политических возможностей, заложенных в человеческой природе. На данной основе можно будет установить новые политические отношения, в которых важную роль будет играть «уравновешенный» тип личности. Именно это позволит минимизировать негативные последствия политических действий и оптимизировать социальное устройство путем «разумного регулирования и применения научных категорий ко все более важным силам социального и политического контроля»[116].

Вторая дихотомия, «реализм — номинализм», касается решения вопроса о соотношении части и целого, общего и единичного[117]. Согласно социальному реализму, признающему, что целое больше суммы частей, специфика социального сводится к надындивидуальным формам человеческого существования. Объектом познания в этом случае должны служить «социальные факты» —

---

[116] Цит. по: Бэрри Б. Изучение политики как призвание. С. 166.

[117] Важно отметить, что в политическом познании дихотомия «реализм — номинализм» имела еще одно измерение: эта оппозиция также выражалась в понятиях «холизм» и «методологический индивидуализм». Холизм связан с установкой на целостное рассмотрение политической реальности, на создание макротеории, имеющей по отношению к политической реальности универсальную объяснительную силу. Как правило, холистскую направленность имели эссенциалистские системы, стремившиеся к познанию глубинных сущностей, скрывающихся за фиксируемыми в опыте феноменами. Противники данного подхода, позиционировавшие себя в качестве приверженцев «строгой научности», склонялись к изучению частных, конкретных случаев, усматривая в холистической направленности угрозу схематизма и систематворчества.

внешние по отношению к человеку структуры и институты, определяющие индивидуальное поведение. Согласно социальному номинализму, общество как таковое не имеет реального существования — на самом деле существует только совокупность людей, вступающих друг с другом во взаимодействие. Поэтому в качестве реально существующего «первичного факта» выступает социальный субъект, обладающий определенными целевыми установками и намерениями и совершающий на их основе осмысленные действия.

В политическом познании эта дихотомия проявилась, например, в противостоянии институционального и бихевиорального подходов. Так, если бихевиористы в качестве единицы исследования признают индивида, делающего политический выбор, то «приверженцы институционального анализа стремятся объяснить большую часть явлений через их институциональные характеристики» и «полагают, что политические явления — и особенно процесс политического выбора — можно объяснить с позиций институтов, ответственных за принятие определенного решения и воплощения его в жизнь»[118]. Проблему, ради решения которой бихевиористы отвергли принципы классического институционализма, можно обозначить вопросом: что более важно — система норм или решение индивида следовать этим нормам? В более общем теоретическом смысле речь идет об определении вектора причинно-следственной зависимости: что чем определяется — поведение индивидов институциональными нормативными системами или институты различными типами поведения.

Исторически при решении этой проблемы доминировавшие в политической науке подходы менялись: в начале XX в. превалировал реализм институционального подхода, к 50-м гг. возобладала номиналистическая позиция бихевиорализма, а в последней трети столетия, в постбихевиоральный период, ведущей тенденцией стала попытка преодолеть — или, по крайней мере, смягчить — данную оппозицию. Прежде всего, это проявилось в стремлении совместить в рамках рефлективного теоретического исследования фундаментальную посылку об автономности институтов с важнейшими результатами поведенческих исследований. Однако дихотомия «номинализм — реализм», сыгравшая важную роль при становлении политической науки, не утратила своего значения и в конце XX в.: проблема соотношения институционального предписания и индивидуального выбора сохранила свою актуальность.

Позиции сторон существенно разнятся и в подходе к затронутой выше проблеме решения «социального вопроса». Социальный реализм утверждает, человек с его целями и устремлениями является следствием социальных процессов, а не их причиной, и, соответственно, эффективные преобразования должны ориентироваться на трансформацию социального целого, за которой и вследствие которой произойдет и изменение индивидов. Согласно социальному номинализму, эффективные преобразования должны затрагивать соци-

---

[118] Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. С. 229.

альные атомы, т.е. воздействовать на индивида и совокупность его взаимодействий с другими индивидами, — только в этом случае может произойти изменение общества в целом.

В политической мысли дихотомия реализма (холизма) и номинализма (методологического индивидуализма) определила тематику дискуссий о предмете политической науки, единице политического исследования и путях повышения его эффективности. В первой половине XX в., до начала «поведенческой революции», превалировало стремление к созданию целостной теории, обладающей универсальной объяснительной силой. Макротеоретические построения были обычным способом организации исследовательского материала. В эпоху поведенческой революции преобладали номиналистические концепции и господствовало недоверие к макротеоретическим, холистским конструкциям, не связанным с определением реальных параметров и конкретных причин политического поведения на индивидуальном или на массовом уровне. При этом главным аргументом выступало то, что исследование сущности политики, норм и высших целей политической деятельности не просто выходит за рамки науки, но и является пустой тратой времени, поскольку познание сущности политических явлений либо вообще невозможно, либо не нужно, либо и то, и другое одновременно. Эта тенденция по-разному проявлялась в Европе и в США. Так, в европейской политической мысли — во многом в силу многовековой традиции философствования Старого Света — интерес к макротеоретическому познанию политических явлений никогда не был периферийным, и здесь на протяжении всего двадцатого столетия нормативистские теории составляли довольно жесткую конкуренцию позитивистской ориентации в политическом познании. Что же касается североамериканской политологии, то, созданная по сциентистским образцам и программам, она по преимуществу вдохновлялась идеалом «чисто научного» политического познания и долгие годы сохраняла скептическое, если не негативное отношение не только к политической философии, но и к теоретическому познанию вообще, соглашаясь относить к сфере политической науки только конкретные, по большей мере прикладные, исследования[119].

При этом изучение политического поведения велось в двух основных направлениях — с одной стороны, ученые стремились определить и проанализировать факторы, детерминирующие тот или иной вид политической активности,

---

[119] Это обстоятельство нашло проявление и в институциональном аспекте: так, если до 1930 г. политическая теория неизменно была представлена отдельной секцией на ежегодных собраниях Американской ассоциации политической науки (ААПН), то к концу 30-х гг. политическая теория в качестве таковой исчезла из ее программы. В целом в результате американского доминирования в политологии, установившегося в межвоенные и усилившегося в первые послевоенные годы, познавательные принципы нормативного подхода, да и макротеоретическое и философское познание политического как таковые все более вытеснялись на периферию политического знания. О причинах этого доминирования см., в частности: Бойцова О.Ю. Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления // Вестник МГУ. Сер. 12. «Политические науки». 2001. № 1; Политическая наука: новые направления. С. 83–93; Дмитриев А.В. Политическая социология США: Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.

с другой — проследить процесс формирования данных факторов. Прежде всего, исследования велись на уровне отдельного индивида — это направление было приоритетным. По большей мере ученые концентрировали усилия на изучении электорального поведения как наиболее яркого случая политической активности индивида. Часто в качестве самого авторитетного труда в данной области признается коллективная работа американских исследователей «Американский избиратель» (1960)[120], посвященная анализу предпочтений избирателей и психологической природы партийной идентификации. Ее авторы пытались определить общие закономерности процесса голосования, определяющие выбор в пользу того или иного кандидата, а также основания, по которым индивид относит себя к какой-либо определенной партии.

Политическое поведение изучалось и на уровне социальных групп разного уровня общности. В рамках данного направления Р. Далем, например, было проведено знаменитое исследование политического поведения в общинах, результаты которого были опубликованы в его книге «Кто правит?» (1961)[121]. Значительное место занимало изучение элит, нацеленное на получение и систематизацию репрезентативных данных об этих социальных группах. В качестве примера такого исследования можно назвать работу Дж. Уолке и Х. Эулау «Законодательная система» (1962), посвященную определению значимых факторов в политическом поведении правящей элиты на основе сравнительного анализа законодательной власти нескольких штатов, а также исследование Х. Эулау и К. Прюитта «Лабиринты демократии» (1973)[122].

Вторая сторона проблемы — процесс формирования политических убеждений — была связана с анализом политических отношений между отдельным гражданином и социальной группой. Важной вехой в деле изучения взаимосвязей между политическими идеями, взглядами, циркулирующими в частной сфере (в семье, школе, ближайшем окружении индивида), стали так называемые беннингтонские исследования Т. Ньюкома, а также проект К. Дженнингса, организованный при поддержке фонда Данфорта[123]. Они немало способствовали формированию относительно самостоятельного направления исследований на стыке социологии и политологии — изучения политической социализации. Это направление было тесно связано со школой политической социологии, берущей начало в работах Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета (П. Лазарсфельд, В. Ки, Ф. Мангер). В центре внимания школы находился анализ влияния социальной среды на формирование политических убеждений и установок индивида, пути согласования индивидуальной цели и независимого внешнего влияния социальной структуры.

---

[120] См.: Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American voter. N.Y., 1960.

[121] Dahl R.A. Who governs? N.H., 1961.

[122] Wahlke J., Eulau H. The legislative system. N.Y., 1962; Eulau H., Prewitt K. Labyrinths of democracy. Indianapolis, 1973.

[123] См.: Миллер У.И. Политическое поведение: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

В этих исследованиях значительное место принадлежало и Мичиганскому университету, который реализовал соответствующие проекты в 1952 и 1956 гг.[124]

В то же время роль Мичиганского университета в поведенческих исследованиях в большей мере связана с другим направлением — школой политической психологии (А. Тверски, Д. Канеман, Г. Брэйди, П. Снайдерман), которая сосредоточила внимание на изучении процесса принятия политических решений и воздействия средств массовой информации на формирование и динамику политических предпочтений. В частности, велся поиск ответов на вопросы о том, как в условиях ограниченной и даже минимальной информации граждане могут сформулировать осмысленное политическое мнение и вообще принимать участие в политике, каковы критерии отбора информации при политическом выборе.

Период бихевиорализма в политическом познании был относительно недолгим, а его «господство» далеко не абсолютным. Ко времени начала эпохи постбихевиорализма проблематика, подходы, классические труды политических мыслителей еще не успели забыться. Тем более, что этому всемерно противились критики бихевиоральной гегемонии, в частности, представители политической философии и валюативных политических теорий. Несмотря на прокламируемое дистанцирование от макротеорий в бихевиоральный период среди исследователей не угасало стремление к выработке и сведению в систему универсальных объяснительных принципов, которое и вылилось в многочисленные попытки создания позитивных макротеорий — системной, функциональной, структуралистской и пр. В постбихевиоральный период эта ситуация была «узаконена»: макротеоретическая перспектива перестала восприниматься как обязательно метафизическая и потому научно неприемлемая. Это проявилось и в том, что в 70-х гг. теоретическое познание вновь обретает статус официально признанного направления политических исследований и входит в реестр МАПН в качестве отдельной политологической субдисциплины со всеми вытекающими отсюда институциональными последствиями. При этом, наряду с разработкой указанных объяснительных схем, возникали теории не менее общего характера — теории развития, футурологические концепции, теории стадий роста и пр.

Третья группа вопросов затрагивала социальное познание как таковое и была связана с определением его целей, задач, принципов и границ. При решении этих вопросов основная борьба шла в рамках дихотомии «сциентизм — антисциентизм». Данное противостояние связано с поисками оптимальной модели социального познания, а принципиальные разногласия между оппонентами проявляются в решении вопроса о том, можно ли и нужно ли в познании человека и его общественного бытия ориентироваться именно на науку как форму получения и фиксации знания.

Для сциентизма наука как рациональная форма фиксирования общезначимого, надындивидуального знания, позволяющего эффективно решать теорс-

---

[124] См.: Миллер У.И. Политическое поведение: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

тические и практические задачи, является высшей культурной ценностью и единственной легитимной объяснительной моделью. Более того, заложенное в ее сущности стремление к постоянному расширению и углублению знания признавалось главным стимулом социального прогресса, а сама наука выступала «поставщиком» эффективных инструментов социальных преобразований. Важнейшим итогом более чем столетних попыток провести демаркацию научного и ненаучного знания в рамках позитивистской традиции стала выработка так называемой стандартной модели науки. Эта модель строилась на постулате «единой науки» — признании универсальности познавательных принципов, отсутствии принципиального различия между естественными и социальными науками. Непременными условиями научности выступали принцип ценностного нейтралитета, ориентация на эффективность и экспериментальную проверяемость, строгость эмпирических исследований и решительный отказ от «абстрактного теоретизирования». Сциентистская эпистемологическая модель оказала огромное влияние на самоидентификацию всех гуманитарных дисциплин — в том числе и на политическую науку.

На рубеже XIX—XX вв. основными оппонентами сциентизма считались «философия жизни», неокантианство и концепция «понимающей социальной науки», в 20—50-е гг. на эту роль претендовала сначала «понимающая социология», затем экзистенциализм и критическая теория Франкфуртской школы. Антисциентизм в решении проблемы целей, задач, принципов и границ социального познания исходит из противоположной сциентизму посылки, подчеркивая, что общество принципиально отличается от природных явлений тем, что создается и сохраняется благодаря наличию в нем определенных традиций, норм и ценностей. В силу своей уникальности социальное бытие не имеет системного характера и не подчиняется законам. Отсюда следовал вывод о специфичности социального познания: во-первых, поскольку возможности формализации социальных явлений очень ограничены, социальное познание должно строиться на иной методологической базе, отдавая приоритет не количественным, а качественным методам; во-вторых, социальное исследование имеет иные задачи и цели, оно призвано не просто фиксировать наличное данное, а вырабатывать представления о должном, позволяющие человеку ориентироваться в социуме; в-третьих, в процессе познания общественных явлений исследователь выступает как его ангажированный участник, оказывающий влияние и на изучаемую ситуацию, и на результаты исследования. В противовес сциентистской ориентации на ценностную нейтральность антисциентизм выдвигает принцип включенности исследователя в жизнь общества.

Для антисциентизма наука является лишь одной из возможных познавательных моделей. В более мягких формах предлагаются проекты усовершенствования науки путем актуализации ценностного измерения. В крайних формах антисциентизма выдвигается требование вообще отказаться от науки и связанной с ней техники под лозунгом возврата к традиционным формам постижения мира (религия, миф, искусство), поскольку признается, что наука не только бесполезна для познания мира человека, но и вредна.

В политическом познании добихевиорального периода противостояние сциентизма и антисциентизма сыграло весьма значимую роль. В это время утвердилось стремление к научности политических исследований, связанное с активными попытками дистанцироваться от философских и идеологических конструкций. В качестве идеала политического познания была признана модель науки, теоретически и методологически разработанная и обоснованная в рамках сциентизма. В то же время влияние антисциентистской позиции проявлялось в стремлении ограничить сферу применения эмпирических и логико-математических моделей, снизить статус позитивистки понимаемой «научности», обосновав ее подчиненное положение по сравнению с ценностно-нормативными принципами политического познания, уйти от эмпиризма и обосновать правомерность философского осмысления сущности политических феноменов. И все же необходимо признать, что становление политической науки определялось ориентацией на сциентистскую модель.

В Европе одна из первых попыток построить политическое познание в соответствии с моделью сциентизма содержится в уже упоминавшейся концепции Г. Моски. В своем двухтомном труде «Основы политической науки» (1886, переиздан 1923) он определял политическую науку как исследование системы политической власти в обществе с целью определить устойчивые тенденции, определяющие ее устройство[125]. В полном соответствии со сциентистской эвристической программой Моска требует освободить политическую науку и основанную на ней политическую деятельность от подчинения умозрительным схемам и мифологическим представлениям. Политические исследования, по его убеждению, должны строиться на эмпирическом фундаменте, опираться на максимально возможное количество фактов, на основе которых следует формировать истинные суждения.

Моска особо подчеркивал такую характеристику политической науки, как универсальность. По его мнению, характер науки политическому познанию придает наличие комплекса универсальных, не подвергаемых сомнению истин. Универсальность достигается благодаря исключению всякой субъективности — начиная от личных предпочтений ученого и заканчивая теми идеями, которые носят хронологически или структурно ограниченный характер, т.е. распространены в ту или иную эпоху или разделяются представителями отдельных национальностей или социальных групп. Еще одним важным параметром политической науки Моска считал ее направленность на практику. Задачу политологии он усматривал прежде всего в анализе наличной данной ситуации, а именно, — в определении «политической формулы» — той юридической и моральной базы, которая определяет организацию, структуру и характеристики власти в конкретном обществе. Политическая наука должна давать реальную картину политического процесса, что позволит осуществлять «научную политику» — т.е. политику, которая строится на до-

[125] См.: Mosca G. Elementi di scienza politica. 1896; Michels R. Gaetano Mosca und seine Staatstheorien // Schmoller's Jahrbuch. Munch.-Lpz., 1929. Jg. 53. H. 5. S. 111–130.

стижениях политологии и использует ее достижения в качестве инструмента решения практических проблем.

В США комплексная теоретико-практическая разработка сциентистской модели политического познания впервые была осуществлена в рамках упоминавшейся выше Чикагской школы политических исследований. Ее основатель Ч.Э. Мерриам исходил из того, что политическая реальность — срез социальной жизни общества и так же, как и последняя, подчиняется универсальным и объективным законам. Поэтому политические процессы, как и природные, протекают в устойчивых формах. Для них характерно две тенденции: приверженность традиции и творческая адаптация к изменениям. Основные процессы политического контроля также осуществляются сходным образом. Следовательно, их можно вычленить и подвергнуть рациональной обработке, определив основополагающие элементы политической цивилизации и детерминанты ее развития. В связи с этим политическая наука, полагал Мерриам, «должна основываться на изучении политического процесса, в рамках которого выстраиваются политические институты, а также на описании их внешних черт и деятельности... основных привычек, черт, предрасположенностей индивидов, от которых зависит политическое действие...»[126]. Основной целью своих разработок Мерриам считал придание политическим исследованиям научного характера, благодаря чему удастся «заменить мнение достоверными фактами и наблюдаемыми связями, а необоснованные верования — опытом»[127]. Добиться более глубокого знания ведущих тенденций, действующих в политическом мире, возможно, по его мнению, в том случае, если исследования будут носить эмпирико-экспериментальный характер, если удастся обеспечить максимально полный сбор политической информации, использовать такие инструменты, как наблюдение, описание, метод эксперимента с помощью контролируемых политических групп[128].

Таким образом, политическое познание должно быть ориентировано на изучение реальности и получение истинного знания о ней, т.е. на определение механизмов и детерминант политических процессов. Необходимо обеспечить объективность и достоверность политических знаний, для чего необходимы беспристрастность научного исследования, соблюдение ценностного нейтралитета, исключение ценностного подхода и нормативного компонента при изучении политических феноменов[129]. Следует особо подчеркнуть, что

---

[126] Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 171.

[127] Мерриам Ч. Новые аспекты политики. С. 181.

[128] Наиболее значимые эксперименты, по Мерриаму, «можно подвергнуть предельно тщательному наблюдению с целью регистрации касающихся их наиболее важных фактов, что и может составить основу политической мудрости, как и науки о политике» (Мерриам Ч. Новые аспекты политики. С. 170.).

[129] На первый план выдвигалась задача изучения политических ценностей, интересов и установок конкретных групп и индивидов и их влияния на политику. В частности, Мерриам пишет о необходимости обратить внимание на установление взаимосвязи политических действий с фундаментальными инстинктами человека, вычленить элементы политической морали, разработать проблемы принуждения и подчинения, определить роль образования и пропаганды в формировании общественного мнения. «То, к чему мы на самом деле стремимся, — писал Мерриам, — это понимание политических

Мерриам не принимал позицию жесткого сциентизма. Мерриам больше склоняется к прагматистскому варианту, что проявляется в скептическом отношении к идее универсальности методов естествознания и в акцентировании педагогических функций политического познания[130].

Более жесткую сциентистскую позицию занимал австро-американский исследователь П. Лазарсфельд, ставший одним из ведущих представителей бихевиорализма. В 1929 г., еще преподавая в Венском университете, Лазарсфельд основал Институт прикладных социальных исследований, где разрабатывались методики и техники эмпирической социологии и предпринимались попытки использования ее результатов для решения практических задач[131]. В результате Лазарсфельд сформулировал четыре методических принципа, играющих роль нормативного образца исследования:

для охвата социальной действительности необходимо сочетание качественных и количественных методов;

должны быть замерены объективные факты и субъективные установки;

современные наблюдения должны быть дополнены историческим материалом;

следствий и тропизмов, познание основополагающих политических традиций, свойств и нравов человечества, их действий и противодействий, их соотношения с группами и ситуациями, из которых они проистекают и которые их определенным образом обусловливают. Такой анализ, если его успешно осуществить, может обеспечить глубокое знание политического процесса и его принципиальных основ, знание, каким мы еще не обладали» (Мерриам Ч. Новые аспекты политики. С. 176–177.)

[130] По мнению Мерриама, из дисциплинарной открытости политической науки «...не следует, что методы политики будут сродни методам физики; каждый новый вид исследования должен сформировать свои собственные методы. Рабское подражание не только непродуктивно, но, по сути, может даже нанести вред, о чем свидетельствуют многочисленные неудачи «научной» общественной науки» (Мерриам Ч. Новые аспекты политики. С. 178.) Эту позицию разделяли и другие представители Чикагской школы. В одном из наиболее авторитетных проектов политической науки, разработанных на основе взглядов Мерриама Г.Д. Лассуэллом, предпринималась прямая попытка объединения научности политических исследований и политической ангажированности исследователя. См.: Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические наук. 1990. № 11; Лассуэл Г. Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. 1994. № 1; Оберемко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Г. Лассуэлла // Социально-политические науки. 1990. № 11; Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. / РАН ИНИОН. М., 2000; Короткова Н.В. Разработка Г.Д. Лассуэллом методов политического психоанализа // Социально-политический журнал. 1998. № 4.

[131] На основе таких методов, как включенное наблюдение, анализ биографий, замер скорости передвижения и пр., решались многие «мелкотемные» вопросы: как происходит выбор профессии рабочей молодежью, как воздействуют упаковки мыла на потребителей разных социальных страт, кто быстрее передвигается — работающие или безработные и пр. В Вене П. Лазарсфельд, М. Яхода и Г. Зайзель осуществили классический для социологии проект — анализ социальных и психологических последствий безработицы на примере австрийского поселения Марикенталь (1933) (См.: Jahoda M., Lazarsfeld P.F., Zeisel H. Die Arbeitslosen von Marienthal. Frankfurt,1980). Этот проект не строился на какой-то определенной теории — был составлен список вопросов, и каждый ученый пытался ответить на них в ходе «полевых» исследований (в итоге общий вес бумажных документов, фиксирующих полученные данные, превысил 30 кг). Именно за мариентальское исследование Лазарсфельд получил грант фонда Рокфеллера, позволивший ему переехать в США и создать свою научную школу, — после получения американского гражданства он вызвал в Штаты из Австрии восемь своих лучших учеников.

должны применяться как прямые, запланированные, так и скрытые наблюдения за спонтанной жизнью[132].

В бихевиоральный период сциентистская ориентация политической науки стала более жесткой. Ориентация на методологический плюрализм и междисциплинарность исследований имело единственное ограничение: любой из применяемых методов должен подразумевать использование доступных проверке фактов и логических правил вывода. В этих условиях единственным «цементирующим» фактором оказалась сциентистская эпистемологическая модель, регулятивная и директивная роль которой повышалась в течение всего периода. При этом одним из средств создания «новой науки о политике» было окончательное дистанцирование от тех эвристических установок, которые специфицировались как нормативистские.

Развертывание политических исследований в рамках бихевиорального подхода, продолжавшееся на протяжении «поведенческой революции», привело к возникновению ряда явлений, негативный потенциал которых обусловил кризис бихевиорализма и необходимость поиска альтернативных путей развития. Важнейшей причиной нарастания нежелательных эффектов было внутреннее противоречие бихевиористской эпистемологической модели. Речь идет о том, что поведенческая революция, проходившая под знаком сциентизации политических исследований, привела к ряду последствий, противоречащих принципам данной модели.

Во-первых, объединение в рамках поведенческих проектов эвристических инструментов различных дисциплин привело и к движению в обратном направлении — к тотальной экспансии бихевиорального подхода. Он нашел применение в самых различных отраслях знания и стал восприниматься как общезначимое средство познания социальной реальности и чуть ли не единственно пригодное для получения истинного знания. Теоретико-методологические принципы бихевиорализма приобрели регламентирующую функцию — именно они лежали в основе определения научно значимых исследований и оценки их результатов. Тем самым бихевиорализм сам оказался в роли макротеории, претендующей на универсальную объяснительную силу и нормативную эпистемологическую значимость, — т.е. теории такого типа, отказ от которой выступает одним из фундаментальных принципов сциентистской модели науки.

Во-вторых, бихевиоральные исследования заняли практически монопольное положение в политической науке, сосредоточив научные силы на одном направлении: подавляющая часть ученых оказались задействована в поведенческих проектах, не говоря уже о лучших специалистах, которых «вербовали» из всех дисциплин. Другие подходы, проблемы, направления оказались не только оттеснены на периферию, но и поставлены в крайне неблагоприятные условия, не способствующие их развитию. Тем самым плюрализм, на котором должна была строиться «позитивная политическая наука», оказался существенным образом ограничен — он сохранял силу лишь на уровне конкретных методик.

---

[132] См.: Jahoda M., Lazarsfeld P.F., Zeisel H. Die Arbeitslosen von Marienthal. Frankfurt, 1980.

В-третьих, несмотря на все усилия по реализации программы создания «новой политической науки», результаты оставляли желать лучшего: вместо консолидированного единого познавательного механизма, направляющего и координирующего усилия специалистов разных направлений, получился набор конкурирующих — или, что даже хуже, — не замечающих друг друга групп, ведущих разрозненные исследования и решающих конкретные мелкие вопросы. Это породило недовольство научного сообщества и усилило сомнения в конституирующих способностях бихевиорализма.

Уже в конце бихевиорального периода начался активный поиск перспективных путей развития политических исследований. В 70-е гг. стало очевидным, что выход из кризиса связан с пересмотром «нормы познания» и введением в «эталон дисциплины» нормативной проблематики. При этом ставка делалась на преемственность — повседневные проекты не отменялись, а дополнялись нормативными аспектами. Возможность такого относительно мягкого перехода к иным теоретико-методологическим приоритетам была обусловлена несколькими обстоятельствами эпистемологического плана. Прежде всего, в политическом познании сциентистская эпистемологическая программа, на которую ориентировался бихевиорализм, не сводилась к методологическому позитивизму и в действительности никогда не выполнялась. Это проявилось и в отношении к макротеоретическому знанию, и в сохранении ценностного фона исследований. Политическая ангажированность исследователей, влияние которой исключалась из сферы сугубо научной работы, но ни в коей мере не возбранялась «за пределами лабораторий», проявилась в достаточно жесткой корреляции бихевиорализма с неолиберальной идеологией.

В последней трети XX в. в западной политической мысли произошли существенные изменения, затронувшие доминирующие представления о «норме познания», заставившие смягчить принцип ценностной нейтральности и ввести в «эталон дисциплины» нормативные вопросы, синтезировать теоретико-методологические установки институционализма и бихевиорализма. В то же время, в 80-е гг. в рамках постмодернизма был предложен принципиально новый подход к пониманию политического, целям и задачам его постижения. Теоретики постмодернизма утверждают, что «постмодернизация» как объективный процесс трансформации общества на определенном этапе его развития, потребовала «эпистемологического разрыва» с традиционными формами познания, прежде всего, с научными концепциями. Под сомнение была поставлена легитимность рациональности как таковой, независимо от того, применялась ли она при получении научного знания, в обосновании ценностей или просто как фундамент здравого смысла. В качестве альтернативы выступал принцип глобального плюрализма, связанный с отказом от признания абсолютными любых авторитетов и ценностей, стремлением к преодолению всех границ и условностей, с попыткой выхода за пределы бинарной логики к смысловой многозначности и, таким образом, с полным разрушением нормативной структуры научного познания.

Итак, можно следующим образом описать становление и трансформацию эпистемологической нормы политической науки в двадцатом столетии.

Интеллектуальный контекст, в котором происходило формирование дисциплинарной нормы политической науки, отличался разнообразием теоретико-методологических подходов. Наибольшее значение для рассматриваемого процесса имели дихотомии «редукционизм — антиредукционизм» (определение специфики политических феноменов и методов их познания), «реализм — номинализм» (выбор единицы исследования и стратегии политических преобразований) и «сциентизм —антисциентизм» (определение эпистемологической программы). Важнейшим нормативным образцом для политической науки служила сциентистская модель. Однако на деле она никогда не была осуществлена в своем «чистом» и наиболее жестком варианте.

Вопросы дисциплинарной идентичности политической науки вышли на первый план на рубеже XIX--XX вв., хотя они стали актуальными еще в девятнадцатом столетии. С конца XIX в. началось интенсивное самопознание политической науки, требующее как определения ее проблемного поля, так и «спецификации» ее эвристических инструментов. Наибольшей активности этот процесс достиг в период поведенческой революции, когда формирование структуры проблемного поля политологии сопровождалось концептуализацией бихевиорализма и попыткой создания политической науки по сциентистскому образцу. Это было связано с выработкой единых жестких эпистемологических правил и с созданием исследовательских моделей, выполняющих для научного сообщества функцию образца. В постбихевиоральный период правомерность и польза подобных усилий были поставлены под сомнение, жесткая сциентистская модель науки подверглась критике. В результате радикализации этой критики в концепциях постмодернизма и эпистемологического анархизма под вопросом оказались не только сциентистские взгляды на научность, но и право на существование науки как таковой. В этом контексте в политологии произошел переход от критики жесткого сциентизма, завершившей бихевиоральный период, к выработке и поиску новой «нормы познания», в рамках которой легитимировалось существование политической науки как совокупности многих дисциплин и интегрирующей ценностно-нормативный подход и научную объективность, универсализм и плюрализм, эффективность и идеологическую принципиальность.

§ 3. Институционализация: нормативное закрепление стандартов и статуса политической науки

Становление политической науки включало в себя не только выработку представлений о дисциплинарной идентичности и стандартов познания, но и их нормативное закрепление в ходе процесса институционализации — формирования различных организационных структур, ассоциаций, исследовательских и образовательных центров, системы средств распространения научной инфор-

мации. Институционализация политической науки — более позднее явление по сравнению с аналогичными процессами в других дисциплинах: языкознании, истории, антропологии, экономической науке и социологии, которые значительно опередили политологию в самоопределении и становлении.

Организационные структуры, упорядочивающие процесс политического познания, существовали в Европе задолго до двадцатого столетия и обычно были связаны с академическим процессом: начало формального обучения политике в университетах и учреждения соответствующих кафедр относится к XVII в.[133] Однако это были лишь разрозненные «институциональные всплески», мало связанные с современными структурами политической науки. В Европе процесс институционализации политических исследований ускорился и приобрел необратимый характер лишь начиная со второй половины XIX в. Во многом это было связано с осознанием нового статуса социального знания и с процессом создания новых университетов[134]. И все же эволюция европейских образовательных учреждений в Новое время не привела к полноценному организационному оформлению политической науки, и изучение политических феноменов, как правило, развивалось в рамках других дисциплин. Хотя политические исследования и получили формальное признание в рамках университетской системы, все же они занимали подчиненное положение. Так, во Франции в конце XIX в. предметную нишу политической науки занимали более развитые в институциональном отношении дисциплины: на юридических факультетах — публичное право, на философских — социология. Соответственно, политическая наука рассматривалась как субдисциплина или правоведения (в качестве конституционного права), или социологии (как политическая

---

[133] Произошло это в странах Северной Европы: в 1613 г. первопроходцем выступил Лейденский университет (Нидерланды); в 1622 г. была организована кафедра красноречия и политики в университете г. Упсала (Швеция), в 1640 г. — кафедра политики и истории в академии г. Або, в то время принадлежавшего Швеции (теперь — в Финляндии). Несколько позже, в 1672 г., при французской Королевской академии наук была создана Свободная школа политических наук. До этого времени, в средневековых университетах, где базовыми были четыре факультета — философский, юридический, теологический и медицинский, изучение политики велось преимущественно на двух из них (философском и юридическом), в очень малой степени проблемы политической сферы затрагивались на теологическом факультете. Среди ранних структур неакадемического характера нужно назвать действовавшее в США в 80-х гг. XVIII в. Общество политических исследований.

[134] В 1855 г. кафедра социальной и политической науки стала одним из структурных подразделений нового Католического университета Ирландии в Дублине. Позже, в 1908 г., она была преобразована в отделение этики и политики. В конце XIX – начале XX в. были учреждены кафедры истории и политической науки в университетах в Лунде в 1889 г., в Гетеборге – в 1901 г. (Швеция). Во Франции в 1872 г. Э. Бутли открыл частную образовательную структуру с тем же названием, что и аналогичное учреждение XVII в., — Свободная школа политической науки (Ecole Libre des Sciences Politiques). Вслед за ней в Италии была образована флорентийская Школа социальных наук (Cesare Alfieri, 1874), сыгравшая важную роль в развитии политических исследований в Европе. В 1893 г. появились школы политических и социальных наук в Бельгии — при Католическом университете Лувены и Свободном университете Брюсселя, в 1895 г. – Лондонская школа экономики и политической науки (London School of Economics and Political Science), созданная по модели французской школы Бутли, а в 1902 г. по образцу этих школ была создана аналогичная структура в Лозанне (Ecole des Sciences Sociales et Politiques).

социология). В Великобритании исследования политики в первой половине XX в. также развивались в университетах (с 1902-го по 1939 г. треть всех университетских преподавателей была сосредоточена в Оксфорде и Кембридже), однако вплоть до 40-х гг. в них не было специализированных отделений политической науки, как и понимания специфики именно политических исследований[135].

В североамериканских университетах институционализация политической науки шла более быстрыми темпами и с большим успехом. В то время как интеллектуальное лидерство в политическом познании вплоть до первой мировой войны принадлежало Европе, и американские ученые считали необходимым либо получать образование, либо, по крайней мере, повышать квалификацию в европейских университетах, приоритет в вопросах организационного становления политической науки принадлежал США[136]. К 80-м гг. девятнадцатого столетия преподавание основ политической науки в этой стране стало повсеместным, что повлекло за собой организационное закрепление полологии в качестве академической дисциплины. Отделения или школы политической науки возникли в ведущих университетах — Йельском, Гарвардском, Принстонском, университете Джона Гопкинса, Мичиганском, Пенсильванском, Висконсинском и др. Развитие этого процесса привело к тому, что к 1914 г. более чем в двухстах колледжей (это почти половина всех колледжей США того времени) читались учебные курсы по политической науке, а в сорока действовали отделения политической науки[137].

---

[135] См.: Бэрри Б. Изучение политики как призвание // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 82–83. Лондонская школа экономики и политической науки, сыгравшая важную роль в дисциплинарном самоутверждении политологии, тем не менее не была политологической структурой в строгом смысле слова. Она ориентировалась на весь спектр социального познания, а о расстановке акцентов и исследовательских приоритетах этой академической единицы красноречиво свидетельствуют как принятый при ее учреждении принцип «пяти «Е»» (education, economics, efficiency, equality and empire — образование, экономика, эффективность, равенство и империя), так используемая для ее обозначения аббревиатура LSE (т.е. Лондонская школа экономики).

[136] Первые шаги в направлении создания специализированных подразделений по изучению политики в США были сделаны уже в первой половине XIX в. — в университете штата Вирджиния в 1825 г. была учреждена кафедра философии морали, в рамках которой наряду с историей и политэкономией отдельно изучались политические проблемы. Тремя годами позже конституционное право, политическая философия и политэкономия были введены в качестве обязательных предметов в программу колледжа Йеля, впоследствии преобразованного в университет. В 1857 г. в нью-йоркском Колумбийском колледже была создана кафедра истории и политической науки, возглавлял которую Ф. Либер — иммигрант из Германии, с 1835 г. работавший в Южнокаролинском колледже. Вплоть до 1872 г. он читал в Нью-Йорке курс лекций по политической теории, во многих отношениях сформировавший представления о рамках преподавания политологии. Моделью последнего служило немецкое университетское образование, ориентированное на сравнительные историко-аналитические исследования. Немецкой модели следовал и образованный в 1868 г. в структуре Корнелльского университета (штат Итака) первый специализированный колледж истории и политических наук, ставший образцом для других американских учебных заведений. В 1876 г. в университете Джона Гопкинса на отделении истории и политической науки, возглавляемом Г.Б. Адамсом, стала действовать первая образовательная программа по подготовке дипломированных специалистов в области исторических и политических исследований, которая также представляла собой американскую версию немецкой образовательной программы.

[137] См.: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. N.Y., 1982.

Важные события, ставшие этапом в процессе институализации политической науки в США, но имевшие не только локальное, но и общемировое значение, произошли в 1880 г. Во-первых, была разработана и внедрена система подготовки научных кадров, включавшая в себя квалификационную аттестацию специалистов, — защиту диссертаций и присуждение ученых степеней по политическим исследованиям[138]. Во-вторых, было положено начало процессу организации профессиональной коммуникации в рамках политологического сообщества — начал издаваться первый специализированный журнал «Политические науки» («Political Sciences»), который заложил основы политологической научной периодики[139].

Эти события внесли огромный вклад в дело формирования и консолидации научного политологического сообщества — как на национальном, так и на международном уровне. Начавшись в конце XIX в., этот процесс заметно активизировался в начале XX в. и бурно развивался на протяжении всего столетия. Важно отметить, что он шел, как правило, вне университетских структур. Так, исследователи отмечают, что вплоть до Второй мировой войны в большинстве стран не было организаций, объединяющих университетских политологов[140]. Обмен научной информацией осуществлялся в трех основных формах. Во-первых, в рамках определенных групп и обществ, занимающихся анализом политического процесса и выработкой практических рекомендаций. В качестве примера можно привести Фабианское общество и Общество экономического планирования в Великобритании. Во-вторых, в рамках широких академических ассоциаций, в которых политологи находились в меньшинстве, — например, таких, как Венское юридическое общество или Канадская ассоциация политической науки, которая, несмотря на название, вплоть до 1968 г. носила междисциплинарный характер. В-третьих, в рамках научных форумов. Так, коммуникацию ученых,

---

[138] Это произошло в Нью-Йорке в Колумбийском университете (в то время — колледже), где Дж.У. Берджесс по образцу французской школы Бутли создал Школу политических наук. Эта академическая структура, которая считается основоположником американской национальной политологической школы, оказала влияние на институционализацию политической науки не только в США, но и в Европе.

[139] Среди первых научных изданий были вышедшие в свет в 1883 г. «Ежеквартальник политической науки» («Political Science Quarterly») и «Исследования Джона Гопкинса в истории и политической науке», учрежденное Колумбийским университетом издание «Исследования в области истории, экономики и публичного права». За ними в 1903 г. последовал журнал «Анналы Американской академии политической и социальной науки» («The Annals of the American Academy of Political and Social Science»), в 1906 г. — «Обозрение американской политической науки» («American Political Science Review»). В это время политологическая периодика существовала и в Европе. Так, флорентийская Школа социальных наук «Cesare Alfieri» с 1883 г. выпускала журнал «Обозрение социальных и политических наук», в 1886 г. во Франции появилось специализированное издание — «Анналы Свободной школы политической науки».

[140] См., например: Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов н/Д, 1997; Бэрри Б. Изучение политики как призвание // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001; Barents I. Political Science in Western Europe. A Trend Report. L., 1961; Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. N.Y., 1982.

занимающихся политическими исследованиями, организовывала французская Свободная школа политической науки, которая начиная с 1900 г. регулярно проводила конгрессы по политическим наукам.

В начале XX в. началось формирование национальных ассоциаций политологов, и это стало важнейшей вехой на пути консолидации научного сообщества и институционализации политической науки. Пальма первенства здесь также принадлежала США, где организационное строительство политологии шло наиболее активно. Так, уже в конце XIX в. в Филадельфии возникла первая структура, объединяющая специалистов в области политики, — Американская академия политической и социальной науки (American Academy of Political and Social Science, 1889), в которую, помимо ученых-политологов, входили также юристы и политики-практики. А в 1903 г. было учреждено первое профессиональное общенациональное объединение политологов — Американская ассоциация политической науки (American Political Science Association), призванная не только координировать научные исследования, но и защищать общедисциплинарные интересы. В Европе первая национальная политологическая ассоциация возникла в 1935 г. Это была Финская ассоциация политической науки[141].

Новый импульс процессу институционализации политической науки придала Первая мировая война. Несмотря на сложную обстановку, этот процесс шел и в Европе: в Берлине по образцу школ конца XIX в. была создана Высшая политическая школа (Deutsche Hochschule fur Politik, 1920), из которой впоследствии образовалась целая система институтов, в том числе действующая в наши дни Академия политического образования ФРГ. В Великобритании расширился круг университетов, где велось преподавание дисциплины о политических явлениях и процессах, — в частности, это происходило в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Бирмингемском, Ливерпульском и других университетах. В межвоенное время (1920—1940 гг.) в Великобритании началось издание специализированных журналов — «Публичная администрация» («Public Administration», 1923), «Политический ежеквартальник» («Political Quarterly», 1930), «Политика» («Politics», 1934).

И все же с начала двадцатого столетия и вплоть до его середины процесс обретения политологией статуса автономной отрасли знания преимущественно протекал на американской почве. В межвоенный период это объяснялось различными причинами. Прежде всего, в Европе институционализация политической науки существенно сдерживалась общими трудностями, с которыми сталкивалась политическая мысль. Здесь возобладал принцип подчиненности политических исследований задачам идеологического и политико-пропагандистского характера и не могло быть и речи о независимом политическом анализе,

---

[141] Следует также упомянуть, что в числе первых национальных объединений политологов, появившихся вслед за ААПН, были также китайская (1932) и индийская (1938) ассоциации. См.: Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949-1999 / International Political Science Association. Dublin, 2000.

и, следовательно, не было механизмов, стимулирующих расширение структуры исследовательских организаций.

Более того, установление фашистских режимов привело к тому, что многие западноевропейские ученые (П. Лазарсфельд, К. Мангейм, Х. Моргентау, Л. Штраус, З. Фрейд, Г. Маркузе и многие другие) вынуждены были переселиться за океан. Они не только придали новый импульс американской политической науке, но и внесли значительный вклад в процесс институционализации дисциплины, в становление системы образования в целом и непосредственно в исследования в области политической науки. В то время профессора, эмигрировавшие из Европы, преподавали на факультетах социальных наук практически во всех американских высших учебных заведениях. Все эти факторы во многом обусловили как интеллектуальное доминирование американской политологии в первой половине столетия, так и повышение престижа политической науки в целом.

Кроме того, в 20—30-е гг. политические исследования в США стали пользоваться широкой поддержкой со стороны государства и частного бизнеса, что привело к тесному переплетению академических и государственных, политико-стратегических интересов. Так, в 1927 г. при Американской ассоциации политической науки был создан Специальный Комитет по политике, призванный повысить эффективность политических исследований. Фондом Карнеги была выделена немалая по тем временам сумма в 7,5 тыс. долларов на такие цели, как «организация и координация научных исследований, осуществление широкой программы взрослого и государственного школьного обучения, публикация полученных данных, кратких изложений законодательных актов и других государственных документов, надзор за подготовкой и размещением политологов в государственной службе»[142].

Немного раньше была организована Федерация исследований в области правительственных отношений (Government Research Conference, 1914), координацию деятельности которой осуществлял Мичиганский университет. Впоследствии на развитие этой отрасли науки были направлены мощные денежные потоки, что стимулировало резкий рост организаций, специализирующихся на изучении политики: за два десятилетия между мировыми войнами здесь было создано около тридцати подобных центров[143]. Многие из них работали при крупнейших университетах — Чикагском (1925), Принстонском (1937), Колумбийском (1940). Университетские центры политических исследований сыграли важнейшую роль в определении общей ориентации дисциплины — причем как в понимании целей и задач исследований, так и в определении теоретико-методологических приоритетов[144].

---

[142] См.: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. N.Y., 1982. P. 99.

[143] См.: Дмитриев А.В. Политическая социология США: Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 7.

[144] Американский исследователь Д.М. Фриман отмечает, что решающую роль в развитии политической науки как дисциплины сыграли Чикагский и Колумбийский университеты, а также университет Джона Хопкинса. См.: Freeman D.M. The making of a discipline // The theory and practice of political science / Ed. by W. Crotty. Evanston, 1991. Vol. 1. P. 15–44.

Американское доминирование в политической науке проявилось и в том, что бихевиорализм возник и превратился в основу политических исследований именно в США. Оставляя пока в стороне вопрос о специфике этого подхода, важно подчеркнуть, что определяющую роль в том переломе в политическом познании, который был связан с повсеместным утверждением бихевиорального подхода и получил название поведенческой революции, сыграла институциональная сторона[145]. Действительно, выработка теоретико-методологических основ бихевиорального подхода началась задолго до «поведенческой революции».

Основные принципы этого подхода применительно к политическим исследованиям были определены и опробованы на практике еще Чикагской школой политической науки в 20-х гг.[146] Следует особо подчеркнуть, что основатель школы Ч. Мерриам не ограничился теоретической аргументацией идеи важности и полезности экспериментальных политических исследований в целом и изучения политического поведения в частности. Его вклад в дисциплинарное становление политической науки определяется, в первую очередь, тем, что он придал политическим исследованием форму проекта, сочетающего три основные стороны:

(1) теоретико-аналитическую, заключающуюся в определении тематики исследований и формулировании поисковой задачи, составлении программ сбора и обработки опытных данных;

(2) организационную, подразумевающую (а) создание базовых структур для сбора, анализа и распространения политической информации и (б) определение функций участников, последовательности исполнения ими заданий, порядка представления результатов и формы ознакомления с ними научного сообщества;

---

[145] В связи с этим уместно привести мнение известного социолога Т. Бранте: «Когнитивные конфликты свидетельствуют не только о желании найти истину, но и о наличии общественных и институтивно-политических причин. В определенной мере теории следует понимать как культурную собственность, культурный капитал... Теоретические конфликты свидетельствуют о попытках реализовать инвестированный капитал, инвестированные профессиональные интересы и знания. По мнению Алвина Гоулднера, конфликты внутри сообщества ученых мы должны понимать как игру на выживание, потому что «хлеб одного — это смерть другого». Успехи молодого поколения с необходимостью подрывают положение патриархов других парадигм: «В наше время интеллектуальная жизнь — это борьба за сохранение и перераспределение культурной собственности между конкурирующими поколениями (или группами интересов, классами и т.д.)». (См: Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 443.)

[146] Говоря о влиянии на становление бихевиорализма в политической науке, нельзя не упомянуть о ряде школ эмпирико-позитивистского толка, специализировавшихся в области психологии, социологии, антропологии, экономической науки, которые в первые десятилетия двадцатого столетия действовали в Чикагском университете. Их отличительной чертой были сциентистская направленность и позиции социального реформизма. Так, Чикагская школа социологии, выступившая непосредственным вдохновителем создания Ч. Мерриамом аналогичной структуры для политических исследований, имела четкую ориентацию на научное обеспечение решений, принимаемых местными органами власти, а также формирование общественного мнения в целях достижения эффективности социальных процессов.

(3) финансовую, связанную с обеспечением исследовательских действий при помощи средств, выделяемых органами управления, университетами, фондами и т.д.

Благодаря этим проектам не только началось систематическое эмпирическое изучение политического процесса, но и были сформированы новые организационные структуры — в частности, Комитет по социальным исследованиям при Чикагском университете и Комитет по политическим исследованиям в рамках ААПН, а также налажены подготовка и издание книг с изложением и обоснованием полученных результатов. Все это позволило говорить о создании Чикагской школы политических исследований, сыгравшей значительную роль в самоидентификации политической науки[147]. Однако, несмотря на впечатляющие результаты, демонстрирующие значительный эвристический потенциал данного подхода, в тот период поведенческие исследования не получили значительного распространения, плодотворность эмпирических исследований в области общественных наук была поставлена под сомнение, а недостаточность организационной базы обусловила отсрочку «бихевиорального бума» на десятилетие. Здесь опять становится очевидной роль организационных факторов: в конце 30-х гг. Чикагская школа Ч. Мерриама прекратила свое существование именно в силу административных действий — ведущие представители школы вынуждены были уйти в отставку или перейти в другие учебные заведения.

Начало «поведенческой революции» обычно связывается с деятельностью Бюро прикладных социальных исследований (Bureau of Applied Social Research) в нью-йоркском Колумбийском университете, созданного в 1940 г. П. Лазарсфельдом[148], где выработанные им ранее методы (программный анализатор Лазарсфельда-Стантона, панельный метод, метод изучения мнений, анализ обоснований, методика «снежного кома» и пр.) стали применяться при изучении электорального поведения. Точнее, «отправной точкой» революционных сдви-

---

[147] Так, известный политолог Г. Алмонд писал: «Значение Чикагской школы политической науки... состоит в том, что своими конкретными эмпирическими исследованиями она показала, что подлинное развитие политического знания возможно при организованной поддержке стратегии междисциплинарных исследований с применением количественных методологий. Другие авторы стали употреблять тот язык, которым Ч. Мерриам излагал свои взгляды ... школа, основанная Ч. Мерриамом в 20-е гг. нашего столетия ... сделала большой шаг вперед в повышении требовательности к точности эмпирических исследований, убедительности выводов при изучении политических проблем и во введении институционального измерения» (Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. С. 84.). Упоминание об институциональном измерении показывает, что проекты Чикагской школы нельзя считать «строго бихевиористскими».

[148] Следует отметить, что в целом в США Лазарсфельд создал три научно-исследовательских структуры, для эмпирического изучения поведения, — кроме упомянутого выше колумбийского Бюро это были Исследовательский центр университета Нью-Арка и Бюро по исследованию радио в Принстонском университете. Задачи последней организации (Лазарсфельд возглавлял ее в 1937–1940 гг.) отличала ярко выраженная политическая направленность, поскольку в это время радио было основным средством политического воздействия на население. Проекты, осуществлявшиеся в принстонском Бюро, были направлены на определение предпочтений слушателей с целью выявить пути повышения эффективности подачи информации. В результате эти исследования привели к постановке более глобальной проблемы — о роли и механизмах воздействия средств массовой коммуникации. Впоследствии данный проект был перенесен в Колумбийский университет.

гов считается публикация результатов первого академического исследования выборов, проведенного Бюро прикладных социальных исследований — это был труд «Выбор народа» (1944), материалом которого послужили данные о ходе президентской кампании 1940 г. в г. Эльмире, штат Нью-Йорк[149]. Именно это исследование на долгое время определило направление и схемы анализа политического поведения[150]. В результате внимание к бихевиоральным исследованиям стало активно расти, и по образцу колумбийского Бюро в США были созданы десятки центров.

Исследование политического поведения в Колумбийском университете осуществлялось в русле традиции Чикагской школы, т.е. изначально было «проектом» — комплексом мероприятий, планируемых и организуемых специальными структурами и финансируемых государством и частными фондами. Наибольшую активность в этом деле проявляли фонды Рокфеллера, Форда, Карнеги, Рассела Сейджа и Маркла, которые зачастую не ограничивались предоставлением стипендий, субсидий и грантов аспирантам и начинающим исследователям, но также инспирировали и курировали конкретные исследовательские программы[151].

Во время Второй мировой войны, когда в Европе политические исследования были полностью прерваны, в США, напротив, их интенсивность резко возросла. Это, в свою очередь, привело к разветвлению организационной структуры и дальнейшему росту престижа дисциплины. Повышенный спрос на специалистов в области социальных наук послужил причиной бурного развития академических институтов, и факультеты политической науки в университетах США быстро разрастались. В результате бихевиоральный подход получил солидную институциональную базу[152]. Помимо университетских исследовательских центров в довольно короткие сроки было создано множество неправительственных и неакадемических структур, которые поддерживали поведенческие исследовательские программы в материальном и организационном отношении[153]. Американская ассоциация политических наук официально признала поведенческие исследования в качестве самостоятельной политологической

---

[149] Lazarsfeld P.F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice. N.Y., 1944.

[150] См.: Кармине Э.Г., Хакфельд Р. Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 235.

[151] В связи с этим можно упомянуть, например, основанный фондом Форда Центр по углубленному изучению поведенческих наук в Пало-Альто.

[152] В рамках академической науки, кроме колумбийского Бюро, изучением политического поведения занимались такие крупные университетские структуры, как созданный в Чикаго Национальный центр исследования общественного мнения (National Opinion Research Center) возглавляемый К. Хартом, а также мичиганский Институт социальных исследований (Institute of Social Research) во главе с Р. Ликертом, Э. Кемпбеллом и Д. Картрайтом, здесь действовала специальная программа по изучению политического поведения. Важные проекты осуществлялись и в Йеле, и в университете Северной Каролины, и в других, менее крупных, центрах.

[153] Среди них в 40–60 гг. ведущую роль играла Исследовательская комиссия по общественным наукам (Social Science Research Council) во главе с Н. Херрингом, в рамках которой действовали два комитета, занимавшиеся изучением политического поведения и сравнительными политическими исследованиями (Committee on Political Behavior, Committee on Comparative Politics).

субдисциплины и тем самым стимулировала их рост. Во многом благодаря институционально-организационной поддержке увеличение поведенческих исследований оказалось настолько бурным, что стало возможным говорить о «революции» в политической мысли. Таким образом, поведенческая революция в политической науке была обусловлена спецификой институционализации дисциплинарных исследований: прежде всего — формированием организационных структур, обеспечивающих реализацию научных проектов.

В послевоенное время в социальном познании начали интенсивно развиваться международные связи, которые активно стимулировала ЮНЕСКО, уделявшая значительное внимание формированию международных объединений ученых. Среди первых объектов внимания этой организации, наряду с экономической наукой, социологией и сравнительным правоведением, оказалась политическая наука[154].

В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политических наук, ознаменовавшая начало активной институционализации политической науки на международном уровне. В частности, в ее конституции были закреплены основные направления политических исследований[155]. Эта организация легитимировала дисциплинарную автономность политической науки, способствовала ускорению процесса организационного оформления национальных сообществ политологов. Во многом благодаря ее усилиям, с одной стороны, активизировался процесс консолидации политологического сообщества (МАПН регулярно проводила конгрессы и организовывала дискуссии в научной периодике, вырабатывая консенсусные подходы к решению дисциплинарных проблем), с другой — интернализовалась тенденция к профессионализации политических исследований, по всему миру возникали национальные политологические ассоциации[156].

---

[154] Следует отметить, что к этому времени существовало две международных структуры, в рамках которых проводились политические исследования. Самая ранняя была основана еще в 1894 г. в качестве исследовательского центра, объединяющего ученых стран, имеющих колонии. Данный центр носил название Международного колониального института (International Colonial Institute) и был предназначен для изучения проблем колониального управления. Впоследствии он был переименован в Международный институт различных цивилизаций (Institute of Political and Social Sciences in their Applications to Countries with Different Civilizations) и занимался в основном сравнительными исследованиями. Вторая структура была учреждена в 1936 г. Это — Международный институт политической и конституционной истории, переименованный после войны в Международную академию политической науки и конституционной истории и занимавшуюся в первую очередь историческими исследованиями. В строгом смысле слова, ни та, ни другая организация не могла претендовать на полновесное представительство дисциплинарной идентичности.

[155] Было, в частности, принято решение употреблять термин «политическая наука» в единственном числе, а также были выделены и документально подтверждены четыре предметные сферы политологического интереса: политическая теория и история идей; политические институты, их возникновение, структура и функционирование; возникновение, структура и функционирование политических организаций (партии, группы); международные отношения (принципы взаимоотношения между государствами, международные организации). См.: Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949—1999 / International Political Science Association. Dublin, 2000.

[156] В 1949 г. была создана Французская ассоциация политической науки, в 1950 г. аналогичные организации возникли в Голландии, Израиле, Пакистане, Польше, Швеции, Швейцарии. Впоследствии

Начиная с первых послевоенных лет происходило целенаправленное перенесение принципов и стандартов американской политической науки на европейскую почву. Благодаря этому сложившаяся в университетах США сциентистская модель политической науки получила значительное распространение во всем западном мире, и доминирование американской политической науки в бихевиоральный период стало неоспоримым. Именно университетская система США оказалась основой для создания международной системы подготовки политологов в послевоенное время. Первым звеном этой системы стала летняя школа, организованная в 1947 г. при Мичиганском университете, в которой прошли обучение многие специалисты из европейских стран. Мичиганский университет выступил координатором процесса становления международного политологического сообщества. Этот университет в послевоенные десятилетия сыграл основную роль в распространении политической науки в подавляющем большинстве академических центров как в Соединенных Штатах, так и во многих других странах. Он внес также значительную лепту в придание институциональным основам политической науки интернационального характера.

При поддержке благотворительных фондов США велось формирование кадрового состава восстановленных после войны европейских университетов — американские ученые становились членами научных учреждений в Европе, а европейцы получали образование в Соединенных Штатах. Важнейшей вехой в истории дисциплинарного становления стало возникновение в США в 1961 г. Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (ICPSR, Interuniversity Consortium for Political and Social Research). Эта структура была создана на основе объединения нескольких американских университетов и преследовала цель аккумуляции и систематизации материалов эмпирических исследований. В результате здесь был собран богатейший архив данных, полученных политологами в рамках различных программ, который сыграл немаловажную роль в становлении научного сообщества политологов, выступая в качестве хранилища информации и формируя исследовательские стандарты в отрасли. Спустя десятилетие на средства фонда Форда в Мюнхене была создана аналогичная организация — Европейский консорциум политических исследований (ECPR, European Consortium for Political Research)[157].

процесс их создания охватил другие страны. См.: Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949–1999. P. 10–12.

[157] В Европейском консорциуме политических исследований коллективное членство, он объединяет около ста научных и учебных учреждений из более чем двадцати стран Западной Европы. Эта общеевропейская организация координировала и финансировала реализацию обучающих программ в области политической науки в летних школы при Эссекском университете (Великобритания), создание лабораторий при национальных исследовательских центрах в различных странах континента, а также реализацию совместных исследовательских проектов. При его содействии был создан архив проведенных исследований и стало выходить профессиональное периодическое издание на английском и французском языках — «Европейский журнал политических исследований» («European Journal of Political Research», 1973).

К 70-м гг. XX в., когда стало очевидно, что «поведенческий бум» спал и в западной политической науке наступил новый, специфический, этап развития, исследования политического поведения не прекратились, ранее созданные общенациональные и международные структуры продолжали функционировать, возникали новые организации[158]. Завершение поведенческой революции проявилось прежде всего в сокращении числа организаций и фондов, выделяющих средства на бихевиоральные исследования. Так, в США поведенческие проекты продолжал финансировать преимущественно Национальный научный фонд, остальные спонсорские организации переориентировались на другие исследовательские программы, в частности, стимулировали развитие институционального анализа. В целом можно отметить, что переориентация научных интересов не повлекла за собой слома институциональной структуры политической науки. Переход к постбихевиоральному периоду был осуществлен не революционным, а реформационным путем: существующие организационные структуры были использованы для реализации новых проектов, в планы научных центров и учебные программы академических учреждений были внесены новые темы, специалисты, работавшие в рамках бихевиорального теоретико-методологического подхода, расширили проблемное поле и методологическую базу своих исследований.

В последней трети двадцатого столетия шли те же процессы, которые на предшествующем этапе развития западной политической науки приобрели характер устойчивых тенденций, — они лишь стали более интенсивными. Речь в первую очередь идет о профессионализации дисциплины. Если рассматривать развитие политических исследований в постбихевиоральный период с этой точки зрения, то можно сделать вывод об усилении нормативной силы научного сообщества, которое в полной мере проявило себя в качестве сообщества профессионального. В роли главного организатора научной коммуникации выступала Международная ассоциация политической науки[159].

---

[158] Так, в США в 1977 г. произошло преобразование Мичиганского научно-исследовательского центра, занимавшегося сбором и анализом информации об электоральных исследованиях (Survey Research Center Election Studies) в Американский национальный комитет электоральных исследований (NES, American National Election Studies), в рамках которого было осуществлено более двадцати крупных программ. Возглавлял комитет Национальный совет наблюдателей, не подотчетный отдельным американским университетам, что свидетельствовало о повышении статуса данной организационной структуры.

[159] Под эгидой МАПН, в которую в настоящее время входят около 80 коллективных и более 1000 индивидуальных членов, регулярно проводились различные политологические форумы, среди которых главное место занимают Всемирные конгрессы. Местом проведения I Всемирного конгресса МАПН в 1950 г. был Цюрих. Последующие проводились раз в три года: II – 1952, Гаага; III — 1955, Стокгольм; IV — 1958, Рим; V — 1961, Париж; VI —1964, Женева; VII — 1967, Брюссель; VIII — 1970, Мюних; IX — 1973, Монреаль; X — 1976, Эдинбург; XI — 1979, Москва; XII — 1982, Рио-де-Жанейро; XIII — 1985, Париж; XIV — 1988, Вашингтон; XV — 1991, Буэнос-Айрес; XVI — 1994, Берлин; XVII — 1997, Сеул; XVIII — 2000, Квебек; XIX — 2003, Дурбан. Помимо международных форумов, обмен информацией и обсуждение теоретических и методологических проблем политической науки происходит на многочисленных научных встречах, которые ежегодно проводят действующие в рамках дисциплины организации. В МАПН работает несколько десятков исследовательских комитетов и исследовательских групп (См.: Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949–1999. P. 39–62; www.ipsa.ca).

Прежде всего, расширилась сфера влияния научного сообщества — причем как в отношении числа членов сообщества, так и в географическом плане. Это служит проявлением тенденции к преодолению американского доминирования в политических исследованиях и активным пополнение научного сообщества политологов представителями иных регионов[160]. О развитии научной коммуникации в рамках дисциплины говорит и рост специализированных научных изданий. Так, например, только в 70—80-е гг. и только в англоязычной периодике появилось около ста новых журналов по политической науке. Их специализация носила как сугубо отраслевой, так и гибридный характер. В последнем случае, более характерном для европейских изданий, публикуются материалы, имеющие отношение к двум или трем дисциплинам. Нельзя не упомянуть и о межнациональных журналах, посвященных отдельным отраслям науки[161].

Следует признать, что на сегодняшний день процесс стандартизации политических исследований и профессиональной деятельности политологов еще далек от завершения. Еще рано говорить и об установлении единых международных критериев «профессиональной компетентности», и об унификации структуры специальностей в рамках дисциплины. Хотя стремление к автономности политического познания и придания ему научной формы в значительной мере реализовалось, тем не менее проблему дисциплинарного самоопределения политической науки нельзя считать решенной — остаются дискуссионными вопросы о предмете исследования этой дисциплины, о наличии у нее собственного понятийного аппарата и специфической методологии[162]. Тем не менее меж-

---

[160] Так, если в Ассоциацию политических исследований Великобритании в 1950 г. входило около ста университетских преподавателей и специалистов, то к началу третьего тысячелетия их стало на тысячу человек больше. В 1985 г. официально было зарегистрировано 2,5 тыс. европейских ученых, занимающихся политической наукой, к концу XX в. эта цифра значительно увеличилась. Об этом говорит и сокращение удельного веса североамериканских ученых среди членов МАПН — в 1959 г. их их доля составляла 55,8 % в общем числе индивидуальных членов данной организации, в 1999 г. — 29,3 %. Однако нельзя не отметить, что аналогичный показатель для коллективных членов МАПН демонстрирует противоположную тенденцию — 28,1 и 33,3 % соответственно. См: Политическая наука: новые направления. С. 96; Бэрри Б. Изучение политики как призвание // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 84; Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949—1999. P. 51.

[161] Немаловажна роль научной периодики, издаваемой МАПН. Основной информационный орган МАПН — «Участие. Бюллетень Международной ассоциации политической науки» («Participation. Newsletter of the International Political Science Association»), издаваемый на английском и французском языках. Ассоциация издает также ежеквартальный журнал «Международный обзор политической науки» («International Political Science Review»), информационно-библиографический «Обзор международной литературы по политической науке» («International Political Science Abstract») и др. (См.: Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949–1999; www.ipsa.ca). Крупнейшие издательские центры рассматриваемого периода, как правило, работали в рамках университетской системы. В США это — «Harvard University Press», «Yale University Press», «University of California Press», «HarperCollins» и пр. Не секрет, что издательская политика во многом определяется «нормой дисциплины», выработанной в процессе научной коммуникации.

[162] Так, Б. Бэрри отмечает, что «становясь более профессиональными и более «научными», исследования политики в Великобритании отнюдь не сложились в целостную и единую дисциплину. На повестке дня оказался вопрос о специализации или фрагментации. В итоге развитие исследований

дународное политологическое сообщество предпринимает значительные усилия для создания единого представления о «норме дисциплины», в частности, для выработки единых квалификационных стандартов[163].

Итак, институционализация научной дисциплины носит нормирующий характер. Она решает две основные задачи: первая заключается во внутридисциплинарном самоопределении и связана с формально-организационным конституированием и структурированием отрасли науки; вторая состоит в утверждении и поддержании социального статуса дисциплины и решается путем превращения отрасли знания в профессию.

При структурировании и организационном оформлении политической науки происходило ее самопознание и самоопределение как автономной дисциплины, а правовое закрепление новых институтов в рамках дисциплины придавало выработанным представлениям о дисциплинарной специфике нормативный характер. В результате процесса институционализации политической науки в XX в. изменилась формально-организационная структура политических исследований: вместо отдельных индивидов или небольших групп единомышленников производством научного знания стали заниматься большие группы людей с четко определенными функциями, организованные в иерархическую систему научных коллективов, подчиняющихся профессиональным стандартам. Процесс институционализации политической науки, начавшись в XIX в., шел на протяжении всего XX в. В результате политология превратилась в общепризнанную и организационно оформленную научную и академическую дисциплину, имеющую координирующий орган в лице Международной ассоциации политических наук, обладающую сетью специализированных периодических изданий и широко разветвленной системой образовательных и исследовательских учреждений. В ходе институционализации дисциплины происходил и рост профессионализма, связанный со стандартизацией правил проведения и обнародования результатов исследований, а также с выработкой единых критериев оценки результатов научной работы. Кроме того, о профессионализации политической науки свидетельствует стремление к выработке единой шкалы приоритетов, позволяющей определить место и значение как направлений исследования, так и отдельных специалистов[164].

политики в Англии пошло по пути фрагментации» (Бэрри Б. Изучение политики как призвание. С. 84.) И эта ситуация характерна не только для Великобритании, но и для многих других стран.

[163] В этом смысле показательным является библиометрический анализ, проведенный учеными с целью исследования дисциплинарных стандартов. Его результаты, представленные в книге «Политическая наука: новые направления», претендуют на нормативное определение, во-первых, дисциплинарно значимых текстов, во-вторых — иерархии специалистов. См.: Политическая наука: новые направления. С. 52–63.

[164] Так, Р.И. Гудин и Х.Д. Клингеманн выделяют несколько признаков, свидетельствующих о профессионализме политической науки. Речь идет не только о необходимости интегрированности ученого в профессиональное сообщество для успешной научной карьеры. Не менее значимым является признание членами научного сообщества необходимости выработки единых стандартов, определяющих процесс и содержание обучения, квалификационные требования и, соответственно, «минимальную профессиональную компетентность» в области политической науки. См.: Политическая наука: новые направления. С. 29–51.

Нормативное регулирование со стороны профессионального научного сообщества к концу XX в. усилилось. В то же время изменилось отношение к нормативности как таковой. Оно стало более лояльным даже в среде приверженцев строгой модели научности. Это произошло как в ходе метатеоретического осмысления специфики научного познания в философии науки, так и во многом благодаря постмодернизму, в результате усилий которого стал очевидным принципиально нормативный характер любых теорий, придерживающихся жестко определенных стандартов и исследовательских принципов.

Таким образом, в рамках модели «тройственной нормативности» можно сделать вывод, что в политической науке нормативизм, рассматриваемый под углом зрения «нормы познания», не является каким-то отдельным теоретико-методологическим подходом, сосуществующим с другими. Скорее, следует говорить о нормативизме как фундаментальном основании политической науки в целом, как и любой научной формы познания.

Глава 3

ГРАНИ НОРМАТИВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

§ 1. «Власть нормы» и формальный нормативизм

Нормативизм в западной политической науке двадцатого столетия многолик. Как было показано в предыдущей главе, уже сама форма познания, на которую ориентировались исследователи политики в процессе становления этой отрасли знания, — наука, носит принципиально нормативный характер. Это формально-организационная сторона нормативизма, и в этом аспекте (в подчинении определенной «норме познания») политическая наука схожа со всеми иными научными дисциплинами. Что же касается предметно-содержательного аспекта политической науки, ее нормативность, согласно выработанной в первой главе модели «тройственной нормативности», необходимо рассматривать с двух сторон — как «власть нормы» и как «норму власти».

Напомним, что в аспекте «власти нормы» к числу нормативных относятся рефлективные концепции, исследующие нормы, анализирующие их роль в политической жизни в целом и в детерминации отдельных политических феноменов. Эта грань нормативности в политической науке тесно связана с правоведческой и философско-правовой традицией, в которой нормативизм соотносится с исследованием кодифицированных правил, выступающих в качестве одного из факторов организации и регулирования политических процессов.

Изучение правил, процедур и формальных организаций, используемых для легитимного осуществления власти, присутствовало в политической мысли всегда — и в античной политической мысли, и в эпоху Возрождения, и в Новое время. Истоки доминировавшего на рубеже XIX–XX вв. подхода к анализу государства лежали преимущественно в естественно-правовой доктрине, которая нашла выражение в трудах идеологов Просвещения (Локка, Руссо, Монтескье, Дидро), а также в таких документах, как «Декларация независимости» (1776) в США и «Декларация прав человека и гражданина» (1789) во Франции. В зависимости от того с позиций солидаризма или кон-

фронтационизма трактовались общество и государство, естественное право выступало либо как основа консолидации людей, представляющая собой совокупность принципов, норм и ценностей, вытекающих из сущности человека и в силу этого имеющих абсолютный характер, либо как условие и гарант прочности союза индивидов, объединившихся для достижения блага каждого из участников «договорной группы» и принявших на себя определенные обязательства. В любом случае право, выраженное в законах, в рамках рассматриваемой традиции выступает основой, высшей инстанцией, целью и критерием оценки деятельности государства.

Акцент на правовой сущности государства обусловил его трактовку с нормативно-правовых позиций: прежде всего государство понималось как источник и субъект права, центр правовой системы, организующий и структурирующий отношения в обществе. Для определения сущностных особенностей государства считалось необходимым исследовать лежащую в его основе конституцию как комплекс формальных норм, регулирующих социально-правовые отношения[165]. В юриспруденции для обозначения подобных комплексов кодифицированных, т.е. законодательно закрепленных, правил использовалось понятие «институт». Благодаря распространению объяснительной силы этого юридического термина на сферу социальной жизни в целом произошло становление институционального анализа в политическом познании. Политический институт понимался как разновидность социального, его специфика усматривалась в том, что в данном случае легитимность правил, норм, соглашений и процедур основывалась на полномочиях лиц и структур, формально обладающих властью[166]. Это позволило рассматривать государство как институт или совокупность институтов — т.е. как комплекс норм, зафиксированных в устойчивых организационных формах, регулирующих политические процессы и обеспечивающих легитимный характер реализации власти.

Для определения предпочтительных вариантов организации политической жизни традиционно применялись различные методы:

(а) дискриптивный, описывающий реально существовавшие институты, историю их возникновения и существования, их назначения и функций с целью выявить их применимость в качестве образца или в качестве объяснительной модели для познания современности;

(б) индуктивный, основанный на сборе фактов и обобщении повторяющихся наблюдений и преследующий цель выявить устойчивые тенденции в институциональном строительстве;

(в) формально-легальный, сосредоточенный на исследовании организационной структуры, которая обеспечивает реализацию властных полномочий и системы легитимации, в том числе, идейной;

---

[165] Такой подход нашел проявление, например, в трудах представителей «правовой школы», возникшей в Германии в первой половине XIX в. (Л. Штайн, Р. Гнейст, Р. Еллинек).

[166] См.: Политическая наука: новые направления. М., 1999. Ч. II. Политические институты.

(г) историко-компаративный, выявляющий особенности работы одного и того же института в различных (географических, исторических и пр.) условиях, а также его существенные и случайные признаки[167].

Как видно, все эти методы связаны с опытным познанием и вполне укладываются в эвристическую схему сциентизма. В русле этого подхода находился и социологический позитивизм – например, школа Э. Дюркгейма, акцентирующая конституирующее значение норм для социума в целом и для политической сферы, в частности[168]: нормативные системы, лежащие в основе социальной организации, предусматривают различные виды санкций по отношению к индивидам, нарушающим содержащиеся в них предписания; в соответствии с нормативной системой устанавливается определенный тип солидарности, скрепляющий социум. В том же случае, если не действует ни одна из нормативных систем, наступает состояние аномии. Это состояние Дюркгейм характеризует резко негативно — как кризисное, переходное, ведущее к дезинтеграции общества и потере индивидом чувства идентичности и смысла жизни[169].

Итак, рассматриваемый подход видел специфику социальной реальности (и политической реальности особенно) в подчиненности нормативному регулированию. Такой подход вызывал наименьшее число упреков в метафизичности, поскольку оставлял возможность перехода на феноменалистские позиции. Эта возможность реализовывалась в том случае, если нормы, лежащие в

---

[167] См.: Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999; Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 1997; Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 2001. № 1; Мухаев Р.Т. Политология. М., 1997; Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001; Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001; Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов н/Д, 1997; Crawford S., Ostrom E. A Grammar of institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3; Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions. Westpont (Conn.), 1982; Dunning W.A. A history of political theories. (3 Vols.), N.Y., 1902,1905,1920; Lenk K. Politische Wissenschaft. Stuttgart, 1975; Noack P. Was ist Politik?: Eine Einfuhrung in ihre Wissenschaft. Munchen, 1987.

[168] Признавая существование общества как особой реальности, имеющей приоритетное значение по сравнению с бытием индивидов, Дюркгейм утверждал, что в основе социума лежит особый род «вещей» — социальные факты, которые объективны по отношению к индивиду и имеют для него принудительную силу. Такими социальными фактами являются нормативные ценностные образцы (институты, законы, коллективные представления, традиции и т.д.) и сеть отношений в обществе, которые каждое новое поколение застает уже сформировавшимися. См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995; Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994; Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологических концепций. М., 1977; История социологии в западной Европе и США. М., 1999; История теоретической социологии. Т.1. М., 1997; Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2000; и др.

[169] Позже о аномии как нарушении нормативного регулирования писал также Р. Мертон. Если для Дюркгейма аномия означала отсутствие норм в обществе, то для Мертона – отсутствие правил и предписаний, которые устанавливают порядок достижения заданных культурой целей. См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2–4; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2, 3; Merton R.K. Social theory and social structure. Glencoe,1968; Merton R.K. Approaches to the study of social structure. N.Y.,1975.

основе политической реальности, рассматривались не как некие запредельные сущности, подобные «положениям общественного договора», а как кодифицированные правила — например, как фиксированные положения закона, выступающие по отношению к индивиду как объективные факты. В этом направлении развивался и институционализм в политических исследованиях, и правовой позитивизм, стремившийся ограничиваться изучением формализованных норм и акцентировавший внимание на регулировании социальной жизни посредством создания и поддержания устойчивых комплексов правил и основанных на них организаций[170].

Институционализм выступает в качестве классического примера формального нормативизма, фиксирующего внимание на правилах, процедурах и организациях, используемых для легитимного осуществления власти. В политической науке первой половины XX в. институциональный подход был преимущественно связан с исследованием организационной и правовой структуры государственной власти. Важнейшая роль отводилась причинам возникновения и трансформации конкретных институтов, в каких формах они существовали и какие функции выполняли в различные исторические периоды и в различных социально-экономических условиях, кто выступает в качестве легитимного носителя властных полномочий и через какие структуры происходит процесс их реализации и пр. Таким образом, исследования не выходили за пределы сферы должного — требований и рекомендаций, обращенных к индивиду и социальным группам; предписаний, призванных регулировать работу учреждений; норм, которым должна подчиняться правящая элита и пр.

При этом вне поля зрения оказывалась «обратная связь» — представления о том, как воспринимаются данные требования, правила и нормы, в какой мере они выполняются и оказывают ли они вообще какое-либо влияние на ход событий. Однако в политическом процессе различие между предписанным и реально существующим имеет особо значимый характер — эти отклонения нельзя «выносить за скобки» и воспринимать как допустимую погрешность. И потому объяснительная способность институционализма как подхода, принимающего в качестве единицы исследования фиксированную норму и полностью игнорирующего вопросы ее реального развития и соответствия политической практике, неизбежно ограничена — в его рамках оказывается невозможным ни выявлять причины отклонения в поведении конкретных индивидов от предписанных образцов, ни прогнозировать развитие событий.

Для вышедшего на авансцену политической науки в середине двадцатого столетия бихевиорализма институционализм, несмотря на его близость к позитивистской традиции, был «устаревшим», «донаучным» подходом — ведь би-

---

[170] Так, в институциональной социологии (С. Липсет, М. Дюверже, Ч. Миллс) общество рассматривается как совокупность социальных институтов — таких, как армия, частный бизнес, профсоюзы, семья и пр. См.: Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972; Миллз Ч. Социологическое воображение. М., 1998; Lipset S.M. The invisible religion. N.Y., 1978; Duverger M. The idea of politics: The uses of power in society / Trans. by R. North, R. Murphy. London, 1966.

хевиористы ориентировались на практическую применимость результатов исследования и считали критерием успешности научной теории ее объяснительную и прогностическую силу. В период поведенческой революции в адрес институционализма звучали все более резкие обвинения в отрыве от реальности и высоком уровне абстрактности, формализме, описательности и догматизме[171].

В связи с традицией рефлективной разработки нормативной проблематики в социальном познании следует упомянуть еще одну категорию концепций рубежа XIX–XX в., сыгравших важную роль в политическом познании, — редукционистские теории[172]. К числу подробных теорий относятся, например, школы, представляющие натурализм в социальном познании, т.е. признающие общество порождением и составной частью природного мира и на этом основании отрицающие качественное своеобразие социальности, провозглашающие сводимость социальных процессов к природным. Познание и объяснение общественного развития, согласно натурализму, сводится, во-первых, к выделению среди множества природных факторов тех, которые имеют определяющий характер в жизни общества; во-вторых, к определению механизма их действия и, в-третьих, обоснования результатов проведенного исследования в рамках строгой, логически непротиворечивой теоретической схемы.

В зависимости от факторов, которые признавались в качестве определяющих, в рамках натурализма существовал ряд направлений. Так, физикализм в социальном познании редуцировал сущность социума к миру природы в целом и стремился вычленить в общественном бытии человека процессы, аналогичные естественным явлениям. Это направление исходило из признания возможности построить теорию общества на основе тех природных закономерностей, которые фиксируются с помощью физических законов. Социо-механическая школа (Л. Кетле, К.Ч. Кэри, В.Ф. Оствальд, Л. Винярский) трактовала общество как механический агрегат составных частей, каждую из которых можно исчерпывающим образом описать с помощью ряда показателей, а их соединение подчиняется законам, общим для всего материального мира. Поэтому данная школа ориентировалась на использование в познании общества законов механики и статики, принципов термодинамики, законов сохранения и распространения энергии, а несколько позже — кибернетических закономерностей и

---

[171] Для иллюстрации эпистемологического бессилия институционального подхода приводился пример крупных исторических событий XX в. Октябрьской революции в России или падения Веймарской республики в Германии, — в ходе которых формальные политические институты играли крайне незначительную роль. См.: Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 155–157.

[172] Эти концепции, как правило, не выпадают из поля зрения исследователей, поскольку их связь с данной проблематикой не столь ярко выражена, как в институционализме или социологическом позитивизме. И тем не менее, эта связь существует. Основанием для подобного вывода служит, прежде всего, постулирование ими факторов, лежащих за сферой политического и выступающих в качестве его детерминант, имеющих для нее нормативное значение. Кроме того, большинство этих теорий выдвигает определенные принципы, претендующие не только на объяснение политической реальности, но и на основу преобразования последней. Таким образом, нормативная составляющая данных теорий имеет немаловажное значение как для их внутренней логики, так и для их политических экспликаций.

методов общей теории систем[173]. Методологической основой географической школы (К. Хаусхофер, О. Маулль, Ф. Ратцель) выступало признание в качестве детерминанты социальных процессов физических факторов окружающей среды — например, особенностей рельефа местности, климатических условий и т.д. Соответственно, усилия исследователей, работавших в рамках этого направления, были направлены на выявление закономерностей влияния природных условий на ритмы социальной активности, на развитие народов и формы общественной жизни[174]. В отличие от физикалистских концепций, не проводящих деление природных детерминант социальной жизни на органические и неорганические, биологизм ограничивал сферу факторов, лежащих в основе социума, миром живой природы. Восходящая к теории Г. Спенсера биоорганическая школа (А. Шеффле, Р. Вормс, П. Лилиенфельд) считала общество живым организмом и, используя в качестве методологического источника анатомию и физиологию, стремилась объяснить социальную жизнь путем выявления социальных и природных эквивалентов, т.е. посредством определения того, какие жизненные задачи выполняет каждый элемент социума[175]. В основе жизни общества, согласно данной школе, лежит способность к приспособлению и борьба за выживание. С этим тезисом были согласны и приверженцы социал-дарвинистской школы (Г. Ратценхофер, Л. Гумплович, У. Самнер), которые основывались на теории происхождения видов Дарвина, перенося выявленные ею закономерности на общество. В отличие от биоорганицистов, они утверждали, что общество следует рассматривать не как единый организм, определяющий роль и место каждого из своих элементов, а, скорее, как дифференцированную целостность, в которой отношения между отдельными частями (социальными группами, нациями, государствами) определяются не потребностями «социального тела», а принципами естественного отбора и борьбы за существование. Таким образом, суть социальной жизни заключается в тотальном конфликте,

---

[173] Так, в концепции Г.Ч. Кэри индивид трактовался как молекула общества, а возникновение социальных ассоциаций объяснялось действием законов притяжения и тяготения. В.Ф. Оствальд настаивал на том, что сущность культурного развития составляет процесс преобразования свободной энергии в связанную, и государство есть система, создающая оптимальные условия для такого преобразования. Согласно социальной физике Л.А.Ж. Кетле, специфика любого отдельно взятого социального образования — государства, общества, нации, — определяется параметрами так называемой «среднестатистической единицы», т.е. среднестатистическим показателем основных физических и моральных качеств, составляющих нацию индивидов, который вычисляется с помощью математической обработки массива конкретных данных. См.: Кетле Л.А.Ж. Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. К., 1911.

[174] К примеру, основоположник политической географии Ф. Ратцель (1844—1904) полагал, что природно-географическая среда оказывает определяющее воздействие на общество, обусловливая как особенности социальной и политической организации, так и государственную политику. См.: Ratzel F. Politische Geographie. Munch.-Lpz., 1897; Ratzel F. Raum und Zeit in Geographie und Geologie: Naturphilosophische Betrachtungen. Lpz.,1907.

[175] В качестве таких эквивалентов у П. Лилиенфельда, например, выступают правительство и *головной мозг, торговля и кровообращение*, у А. Шеффле (1831—1903) — экономика и обмен веществ, у Р. Вормса (1869–1926) социальные пороки и болезни. См.: Вормс Р. Биологические принципы и социальной эволюции. Киев, 1899; Шеффле А. Квинтэссенция социализма. СПб., 1906; Schaeffle A.E.F. Bau und Leben des sozialen Koerpers. Tueb., 1873–1878.

при котором побеждают и, соответственно, выживают наиболее сильные группы. В силу этого социал-дарвинисты считали бесполезными и даже вредными любые попытки сознательного, целенаправленного воздействия на общество, выступая против всех форм государственного регулирования социальной жизни[176]. Сторонники расово-антропологической школы (Ж.А. де Гобино, Х. Чемберлен, О. Аммон, Ж.В. де Лапуж) главным фактором, определяющим социальное бытие, — особенности культуры, общественный и политический строй, направленность развития — считали устойчивый набор взаимосвязанных и передающихся по наследству соматических и психических признаков, присущих определенному множеству людей. Для обозначения такого набора признаков использовалось понятие «раса», на его основе выстраивалась аргументация в пользу идей о детерминированности социального поведения биологической наследственностью, о социальном неравенстве, неустранимом в силу принципиального биологического неравенства, о неравноценности рас с интеллектуальной, творческой, культурно-исторической и иных точек зрения, об истории как процессе распространения, борьбы, взаимовлияния и смешения рас, а также о «чистоте расы» как условии социального прогресса и процветания[177].

В соответствии с данным подходом английский историк Э. Фримен, например, утверждал, что институциональное сходство в политическом устройстве различных государств обусловлено расовыми характеристиками. В частности, конституционное строительство он считал особенностью тевтонской расы. В тех странах, где степень чистоты расы выше (в Англии и США), демократические начала обладают большей прочностью; в странах, где сильно влияние иных рас (например, романской в Германии), демократические институты оказываются более слабыми[178]. В том же ключе рассуждал и автор теории «норманского федерализма» Г.Б. Адамс, объяснявший устройство американских политических институтов антропологическими особенностями, свойственными норманским племенам, которым, по его мнению, по самой природе присущи принципы индивидуализма и федерализма[179].

Натуралистические школы внесли существенный вклад в разработку представлений о проблемном поле и методологическом инструментарии политической науки. В частности, были концептуализированы проблемы соотношения социума и природы, связанные с формированием проблематики политической географии и геополитики. Разработка темы взаимосвязи биологических и культурных факторов привела к четкому осознанию наличия культурных стереотипов и интересов в этнических и социальных группах, формулировке понятия «этноцентризм» и постановке исследовательской задачи по анализу данного

---

[176] См.: Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895; Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899; Samner W.G. The science of society. New Haven, 1927–1929. Vol. 1–4; Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2000.

[177] См., например: Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2000; Расовая проблема и общество. М., 1957.

[178] См.: Freeman E. Comparative Politics. N.Y., 1873.

[179] См.: The Johns Hopkins University Studies. 1883. № 2, 8.

явления. Что касается методологического инструментария, необходимо отметить обоснование и выработку натуралистскими школами статистических методов в социальном познании, приемов количественного анализа, методики численных оценок, разработку основ функциональных исследований.

В то же время, важно отметить, что в случае натурализма — при всем различии упомянутых подходов к познанию и объяснению социальной (и, в частности, политической) реальности — налицо явное противоречие между стремлением превратить социальное познание в строгую естественную науку, с одной стороны, и принятием исходной «метафизической» установки, с другой. Последняя заключается в ориентации на поиск сущности, лежащей за пределами наблюдаемых политических феноменов и обусловливающей их, а также на создание универсальной теории на основе одного или нескольких объяснительных факторов, имеющих внешнюю по отношению к социуму природу. Именно поэтому бихевиорализм счел натуралистический подход непригодным для изучения политической реальности — большинство редукционистских концепций подпало под определение «метафизических» и, соответственно, нормативистских.

В период поведенческой революции стремление дистанцироваться от нормативизма было наиболее ярко выражено — бихевиористы провозгласили нормативизм пережитком донаучного периода в политическом познании. Были отвергнуты все подходы классической политической мысли, которые можно было заподозрить в метафизичности и абстрактном теоретизировании, основное внимание уделялось конкретным эмпирическим исследованиям. В соответствии с принципом ценностной нейтральности, предписываемым сциентистской моделью науки, бихевиорализм отказался от оценки политических явлений с позиций, внешних по отношению к основной политической цели (т.е. не имеющих отношения к эффективности действий по достижению, удержанию и использованию власти). Все валюативные теоретические конструкции оказались за гранью допустимого в научном политическом познании, а вопросы о высших целях и ценностях были исключены из предметного поля политологии. Признание же приоритета такого критерия политического действия, как эффективность, стимулировало разработку проблем оптимизации регулирования, в том числе посредством манипулятивного воздействия на сознание и подсознание индивида.

И все же исследование норм и степени их влияния на политическую реальность продолжалось и, более того, именно в рамках бихевиорализма эти исследования получили новый импульс. Значительное внимание данной проблематике уделяли и классик бихевиорализма Г. Лассуэлл, и такие представители школы структурно-функционального и системного анализа, как Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэл, У. Миттчелл и др. Особое место проблемы нормативного регулирования занимали в структурно-функциональном анализе. Пик влияния структурного функционализма, привнесенного в политические исследования из социологии, приходится на 50–70-е гг., когда он был институционализирован и получил статус особой политологической дисциплины. Важно отме-

тить, что, в отличие от бихевиорализма, структурно-функциональный анализ разделяет позицию социального реализма[180]. В рамках данного подхода институтам приписывался вторичный характер, их возникновение считается обусловленным общими потребностями социальной системы — например, связанным с задачами поддержания политической стабильности. Роль политических институтов не отрицается, однако они лишаются автономности, на основании чего провозглашается отказ от анализа конкретных институтов в пользу изучения потребностей системы.

Значимым отличием структурного функционализма от бихевиоральных установок было и понимание соотношения индивида и социума. Согласно данному подходу, жизнь человека, его выбор зависят от социальных сил, которые действуют помимо сознания отдельных лиц. Системы носят внешний по отношению к индивидам характер: они не состоят из людей — люди участвуют в системах. Таким образом, если институты обусловлены потребностями политической системы, то взгляды, убеждения и предпочтения индивидов определяются институтами. Для оптимального функционирования система должна обеспечить распределение индивидов по структурным позициям. Заполнение структурных позиций для индивидов означает приобретение социального статуса и, что самое важное, исполнение социальной роли, т.е. нормативного ожидания определенного поведения. Согласно структурному функционализму, общество находится в равновесии, если ролевые ожидания ясны и выполняются. Если же возникают отклонения, с ними общество борется посредством социального контроля, который основан на положительных и негативных санкциях. В итоге в качестве структуры системы выступают устойчивые образцы поведения в ней — нормативные ожидания относительно действий и ожиданий всех элементов, имеющие общепризнанную значимость[181]. Таким образом, в структурно-функциональном и системном подходах нормы и нормативное регулирование выступают в качестве конституирующих факторов социальности.

---

[180] Напомним, что в соответствии с этой позицией общество рассматривается как целое, качественно отличное от суммы частей, части определяются и получают значение через отношения с целым, вопросы внешних влияний и исторического развития считаются менее значимыми, чем внутренние отношения, упор делался на синхронный анализ системных связей между частями.

[181] См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997; Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2; Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. Толкотт Парсонс. М., 1994; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2, 3; Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994; Истон Д. Категория системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.2.; Easton D. The analysis of political structure. N.Y.,1990; Mitchell W.C. The shape of political theory to come: From political sociology to political economy // Politics and the social sciences / Ed. by S.M. Lipset. New York: Oxford University Press, 1969. См. также; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002; Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992: Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов/Д., 2001; Галаганова С.Г., Фролова М.А. Современная западная политическая теория: Основные парадигмы исследования. М., 1993; и др.

Несмотря существенные расхождения с бихевиоральным подходом, структурный функционализм оказался весьма адаптивным эвристическим инструментом. Оказалось, что он вполне применим в поведенческих исследованиях *при условии смещения акцентов в трактовке системных характеристик* — при понимании политической системы как системы поведения и переносе внимания на «действие» как на единицу исследования[182].

Для настоящего исследования наиболее значимы два момента. Во-первых, структурно-функциональный и системный подходы несомненно носят рефлективный характер и при этом претендуют на создание макротеорий; во-вторых, они тесно связаны с нормативной (в том числе и ценностно-нормативной), проблематикой[183]. Ценности признаются важным, если не определяющим фактором во всех версиях теории политической системы[184]. Так, с точки зрения

---

[182] Так, в теории политической системы Д. Истона акцентируется проблема взаимозависимости внутрисистемных и межсистемных факторов. Политическая система рассматривается как система поведения политических акторов, существующая в определенной среде, на сигналы которой она реагирует тем или иным образом. В связи с этим ставится цель выявления сигналов, угрожающих или порождающих угрозу существованию политической системы. В качестве таковых рассматриваются, в частности, политические конфликты, являющиеся отклонением от нормального состояния системы: они прерывают политический процесс и тем самым дестабилизируют жизнь общества. Политические системы поддерживают в обществе одновременно изменчивость и стабильность. Наиболее успешным, по мнению Истона, способом стабилизации политической системы является постоянная адаптивная активность, препятствующая возникновению или усилению негативных воздействий. Он назвал данную стратегию «сохранение через изменение». (См.: Истон Д. Категория системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2.; Easton D. The analysis of political structure. N.Y.,1990; Easton D. A framework for political analysis. Englewood Cliffs (N.J.), 1965; Easton D. A systems analysis of political life. N.Y.,, 1965; Easton D. The political system. N.Y., 1953). Говоря о структурно-функциональном и системном подходах, нельзя не упомянуть кибернетико-управленческое направление (Г. Алмонд, Б. Рассет, К. Дойч, Х. Алкер). Это направление наиболее близко к бихевиорализму, поскольку, рассматривая политическую систему как основной объект политической науки, оно акцентирует проблему управления как процесс принятия решений и их реализации. Политический процесс в трактовке этого направления связан с постоянно осуществляющимся выбором из набора альтернатив действия, оптимального для достижения определенной цели. При этом схема управления предельно формализуется, в результате чего политическая система и политическое поведение рассматриваются как квантифицируемые явления, описываемые с помощью математических моделей. См.: Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992; Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов/Д., 2001.

[183] Как Парсонса, так и его последователей вдохновляла попытка создать универсальную концепцию политического процесса, которая применима к эмпирическому материалу любой страны и к любым человеческим коллективам. Сам Парсонс полагал, что объяснительная сила его версии структурного функционализма распространяется не только на социум, но и на природу. Против таких претензий выступал Р. Мертон, подвергший ревизии парсонианство. Он полагал, что существует обратная зависимость между уровнем теории и ее объяснительной силой. Однако для Д. Истона, например, это не послужило веским аргументом — он посвятил трехтомное исследование попытке создать «всеобщую политическую теорию», способную стать основой всей политической науки. (См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2–4; Merton R.K. Approaches to the study of social structure. N.Y.,1975; Easton D. A framework for political analysis. Englewood Cliffs (N.J.), 1965)/

[184] О роли, которую играют нормы и ценности в концепции Парсонса, уже говорилось выше. В мертоновской версии предпринята попытка ограничить значимость норм и ценностей путем переосмысления сферы применения понятия «функция». Мертон отрицает валюативный аспект данного

школы дистрибутивного анализа, основоположником которой принято считать Г. Лассуэлла, распределение ценностей является основным содержанием тех упорядоченных взаимодействий, которые составляют политическую систему[185]. При этом именно ценностный аспект признается конституирующим для отношений по поводу власти — т.е. для специфически политических отношений. В политических действиях ценности могут быть или самоцелью или инструментом, однако они присутствуют всегда и играют существенную роль. Более того, Лассуэлл утверждал, что политическая наука есть исследование вопроса о распределении ценностей в зависимости от распределения и использования власти[186] и одна из важнейших ее целей — определение способов действий, которые способны привести к максимальной реализации стремления к ценности.

В период поведенческой революции нормы — как в формальном, так и в ценностном аспектах — остаются в поле зрения и собственно бихевиорального, и других теоретико-методологических подходов, используемых в поведенческих исследованиях. Таким образом, поведенческие теории можно охарактеризовать как исследующие «власть нормы» и в силу этого нормативные. Более того, им присущ нормативный характер и в другом, ценностном, понимании: несмотря на декларируемую нейтральность, объективность и непредвзятость, бихевиоральные исследования не смогли избежать «ценностного фона». Можно с полной уверенностью говорить о том, что ценностное отношение к предмету исследования — как в случае бихевиорализма, так и в случае иных сциентистски ориентированных подходов — сохранилось, несмотря на все попытки создания «объективной» политической науки[187]. Кроме того, следует упомянуть и о том, что в бихевиоральный период не исчезло и стремление к созданию универсальных макротеорий, которое вступало в противоречие с провозглашаемым дистанцированием от «нормативизма» — т.е. с атеоретической настроенностью и негативным отношением к политической философии и валюативным теориям.

понятия (т.е. возможность использования его для описания действий индивида и их значения для действующего индивида), предлагая ограничить его применение уровнем социума — для характеристики структуры социальной системы. Критикуя Парсонса за признание общей системы ценностей необходимой предпосылкой гармонического состояния общества, Мертон тем не менее также отводит ценностным системам важную роль. С его точки зрения, причиной аномии как дисбаланса социума, является несогласованность отношений между системой ценностей и социальной структурой. См.: Merton R.K. Opportunity structure: The emergence, diffusion, and differentiation of a sociological concept, 1930s–1950s // The legacy of anomie theory. New Brunswick, N.J., 1995; Merton R.K. Remembering the young Talcott Parsons // American Sociologist. 1980. Vol. 15).

[185] См.: Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. 1990. № 11; Лассуэл Г. Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. 1994. №1. С.135–143; Lasswell H. Politics: Who Gets What, When and How. N.Y., 1958; Lasswell H. The analysis of political behavior. L., 1948.

[186] См.: Lasswell H. A Study of Power. Glencoe, 1950; Lasswell H. Politics: Who Gets What, When and How. N.Y., 1958; Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. М., 2000.

[187] Такое отношение проявилось, в частности, в открытой политической ангажированности ученых, в жесткой соотнесенности бихевиорализма с определенным видом идеологии — либерализмом и в аксиоматическом признании западной демократии высшей политической ценностью.

В постбихевиоральный период произошло изменение исследовательских приоритетов. Это привело к росту значения нормативной проблематики, что, в частности, было связано со всплеском внимания к проблеме политических институтов как в самой политической науке, так и во многих связанных с ней дисциплинах. Прежде всего, претензии поведенческих подходов на создание работоспособных гипотез политической науки оказались явно несостоятельными. В частности, рассматривая политическое поведение как типичный набор действий, они не принимали в расчет различия между политическими общностями. Стремление объяснить важные различия в социальной политике в разных странах, исходя из поведенческих категорий, приводило к парадоксальным результатам, которые не соответствовали постулатам этих теорий. В то же время их объяснение можно было найти при изучении формальных политических институтов. Позиции институционального анализа в определенной мере усилились и благодаря выдвинутому его представителями тезису о том, что одни и те же индивиды в разных институциональных ситуациях ведут себя по-разному. Это означает, что индивиды способны играть разные роли, продиктованные им разными институтами, и, следовательно, институты являются важным фактором для понимания поведения.

В русле интеграции институционального и поведенческого анализа были предприняты попытки по переосмыслению понятия института. Это происходило в двух направлениях: во-первых, подчеркивалась связь норм и политического поведения; во-вторых, расширялось само понимание институциональных норм. При введении «поведенческого» компонента в определение института центральное место отводилось понятиям «взаимодействие», «ограничение поведения» и пр.[188] Даже в признанном «классическим» определении политического института[189] признание формального характера институциональных установлений сопровождается ссылками на поведение, связанное с принятием индивидуального или коллективного решения.

В постбихевиоральный период не ставилось под сомнение то, что важнейшие нормы, образующие институт, носят формальный характер. В то же время многочисленные поведенческие исследования бихевиорального периода показа-

---

[188] Так, например, Г. О'Доннелл понимает под «институтом» не только упорядочивающие образцы взаимодействий, но и коллективное действие по управлению, либерализации и расширению поля индивидуальных действий, Д. Норт – устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие и предусматривают систему санкций за их несоблюдение, С. Стейнмо и К. Телен – стратегический контекст, накладывающий ограничения на корыстное поведение. См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; O'Donnell G. Delegative democdacy // Journal of democracy. 1994. Vol. 5. № 1; Structuring politics: Historical institutionalism in a comparative perspective / Ed by S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. N.Y., 1992.

[189] Согласно данному определению, предложенному М. Леви, политический институт – это «формальные соглашения, достигнутые группами людей, поведение которых регулируется применением четко определенных правил и процессом принятия решений и подкрепленным полномочием одного лица или группы лиц, формально обладающих властью» (цит. по: Политическая наука. Новые направления. С. 162; См.: Levi M. A logic of institutional change // The limits of rationality / Ed. by K.S. Cook, M. Levi. Chicago, 1990.)

ли, что политическое поведение определяется не только и не столько формальными правилами, но и такими некодифицированными способами регулирования, как обычаи, культурные традиции, привычки, «общепринятые процедуры» и пр. В связи с этим произошло расширение «нормативного арсенала»: в набор институциональных параметров стали включать все действующие нормы независимо от того, были они или не были зафиксированы и приняты в ходе формальной процедуры[190]. В вопросе о функциях институтов традиционная трактовка также была дополнена «поведенческими аспектами». В неоинституционализме акцент ставился на субъекте политического действия: практически все исследователи согласны с тем, что институты определяют легитимность акторов и порядок их действий, оказывают влияние на выбор индивидами стратегии поведения, а также устанавливают, какой информацией о намерениях других сторон они могут располагать. Еще один аспект проблемы — условия стабильности и изменчивости институциональных нормативных систем. В частности, эта проблема конкретизируется двумя важнейшими вопросами: во-первых, чем определяется значимость институтов и почему они продолжают сохраняться даже если их влияние противоположно интересам субъектов политической деятельности; во-вторых, каковы причины изменений институтов и в какой мере последние зависят от деятельности индивидов и социальных групп.

Разработка всех этих тем привела к детализации нормативной проблематики путем выделения статического и динамического аспектов нормативного регулирования, а также дополнения изучения нормативного комплекса анализом его действия в конкретной ситуации. В частности, в институциональный анализ были введены такие понятия, как «институциональная среда», «институциональное соглашение» и «институциональная практика». Это важнейшие категории, посредством которых неоинституционализм решает задачу синтеза институционального и поведенческого подходов[191]. Институциональная среда понимается как статичная нормативная система, снижающая уровень неопределенности в политическом взаимодействии. Она фиксирует наличие устойчивой совокупности общепринятых правил, норм и санкций — как формальных, так и неформальных, — которые в конкретный момент времени не зависят от действий политических акторов. Посредством системы стимулов и наказаний эта нормативная система регулирует поведение индивидов и тем самым определяет политические, социальные и юридические рамки их взаимодействия. В отличие от институциональной среды институциональное соглашение представляет собой динамичную нормативную систему. Институциональное соглашение имеет договорной характер и выступает в качестве фундамента политических образований, возникающих на основе принятия входящими в них инди-

---

[190] См., например: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики; Питерс Б. Г. Политические институты: вчера и сегодня; Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы; Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы.

[191] См.: Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы.

видами определенных внутренних ограничений, добавляемых к общепринятым нормам. Одновременно индивид может входить в несколько сосуществующих институциональных соглашений (таких, например, как партия или избирательное объединение) — это зависит от того, какие соглашения он признает и каким ограничениям подчиняется[192]. Институциональная практика рассматривается как взаимодействие статичной и динамичной нормативных систем — с помощью этого понятия характеризуется реализация институциональных соглашений в конкретной институциональной среде. Тем самым достигается цель совмещения формально-абстрактного анализа и исследования реального политического процесса.

Попытка осуществить эту программу привела к формированию нескольких неоинституциональных подходов, среди которых исследователи выделяют нормативный (Дж. Марч, Й. Олсен, Дж. Родес), исторический (Д. Ашфорд, С. Стейнмо, Т. Скокпол, А. Степан, С. Сковронек, Дж. Элстер, П. Холл), социальный (Ф. Шмиттер, Д. Марш, Р. Родс), экономический (Дж. Бьюкенен, Э. Остром, К. Шепсл, Б. Вейнгаст), эволюционный (Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Норт), структурный (К. Уивер, Б. Рокман), а также медиаторный, международный, эмпирический и пр.[193]

Анализ норм и нормативная проблематика в целом занимают важное место во всех разновидностях неоинституционализма, однако теоретические решения и выводы в различных его версиях совпадают далеко не всегда. Если попытаться систематизировать разногласия в соответствии с задачей анализа нормативизма в западной политической науке XX в., то можно выделить два основных течения в трактовке политического процесса — экономическое и культурологическое. Наиболее существенное различие между ними заключается в понимании основного вектора детерминации, о котором шла речь выше, — т.е. в трактовке отношения между индивидами как субъектами политического действия, с одной стороны, и политическими институтами как объективными нормативными системами, с другой. В рамках экономического течения роль институтов ограничивается определением правил обмена деятельностью. Соответственно, влияние институтов не распространяется на основания выбо-

---

[192] В качестве аналога институционального соглашения иногда используется понятие «стандартные рабочие процедуры». Б. Ротстайн определяет его как «правила, с которыми согласны и которым следуют те, кто имеет к ним непосредственное отношение» (Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 162).

[193] Британский политолог П. Кацепстайн писал в этой связи о «толстой» и «тонкой» версиях неоинституционализма. Первая связана с изучением широкого спектра политических явлений на макроуровне и подвергает институциональному анализу не только партии и политические коалиции, но и государство, и даже общество в целом. Вторая ограничивает исследования изучением институциональных оснований индивидуального политического выбора и тесно связана с анализом трансакционных издержек. См.: The role of theory in comparative politics: A symposium // World politics. 1996. Vol. 48. № 1. См. также: Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы; Питерс Б. Г. Политические институты: вчера и сегодня; Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3; Фармер М. Рациональный выбор: Теория и практика // Полис. 1994. № 3.

ра — в частности, на формирование индивидуальных предпочтений[194]. Культурологическое течение, напротив, исходит из того, что именно институты определяют предпочтения действующих индивидов и тем самым являются значимым фактором не только в объективном, но и в субъективном плане[195].

Наиболее показательным примером интеграции бихевиоральных и институциональных установок можно считать экономическое направление в неоинституционализме, ведущим представителем которого является Дж. Бьюкенен[196]. Следуя функционалистскому подходу, Бьюкенен исходит из того, что существование институтов объясняется определенной потребностью, а их значение — способностью эту потребность удовлетворять. Нормативные системы, образующие политическую институциональную среду, рассматриваются в качестве «правил и ограничений, в рамках которых принимаются политические решения»[197], т.е. «правил игры», определяющих рамки маневров субъектов политического действия, т.е. специфичным фактором являются не основания поведения, а институциональная среда. При этом в рамках его концепции институты трактуют-

---

[194] См.: Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. Т. 1; Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6; Бьюкенен Дж. Контрактное видение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 4; Олсон М. Логика коллективного действия. Общественные блага и теории групп. М., 1995; Arrow K. Social choice and individual values. New Haven-L., 1963; Becker G. The economic approach to human behavior. Chicago, 1976; Boudon R. Subjective rationality and social behaviour // Economics, bounded rationality and the cognitive revolution. Aldershot, 1992; Downs A. Economic theory of democracy. Boston, 1957; Foundation of social choice theory / Elster L., Hylland A. (eds). Cambridge, 1986.

[195] См.: Политическая наука: новые направления. С. 160–171; Crouch C. Sharing public space and organized interests in Western Europe // States in history Oxford, 1986; Douglas M. How institutions think. L., 1988; Simon H.A. Administrative behavior. N.Y., 1955. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. N.Y., 1989.

[196] Дж. Бьюкенен, один из основоположников теории общественного выбора. В вопросе о его месте в этом исследовательском направлении существуют разногласия. Так, Р. Швери и А. Макарычев относят его к Вирджинской школе, Н. Мильчакова — к Чикагской (см: Макарычев А.С. Принципы и параметры общественного выбора (исследования вирджинской школы) // Полис. 1995. № 4; Мильчакова Н. Игра по правилам: «общественный договор» Джеймса Бьюкенена // Вопросы экономики. 1994. № 6; Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7). Бьюкенен работал в русле традиции А. Смита, Ч. Доджсона, Э. Даунса, К. Эрроу, Д. Блэка и представителей математического подхода к политике, стремившихся исследовать политические процессы при помощи статистических, вероятностных методов (напомним, что впервые статистика в социальном исследовании была применена А. Кетле). В 1986 г. ему была присуждена Нобелевская премия «за развитие конституционных и контрактных принципов теории принятия экономических решений», которая научным сообществом была воспринята неоднозначно. См.: Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. Т. 1; Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики; Бьюкенен Дж. Контрактное видение; Buchanan J.M. Constitutional Economics // The New Palgrave. A Dictionary of Economics. L., 1987. Vol. 2; Brennan G., Buchanan J. The Reason of Rules. Cambridge, 1985. См. также: Кокорев В. Концепции конституционного выбора: между мечтаниями Платона и анархо-синдикализмом // Вопросы экономики. 1997. № 7; Arrow K. Social choice and individual values. New Haven-L., 1963; Friedman M. Inflation and Unemployment // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85. № 3.

[197] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6. С. 105. Признавая, что невозможно полностью отождествлять рынок и политику, Бьюкенен, как и другие представители экономического направления в неоинституционализме, убеждены, что «причина

ся как предельно устойчивые образования — их изменение, влекущее за собой переориентацию и переосмысление всех стратегий, представляется неэффективным и крайне невыгодным, поскольку, в частности, требует дополнительных и весьма существенных затрат, а это автоматически снижает уровень эффективности. В то же время именно институциональные изменения выступают в качестве наиболее действенного средства оптимизации политики[198].

Бьюкенен исходит из того что субъекты политической деятельности рациональны, а их действия носят стратегический характер: руководствуясь личным интересом, индивиды преследуют единственную цель — увеличение собственной выгоды[199]. Таким образом, в рамках экономического подхода «политика как таковая не имеет собственных целей и задач, поскольку каждый индивид, участвующий в политическом или экономическом процессе, рассматривает имеющиеся альтернативы с позиций «субъективной ценности». Такой подход отрицает какие-либо объективные общественные цели»[200]. Важный вывод, следующий из позиции Бьюкенена, состоит в том, что в любой институциональной среде индивиды будут действовать исключительно в собственных интересах и стремиться к максимально эффективным шагам — т.е. к предельно возможному в данных обстоятельствах удовлетворению своих потребностей при минимальных издержках. Задача политической науки, таким образом, заключается в том, чтобы путем анализа институциональной практики выявить основания

различия результатов функционирования рыночной и политической систем кроется в их неодинаковой структуре, а не в разных мотивах людей, занятых в этих сферах» (Там же. С. 107).

[198] Бьюкенен утверждал, что «хорошая игра гораздо больше зависит от хороших правил, чем от хороших игроков» (цит. по: Мильчакова Н. Игра по правилам: «общественный договор» Джеймса Бьюкенена. С. 114). Поэтому экономический подход в неоинституционализме «нацелен на реформу правил игры, что в целом соответствует интересам всех игроков, а не на улучшение стратегий отдельных участников при неизменных правилах игры», и потому «реформировать надо не политику как таковую, а конституцию политики» (Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С. 109). Не идеализируя роль государства, Бьюкенен полагал, что именно нормативная система — совокупность правил, регламентирующих деятельность государства, — позволит исключить влияние эгоистических интересов при принятии политических решений или, по крайней мере, снизить их роль. (См.: Brennan G., Buchanan J. The Reason of Rules. P. 112, 134–137.)

[199] Бьюкенен полагает, что индивид сосредоточен лишь на собственных потребностях и субъективных ценностях и ни в коей мере не руководствуется общественными идеалами. Но при этом индивиды, сами того не осознавая, способствуют увеличению общественного богатства (См.: Brennan G., Buchanan J. The reason of rules. P. 35.). Эта позиция вызвала критику со стороны оппонентов Бьюкенена, обвинявших его в субъективизме (см.: Мильчакова Н. Игра по правилам: «общественный договор» Джеймса Бьюкенена. С. 118–119). Рациональность означает, что предпочтения (они, согласно данному течению, присущи только людям, но не институтам) осознанны и иерархически выстроены по принципу приоритетности. Тем самым они оказываются объединены в некий дифференцированный комплекс, в пределах которого занимают достаточно жестко определенное место. Критерий, согласно которому определяется порядок предпочтений, остается неизменным — с точки зрения экономического направления, этим критерием является максимизация выгоды в процессе обмена деятельностью.

[200] Мильчакова Н. Игра по правилам: «общественный договор» Джеймса Бьюкенена. С. 118. Сам Бьюкенен писал, что политика «есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных» (Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С. 108.)

политического выбора — установить воздействие институтов на множество действий, возможных для каждого участника политического процесса, на структуру доступной ему информации и на последствия принятых им решений и осуществленных им действий.

Теоретические сложности экономического подхода в неоинституционализме связаны, прежде всего, с таким аспектом институциональной практики, как определение факторов, которые детерминируют конкретные предпочтения различных субъектов политической деятельности. Невозможность заранее определить, что такое «ожидаемая польза», приводит к тому, что предпочтения различных акторов реконструируются на основе уже совершенного действия. Однако при этом нельзя с полной уверенностью утверждать, что реализованные цели соответствовали предпочтениям, а не носили характер промежуточного этапа, определяемого стратегией достижения совершенно иных результатов. Наибольшие же трудности экономическое течение испытывает в деле объяснения институциональных соглашений — т.е. коллективного выбора и основанного на нем коллективного действия.

Решая проблему коллективного выбора как принятия решения человеком, находящимся в составе группы, Дж. Бьюкенен трактует его как установление на договорной основе совокупности норм, регулирующих политическое поведение индивидов, — т.е. как создание некоего института. В качестве необходимого условия такого выбора Бьюкенен рассматривает не только рациональность, но и автономность делающих его индивидов. В самом институциональном строительстве он выделил два этапа — до начала реализации решения и в процессе такой реализации. С его точки зрения, выделение первого этапа — этапа «конституционного выбора» — необходимо для понимания процедуры «выбора правил игры», т.е. достижения группой людей соглашения о том, на каких основаниях будут приниматься решения и как будут обеспечиваться совместные действия. В процессе «игры» группа принимает консолидированные решения именно на основе норм, установленных в ходе «конституционного выбора», поэтому Бьюкенен рассматривает такой выбор как «постконституционный».

Основной вопрос, порождаемый подобной трактовкой, связан с обоснованием легитимности такой институциональной активности. Сделать конституционный выбор невозможно, если не определены легитимные субъекты данного выбора. Таким образом, прежде, чем выбор «правил игры» будет сделан, уже должно быть определено положение индивида как имеющего право на такой выбор. Это ставит проблему предконституционного выбора: выбор правил выбора не может быть произвольным, он тоже требует определенных правил, и так до бесконечности. В результате любая «точка отсчета», т.е. любое решение, предшествующее конституционному выбору, оказывается неконституционным, а его легитимность — необоснованной.

Для Бьюкенена единственный способ избежать «дурной бесконечности» предконституционного выбора заключался во введении еще одной аксиомы — принципа единогласия. Согласно этому положению, если решение принято единогласно, то оно легитимно независимо от процедуры его принятия. «Таким

образом, — писал Бьюкенен, — представляется возможным дать оценку самой *политической системе независимо от результатов ее функционирования*. Для этого нужно определить, в какой мере правила реализации государственных решений соответствуют уникальному правилу единодушия, гарантирующему эффективность политического обмена. Если признать, что искомым критерием оценки является эффективность, то это означает, что степень улучшения политической системы обусловлена тем, насколько полно воплощается в жизнь принцип единодушия.[201]»

Однако принятие данного положения, разрешая одно важное затруднение, порождает другие[202]. Прежде всего из принятых в рамках экономической версии неоинституционализма аксиоматических посылок следует, что для рационально мыслящего и стратегически действующего в собственных эгоистических интересах человека *вообще нет оснований кооперироваться с другими* людьми ради достижения общих целей[203]. В то же время сфера институциональных соглашений налицо — в реальном политическом процессе постоянно заключаются коллективные соглашения и совершается коллективный выбор. Это ставит теорию рационального выбора перед необходимостью решения проблемы несоответствия предложенной объяснительной модели и результатами эмпирических исследований реального политического процесса.

Бьюкенен делает акцент на рациональность субъекта выбора, постулируя совпадение эффективности со справедливостью. С его точки зрения, «индивид способен сознательно выбрать правило, которое в отдельных случаях даже может привести к нежелательным для него последствиям. Индивид поступит так, если ему заранее известно, что удовлетворение его интересов будет зави-

---

[201] Бьюкенен Дж. *Конституция экономической политики*. С. 109.

[202] Например — является ли требование единогласия абсолютным, т.е. теряют ли силу достигнутые договоренности при одном воздержавшемся; как избежать подлога в условиях, когда из-за отсутствия нормативных установлений любые действия не запрещены и не наказуемы; как избежать «информационной ассиметрии», в результате которой более осведомленные «игроки» проводят решение в собственных интересах, и пр. Непонятно, кто и на каких основаниях будет принимать решение о том, что подобное единогласие имеется. Ведь для того, чтобы убедиться в его наличии и признать его *легитимность, нужно достоверно определить, что каждый человек добровольно сделал выбор* и выбор каждого индивида совпал с выбором любого другого члена общности и все потомки всех членов сообщества согласятся с этим выбором. Огромные затраты ресурсов («трансакционные издержки») делают это невозможным, оставляя проблему оснований коллективного выбора нормативных принципов политической деятельности открытой.

[203] С одной стороны, оно связано с существенными «издержками» — добровольным принятием ряда ограничений и тем самым ужесточением условий своей деятельности. С другой стороны, «продукт» такого сотрудничества по сути своей является «общественным», а это значит, — одинаково доступным и одинаково полезным и тем, кто принимал участие в их создании и «делал вклады», и тем, кто не участвовал в соглашениях и не нес никаких затрат. Преимущества общего блага либо являются общим достоянием, либо не действуют вообще, поскольку каждый человек имет возможность «беспошлинно» пользоваться результатми усилий других людей (см.: Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.) Увеличение «издержек» при одинаковом уровне «выгод» означает резкое снижение эффективности действий каждого отдельного участника процесса. Таким образом, для индивида рациональным будет решение воздержаться от участия в коллективном действии.

сеть, в конечном счете, от основного закона, действующего в течение длительного времени, а не от отдельных краткосрочных государственных мер... Индивид понимает, что действие конституционных правил рассчитано на несколько исторических периодов, в течение которых не одно поколение сделает свой выбор. Поэтому невозможно определить последствия влияния любых правил на интересы конкретного человека. Следовательно, основой для выбора конституции должны быть всеобщие принципы справедливости, использование которых является гораздо более эффективным путем к согласию, нежели реализация личных интересов каждого человека в отдельности»[204].

Последнее утверждение свидетельствует о близости позиции Бьюкенена к либерально-философской концепции Дж. Роулза, которая также носит номиналистический характер и в которой общее согласие также выступает основным конституирующим принципом институциональной среды[205]. При философско-теоретическом обосновании своей теории Дж. Роулз открыто признавал ее связь с классической политической мыслью, что само по себе было вызовом сциентизму бихевиористов. Эта преемственность появилась и в стремлении к выработке целостной философской концепции, объясняющей сущность политической реальности, и в осмыслении идей, выдвинутых мыслителями прошлого[206]. Исходные посылки концепции Роулза полностью вписываются в традицию либеральной мысли. Согласно его точке зрения, в обществе сущест-

---

[204] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С. 110.

[205] Это признавал и сам Бьюкенен: «...мой собственный подход близок к известной философской модели Дж. Роулза, который, применив нравственные критерии к анализу проблемы неопределенности в политике, создал новые принципы социальной справедливости, исходящие из концепции достижения всеобщего согласия на основе контрактов, что должно предшествовать стадии выбора политической конституции». (Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С. 111). Концепция Дж. Роулза хорошо известна в отечественной политической науке (См., например: Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. М, 1992; Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000; Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества и морально-политическая философия Дж. Роулса. М., 1998; Сваровская Е.Б. Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Философия и социология». (Новосибирск). 1996. №1; Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов/Д., 1997; Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб., 1998 и пр.). Взгляды этого мыслителя несомненно заслуживают специального исследования, в рамках настоящей работы оно неуместно. Обращение к данной теме подчинено иной задаче — рассмотрению концепции Роулза как нормативной теории постбихевиорального периода.

[206] В частности, на Роулза оказали воздействие два теоретических течения: с одной стороны, принимая идею общественного договора, он следовал линии контрактуализма, представленной именами Локка, Руссо и Канта; с другой стороны, полемизируя с принципом максимизации пользы как универсальным средством для объяснения политического поведения индивида, он дистанцировался от линии утилитаризма в лице Юма, Бентама и Милля. См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Современный либерализм. М., 1998; Rawls J. Justice as Fairness. N.Y., 1991; Rawls J. Political liberalism. N.Y., 1993; Rawls J. The law of people. Cambridge (Mass.), 2001; Rawls J. Two concept of rules. N.Y., 1991; Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины; Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. М, 1992; Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.

вуют первичные блага — класс вещей, необходимых для реализации любого рационального жизненного плана — основные права и свободы, доход, равные возможности, материальный достаток. Обладание ими обеспечивает человеку самоуважение и автономию, поэтому они воспринимаются как цель, к которой индивиды стремятся в своей деятельности. Получение доступа к благам лежит в основе интересов субъектов деятельности — блага распределяются между индивидами на основании их взаимных требований, а объективный дефицит ресурсов обусловливает столкновение и даже конфликт этих интересов. В полном соответствии с либеральной традицией Роулз трактует справедливость в дистрибутивном и процессуальном ключе[207]: с его точки зрения, она заключается в обеспечении максимально возможного равенства в процессе распределения первичных благ и обеспечивается наличием определенных нормативных ограничений, т.е. институциональной средой.

Однако, признавая основой общества нормативную систему, регулирующую распределение благ, Роулз углубляет анализ по сравнению классическим формальным нормативизмом. Он ставит вопрос о процессе формирования институциональной среды, соотнося его не только с классическими идеями общественного договора, но и с проблематикой индивидуального и коллективного выбора. С точки зрения Роулза, принятие нормативных ограничений, обеспечивающих справедливый порядок, связано с волевым усилием членов сообщества — с общим решением построить его на принципах справедливости. Моделируя «исходную ситуацию» (или «изначальную позицию»), в которой принимается это решение, он подчеркивает, что речь не идет о каком-то конкретном историческом событии, это — модель идеальной гипотетической ситуации. Ее цель заключается в том, чтобы путем мысленного эксперимента установить условия возможности заключения договора о том, чтобы именно справедливость выступала в качестве конституирующего принципа отношений в обществе.

Итак, подобно Бьюкенену, Роулз также анализирует основания «конституционного выбора» и обращается к проблеме единогласия. Определяя способ выбора, Роулз вводит понятие «рефлективного равновесия», которое призвано зафиксировать механизм поиска консенсусного решения при выборе основополагающих принципов институционального строительства. Суть «рефлективного равновесия» заключается в рациональном прояснении содержания принимаемых принципов, рассмотрении и отборе наиболее сильных аргументов в их пользу и тем самым придания им легитимности, т.е. достижения «надежного согласия» в том, что именно они являются оптимальными, общезначимыми и общепризнанными[208]. Сходство с теорией общественного выбора увеличивает-

---

[207] Согласно этому подходу, именно способ распределения ставит вопрос о справедливости: «обстоятельства справедливости, — пишет Роулз, — возникают всякий раз, когда люди выдвигают конфликтующие притязания на долю социальных преимуществ в условиях умеренной скудости» (Ролз Дж. Теория справедливости. С. 121).

[208] Приведем слова самого Роулза: «Это — равновесие, потому что наши принципы и суждения совпадают, и оно рефлективно, потому что нам известно, каким принципам отвечают наши суждения, а

ся и тем, что Роулз также считает необходимыми условиями такого выбора автономность и рациональность индивидов. Первое предполагает, что индивиды независимы друг от друга и не заинтересованы ни в чьих интересах, кроме своих собственных, второе — что они способны делать осознанный, разумный выбор. Различие проявляется в мотивации — если для Бьюкенена таким основанием служила максимизация индивидом собственной выгоды, то у Роулза в этом качестве выступает желание осуществить свою идею общего блага. Кроме того, аксиоматически снимая проблему влияния информационной ассиметрии на выбор, остро стоящую в концепции Бьюкенена, Роулз добавляет третье условие — равенство индивидов в доступе к информации об институциональной среде конституируемого общества. Последнее условие Роулз обозначает понятием «завеса неведения». Именно такое неведение уравнивает всех и позволяет делать выбор «честно»: люди принимают решение не как заинтересованные существа или члены определенного общества, а как свободные, равные, рациональные существа, не добиваясь привилегий для себя и своих близких: «принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга»[209].

Элиминация корыстных мотивов вынуждает индивидов делать выбор, результаты которого имеют всеобщую значимость (публичны) и общее признание (окончательны), универсальными в применении и способны упорядочить конфликтные ситуации. В качестве таких принципов, по мнению Роулза, и выступают принципы справедливости[210].

также посылки их вывода... Но это равновесие не обязательно устойчиво. Оно подвержено потрясениям после дальнейшего введения в рассмотрение условий на договорную ситуацию и конкретных обстоятельств, которые могут заставить нас ревизовать наши суждения. Но на некоторое время мы приходим к согласованным взглядам и полагаем наши убеждения о социальной справедливости обоснованными. Мы достигли концепции исходного состояния» (Ролз Дж. Теория справедливости. С. 33.). Следует отметить, что понятие рефлективного равновесия Роулз использует для обозначения не только метода поиска согласия, но и общеисследовательского метода вообще. С его точки зрения, такая гипотетическая рефлексия «представляет попытку совместить внутри одной схемы разумные философские условия на принципы и наши обдуманные суждения справедливости... Я не требую, чтобы принципы справедливости были необходимыми истинами или же выводились из таких истин. Концепция справедливости не может быть дедуцирована из самоочевидных посылок или условий на принципы; напротив, ее обоснование — это дело взаимной поддержки многих рассмотрений, которые складываются в один согласованный взгляд» (Там же).

[209] Ролз Дж. Теория справедливости. С. 26; см. также: Там же. С. 127–131.

[210] Их, как известно, два: равенство в свободе и корректировка дисбаланса выгодных и невыгодных стартовых условий ради общего блага. Первый соответствует классической либеральной трактовке проблемы отношений индивида и государства, согласно которой каждый человек имеет равное право на свободу, все люди должны быть в равной мере свободны, и правовое государство должно гарантировать это равенство и создать соответствующие условия для его реализации: «Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей». (Ролз Дж. Теория спра-

В отличие от теоретиков экономической ветви неоинституционализма Роулз утверждает, что в качестве ценности, имеющей нормативное значение для политической деятельности, справедливость — т.е. принятое на основе консенсуса «честное равновесие возможностей» — важнее эффективности, понимаемой как максимизация выгоды субъекта политической деятельности. Однако нельзя не отметить, что в данном случае различие не столь принципиально, как может показаться на первый взгляд. Согласно Роулзу, человек в исходной позиции неизбежно выберет общество, в котором наименее преуспевающие окажутся в положении, наилучшем из возможных, именно потому, что это обезопасит его в случае неблагоприятного для него стечения обстоятельств — т.е. если он сам окажется в уязвимом положении. Таким образом, каждый выбирающий на деле руководствуется если и не максимизацией своих выгод, то уж наверняка минимизацией потерь.

В концепции Роулза общество, построенное на принципах справедливости, обозначается понятием «хорошо организованное общество». Соблюдение принимаемых на основе договора принципов должно обеспечить социальную справедливость, что, по мнению Роулза, и является подлинной целью политики. Во многом благодаря его концепции широкое распространение в западной политической мысли получило представление о том, что социальная справедливость является исходным условием и свободы, и равенства и что в рамках либерализма можно увязать эти три блага. С этих позиций он отвечает на критику либерализма как теории, не способной совместить свободу и равенство. Роулз полагает, что в теории данная проблема решается путем принятия разработанного им подхода к справедливости, а на практике — путем проведения государством социальной политики, направленной на относительное повышение при распределении материальных благ доли, приходящейся на беднейшие слои общества[211]. Правда, этот подход не снимает указанной выше проблемы совмещения принципов свободы индивида и эгалитарных моделей распределения[212].

ведливости. С. 267). Второй — следствие влияния эгалитаризма — сформулирован следующим образом: «Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытыми для всех должности и положения *в условиях честного* равенства возможностей» (Там же). Соответственно, второй принцип распадается на два — принцип дифференциации (признание социального неравенства и необходимости поддержки наименее преуспевающих) и принцип равных возможностей всех членов общества. При этом принципы справедливости в концепции Роулза не равноценны, они выстроены в строгую иерархию: на первом месте стоит принцип *равных свобод, на втором — принцип дифференциации, на третьем* — принцип равных возможностей. В случае возникновения противоречий между ними приоритет все же отдается свободе — свобода должна быть максимизирована, ее ограничение может быть оправдано только ради ее лучшей защиты.

[211] Позиция Роулза, в соответствии с которой целью государства является обеспечение справедливости в условиях экономического неравенства, пользуется большой популярностью среди ученых и политиков либерального направления. В качестве практической меры решения этой проблемы сторонники этого подхода склонны считать не ограниченное никакими условиями предоставление каждому человеку средств, достаточных для обеспечения минимального прожиточного уровня (См.: См.: Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 515).

[212] Нельзя не отметить, что Р. Нозик в книге «Анархия, государство и утопия» (1974) в качестве либерального решения данного вопроса приводит иную позицию. С его точки зрения, следует при-

Нормативный характер справедливости в концепции Роулза связывается с правовым статусом легитимизированных в результате консенсуса социальных институтов. Именно правовые нормы позволяют сосуществовать различным, даже противоречащие друг другу, доктринам, единственным условием легитимности которых является способность существовать в рамках принципов справедливости и именно в этих рамках приобретать и удерживать своих сторонников. С этих позиций Роулз решает проблему условий развития многочисленных и разнообразных культур в рамках либерального государства. Он полагает, что сосуществование различных культур в свободном обществе возможно лишь в том случае, если будут четко установлены границы между тем, что является публичным (т.е. регулируемым конституционными и юридическими нормами), а что — частным, касающимся совести и обязанностей индивида и конкретной общности людей. Для свободного развития отдельных общностей необходимо, чтобы все они признавали публичные нормы и подчинялись ряду принципов, регулирующих отношения между различными общинами. С другой стороны, перевод ряда регулятивных положений из сферы общепринятых публичных норм в частную сферу позволит снизить напряженность при решении конкретных проблем в межкультурном взаимодействии[213].

Исследование социальной значимости институтов подводит современных политологов не только к выводу о необходимости сочетания формального моделирования и детального изучения конкретных исторических примеров создания (или разрушения) политических институтов, но и о потребности инте-

---

знать, что свобода несовместима с равенством и что свободе принадлежит приоритет по сравнению с любыми попытками уменьшения неравенства в сфере распределения. В связи с этим проблема справедливости перемещается с нормативно-процессуальных вопросов компенсации неравномерности потребления благ на характер самих благ и их распределения. Нозик утверждает, что распределение справедливо лишь в том случае, если сами блага изначально должны быть получены законным путем, и их передача в пользование индивидов носит ненасильственный характер. (См.: Nozick R. Anarchy, the state, and utopia. N.Y., 1974; Реале Дж., Антисери Д. «Минимальное государство» Роберта Нозика // Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. Т. 4. С. 763—768).

[213] Свой взгляд на решение этого спорного вопроса он изложил в книге «Политический либерализм» (см.: Rawls J. Political liberalism. N.Y., 1993). Следует отметить, что позиция Роулза в данном вопросе не является общепризнанной даже в либеральной среде. Так, например, с других позиций решает данную проблему У. Кимлика в работе «Либерализм, община и культура» (Kymlicka W. Liberalism, community and culture. Oxford, 1989). Его концепция прав личности предусматривает право индивида на принадлежность к той или иной культуре с вытекающим отсюда правом следовать той культурной традиции, к которой человек себя относит. Еще один из вариантов решения проблемы — принятие тезиса о том, что любое государство может делегировать законодательные прерогативы отдельным группам людей и позволить им коллективно совершать действия, которые противоречат его собственным основополагающим принципам. Равным образом «либеральное государство может относиться к некоторым группам граждан, проживающим на его территории, как к, по сути дела, независимым «нациям», автономия которых включает в себя отказ от ряда конституционных ограничений либерального характера. Если серьезно относиться к концепции независимой «нации» в рамках либерального государства, то границы возможной самостоятельности этой общности следует рассматривать как пределы, в которых может действовать суверенное государство, не вызывая обоснованной критики со стороны других государств за нарушение прав человека» (Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня. С. 517; см. также: Современный либерализм. М., 1998).

грации позитивной и нормативной политических теорий. Неоинституционализм сосредоточен на «власти нормы», которая в экономическом варианте определяет легитимность субъектов политического действия и принятых ими решений, а в культурологическом — политические интересы, предпочтения и стратегию субъектов политического действия. Последние тесно связаны с нормативностью валюативных теорий и, соответственно, с проблематикой «нормы власти», рассмотрению которой нужно уделить особое внимание.

§ 2. «Норма власти» и ценностный нормативизм

В отличие от формального понимания нормативизма как изучения «власти нормы» валюативная трактовка соотносит его с познанием природы и общих закономерностей политического, а также с ориентацией на ценностные принципы как основу политической деятельности — т.е. переносит центр тяжести на «норму власти», отодвигая проблемы «власти нормы» на второй план. В политической науке добихевиорального периода эта грань нормативности прямо связывалась с «классическим философствованием», существенными характеристиками которого считались метафизичность и аксиологизм. Аттестация «нормативизм», как правило, имела негативный оттенок, поскольку сциентистская модель познания, на которую ориентировалась политическая наука в процессе дисциплинарного самоопределения, требовала исключения метафизики во всех ее проявлениях.

В первую очередь это касалось эссенциалистской установки — стремления к постижению глубинных сущностей, скрывающихся за эмпирически познаваемыми явлениями. При этом чаще всего в качестве детерминант политической реальности выступали идеальные сущности — идеи блага и/или справедливости, абсолютный дух, божественный план, дух народа, ценности и пр. Цель постижения природы государства — высшего политического института и главного (а на протяжении многих веков и единственного) предмета политического познания — заключалось в том, чтобы «вывести принципы реальной государственности из ее идеальных оснований, исходя при этом из логически связных критериев»[214]. В итоге предполагалось определить форму правления, которая соответствует «сущности политического» и в силу этого является оптимальной и универсально значимой.

Традиция помещать в основу государства идею блага в ее тесной связи с идеей справедливости восходит к античности. В древнегреческой философии «благо» трактовалось как духовная сущность, наделенная автономным существованием и имеющая синтетический характер, т.е. выступающая как разумное начало и объединяющая в себе истину, добро, и красоту. Сама категория блага носила ярко выраженный нормативный характер, поскольку задавала

[214] Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 1998. № 3.

общую цель и «образец» человеческой деятельности, в том числе политической[215]. В последующей истории политической мысли тезис о связи сущности государства с идеями блага и справедливости приобретает различную окраску и интерпретируется по-разному. Так, в средневековой схоластике государство считается отражением «Града небесного», источником которого выступает Бог как высшее благо и как источник всех остальных благ, выстроенных в четкую иерархию. В XIX в. теистическая традиция находит проявление, например, в трудах представителей школы Банкрофта[216]. Что же касается религиозно-философской традиции, она приобрела наиболее полную разработку в гегелевском учении об абсолютном духе, одной из ступеней саморазвертывания которого является государство. В середине XIX в. вслед за Гегелем, К. Савиньи и Ф.-Г. Пухтом к традиции усматривать сущность политического в надындивидуальном духе, наделяемом реальным существованием, примыкала школа психологии народов[217].

Нерелигиозная традиция в трактовке идеи блага как сущности государства связывает эту сущность с решением общих проблем и регулирования отношений между управляемыми и управляющими. В новоевропейской мысли, несмотря на то, что благо лишается субстанциальности и соотносится с потребностями и интересами индивида или социума, оно тем не менее остается сущностной характеристикой политических феноменов[218]. В XIX в. благо постепенно теряет статус

---

[215] Так, Платон и Аристотель, несмотря на различие подходов к государству, сходились в том, что существуют правильные и неправильные формы государственного устройства, и правильными они являются в том случае, если соответствуют идее блага как высшей ступени в иерархии бытия (Платон) или если в них проявляется общее благо как подлинная цель государства (Аристотель). См.: Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1981; Аристотель. Политика // Там же; Платон. Государство // Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994; Платон. Законы // Там же. Т. 4; Платон. Политик // Там же. Т. 4. Гуторов В.А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. М.,1989; Чанышев А.Н. Аристотель. М., 1987; Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991 и пр.

[216] Школа Дж. Банкрофта (1800–1891) до последней трети XIX в. доминировала в исторической науке США, в рамках которой осуществлялась значительная доля политических исследований. Ее сторонники в качестве такого основания рассматривали божественное провидение, обусловившее становление на континенте демократической формы правления (См.: Bankroft G. The history of the United States. V. 1–10. Boston, 1834–1874).

[217] Мыслители этой школы (М. Лацарус, Г. Штейнгаль, В. Вундт) исходили из того, что общество представляет собой целостность, в основе которой лежит специфическая реальность – «дух народа», образованная благодаря творческому синтезу индивидуальных сознаний составляющих его людей. Благодаря «духу народа» представители одной нации обладают психическим сходством, разделяют общие культурные ценности, руководствуются общими целями и ориентирами, которые, в свою очередь, обусловливают формы социальной жизни, в том числе и ее политическое устройство. Таким образом, социальное познание должно быть направлено на постижение специфики и сущности «духа народа», проявляющегося в духовной деятельности народов и манифестирующего себя в государстве.

[218] Идеи блага и справедливости занимают центральное место в понимании «правильного» государства в учениях утопистов. Идея блага индивида лежит в основе государства в теории Локка: с его точки зрения, государство создается в результате добровольного отчуждения индивидами части своих прав и действует в целях защиты прав граждан. У Гоббса и Руссо конституирующей основой государства выступает общее благо; в отличие от локковского подхода, оно изначально имеет надындивидуальную природу и обладает принудительной силой для индивида.

конституирующей сущности, однако идеи блага и справедливости продолжают выполнять функцию стимулов, ориентиров и критериев оценки политической деятельности. Так, с 80-х гг. XIX в. и вплоть до экономического кризиса 30-х гг. XX в. сначала в германской политической мысли, а затем в политической литературе Великобритании и США появляются и разрабатываются идеи о «государстве благоденствия» (welfare state), основанные на представлении о том, что подлинным предназначением государства является обеспечение блага всех граждан. При этом благо понималось как справедливость социальных отношений. С середины XIX в. понятие «благо» постепенно вытесняется понятием «ценность», которое изначально в традиции идеалистического рационализма, не разделявшего онтологию и аксиологию, совпадало с понятием «благо» и, соответственно, наделялось бытием[219]. Впоследствии постановка в политической мысли проблем блага и справедливости применительно к проблемам государства, власти и механизмов управления неизбежно считалась данью традиции моральной философии, актуализирующей деонтологическую проблематику и тем самым обусловливающей нормативную постановку политических проблем[220].

Итак, в добихевиоральный период нормативность традиции классического философствования связывалась с признанием зависимости политической реальности от идеальных детерминант, лежащих «по ту сторону» эмпирического мира. Соответствие данным идеальным сущностям выступало основой выводов о природе, целях и назначении государства, критерием оценки его наличного положения и важнейшим целеполагающим фактором, определяющим направление и желаемый результат политической деятельности. Именно эти теории — в силу их умозрительного характера («метафизичности») и аксиологизма — выступали в качестве объекта критики сциентизма.

В период «поведенческой революции» валюативную оппозицию сциентизму составляли в первую очередь политико-философские концепции антропологической направленности. Среди таких течений следует назвать антропологическую ветвь неомарксизма, влияние которой в послевоенное время было весьма велико. В стремлении актуализировать и усилить личностное измерение марксистской философии это направление использовало психоаналитические разработки - в первую очередь теории неклассического психоанализа. Одним из течений, служившим арсеналом идей для неомарксизма, выступал неофрейдизм, сочетающий в себе и рефлексивные, и валюативные аспекты[221].

---

[219] Так, например, в баденской школе неокантианства ценности рассматривались как идеальные сущности, выступающие в качестве нормы для реальных предметов и образующих особый трансцендентальный мир. Несмотря на попытку развести процедуры оценки и отнесения к ценности и тем самым обеспечить соответствие своей версии социального познания сциентистской эвристической программе, неокантианцы не избежали упреков в метафизичности. Эти упреки были связаны с тезисом о нормативной зависимости социального бытия от внеисторических и надсоциальных сущностей, лежащих за пределами эмпирически фиксируемых явлений.

[220] См., например: Lectures on the history of moral philosophy / Ed. by J. Rawls, B. Herman. Cambridge (Mass.), 2000; Baynes K. The normative grounds of social criticism. N.Y., 1992.

[221] Неофрейдизм окончательно оформился в конце 30-х гг., выделившись в самостоятельное направление из психоанализа. Так же, как и классический психоанализ З.Фрейда, это течение исхо-

В рамках неклассического психоанализа нормативная проблематика рассматривается преимущественно в плане «власти нормы» и «нормы власти», по сравнению с ними эпистемологический аспект нормативизма играет значительно меньшую роль. При этом социальное регулирование, осуществляемое через разнообразные политические, экономические, культурные и пр. институты, расценивается как амбивалентное в валюативном плане. А ограничения, накладываемые на власть в оптимально устроенном политическом организме, связываются с задачей самореализации личности и нейтрализацией негативных последствий действия социальных норм.

Из неофрейдистских установок следует ряд выводов, оказавшихся важными для политического познания в XX в. Во-первых, это признание конфликтности (т.е. отсутствия гармонии) основополагающей чертой человеческого существования, которая обусловлена изначально противоречивым характером социального воздействия на личность. Это — значимое отличие неофрейдизма от структурно-функционального анализа с его принципами социального равновесия. Во-вторых, противопоставление подлинных и неподлинных форм человеческого бытия, утверждение о том, что ныне господствуют неподлинные формы, которые в интересах и общества, и личности нужно обязательно заменить на подлинные. Соединенные с теорией Маркса эти положения в рамках неомарксизма приобретают характер политических рекомендаций по социальному преобразованию. В политическом плане в зависимости от

дит из того, что наиболее существенные процессы, оказывающие влияние на человеческое существование, протекают в психике индивида. Но от ортодоксального фрейдизма оно отличается перенесением центра тяжести с внутрипсихических процессов на межличностные отношения, признанием того, что важнейшее воздействие на индивидуальную психику оказывают социальные факторы. Практически полностью отказавшись от фрейдовского пансексуализма как объясняющего принципа, неофрейдизм склонен рассматривать личность как общественный феномен, порождаемый всей совокупностью социальных отношений. Кроме того, в отличие, например, от необихевиоризма, также уделявшего основное внимание изучению механизма поведения индивида в обществе, неофрейдизм признавал, что эту проблему невозможно решить на основе только рационального подхода. Именно признание необходимости учета иррациональных составляющих поведенческих реакций, не поддающихся измерению и однозначному, формализованному описанию, обусловило возможность антисциентистской интерпретации результатов и принципов этого подхода. В рамках данного подхода признается, что общество оказывает на индивида двоякое воздействие. С одной стороны, оно деформирует психику человека, препятствуя осуществлению его потребностей и желаний, навязывая социальные и моральные нормы и запреты и предлагая чуждые ему формы самореализации. Как реакция на подавление возникают защитные механизмы, с помощью которых индивид пытается избежать репрессивного воздействия социума. В результате возникают неврозы, извращающие социальные связи человека. Подавление и извращение личностного начала влечет за собой деперсонализацию человека, потерю им социальной идентичности и, как следствие, прогрессирующее отчуждение его подлинной природы, которое закрепляется в социальных и политических институтах, вновь и вновь воспроизводящих ситуацию подавления. С другой стороны, общество оказывает на человека адаптивное воздействие, позволяющее приспособить личность к социальной среде, тем самым создавая принципиальную возможность сосуществования множества самых различных по своим характеристикам, потребностям и желаниям индивидов. Таким образом, социальные институты признаются необходимым условием выживания человечества. См., например: Психология Фрейда и постфрейдисты. М., 1997; Руткевич А.М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. М., 1997.

того, как предполагается решить проблему достижения подлинного бытия, выделяются радикальное и реформаторско-умеренное направления[222].

Влияние неофрейдизма на политическую науку проявилось как в кооптировании его идей рядом валюативных, в том числе и идеологических, теорий, так и в том, что в соответствии с рефлективными психоаналитическими разработками были осуществлены исследовательские программы, посвященные выявлению иррациональных факторов политической деятельности, а также определению бессознательных психических процессов, оказывающих воздействие на политическое поведение личности. Эти исследования полностью соответствовали доминирующей эпистемологической модели и вписывались в контекст поведенческих исследований. Психоаналитические установки, как правило, присутствуют в проектах, направленных на изучение общественного мнения, расовых отношений, конфликтов и войн, тоталитаризма и диктатур, а также используются при разработке проблем политического лидерства, политической социализации, социальных и политических типов и характеров и т. д.[223]

Среди ярко выраженных валюативных течений особое место принадлежит экзистенциально-антропологической ветви западной мысли, предложившей свой способ постановки и решения проблем человеческого бытия[224]. Для

---

[222] Первое выступает за решительные меры по раскрепощению человека — например, за осуществление «двойной революции» (сексуальной и социальной), в результате которой будут уничтожены и морально-психологические инструменты подавления, и подавляющие личность институты (См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994; Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970; Райх В. Массы и государство. М., 1997; Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.-М., 1997). Второе делает акцент на последовательной и скрупулезной психоаналитической терапии с целью улучшения адаптации индивида к существующим условиям. Здесь целью признается восстановление утраченной индивидом социальной идентичности путем выявления дефектов в системе социальных связей и утверждения гуманистических взаимоотношений и коммунитарных принципов общежития (см.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988).

[223] См., например: Коротков Н.В. Разработка Г.Д.Лассуэллом методов политического психоанализа // Социально-политический журнал. 1998. № 4; Одайник В. Психология политики. М., 1996; Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии. М., 1990; Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.

[224] Экзистенциализм пережил два пика популярности — после Первой и Второй мировых войн. Рассматриваемый период в целом был «завершающим» в истории экзистенциализма — как философское течение он закончил свое существование в 60-е гг., когда полностью перешел в художественную беллетристику и на экраны. Тем не менее именно в послевоенное время были написаны или опубликованы такие важные работы, как «Письмо о гуманизме» (1947), «Лесные просеки» (1950), «Что такое философия?» (1956), «На пути к языку» (1959) М. Хайдеггера; «Вопрос о виновности» (1946), «Истоки истории и ее цель» (1948), «Философская вера» (1948), «Об условиях и возможностях нового гуманизма» (1962), «Куда движется ФРГ» (1967) К. Ясперса; «Дороги свободы» (1945–1949), «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946), «Грязные руки» (1948), «Критика диалектического разума» (1960), «Слова» (1964) Ж.-П. Сартра; «Ни жертвы, ни палачи» (1946), «Посторонний» (1946), «Бунтующий человек» (1950) А. Камю и пр. В своем конкретном воплощении экзистенциализм представляет собой совокупность очень своеобразных учений, отнесение которых к единому направлению всегда вызывало и, скорее всего, еще будет вызывать дискуссии. Да и сами мыслители, которых принято считать классиками экзистенциализма, далеко не всегда были согласны с такой аттестацией. Так, например, К. Ясперс пытается отмежеваться и от философии М. Хайдеггера, и от учений французского экзистенциализма, в частности, от взглядов Ж.-П. Сартра, и, наконец, от коммен-

исследования нормативизма в западной политической науке XX в. рассмотрение экзистенциализма важно еще и потому, что это философское направление ставило в центр проблему индивидуального выбора, в чем примечательным образом перекликалось с бихевиорализмом. В экзистенциализме ситуация выбора предельно глобализируется, приобретая характер фундаментальной основы человеческого бытия. Человек рассматривается как обреченное на гибель существо, которое вынуждено противостоять угрозам внешнего мира. Это противостояние неустранимо, как неизменны враждебный характер реальности и незащищенность перед ней человека: неустойчивость и хрупкость всякого человеческого существования, причем не только индивидуального, но и родового, общеисторического, показали катастрофические события новейшей европейской истории. В зависимости от того осознает индивид свое положение в мире или нет, экзистенциализм определяет его бытие как подлинное или неподлинное. В первом случае индивид полностью реализует изначально присущую человеческой природе свободу — сам принимает решения и сам отвечает за их последствия, не признавая никаких детерминант, кроме своей собственной «самости». Во втором человеческое бытие оказывается целиком поглощенным своей средой, предметной или социальной, принципиально несвободно, поскольку всецело определяется внешними факторами — будь то приобретение вещей или стремление к почестям или власти. При этом «неведение» не может продолжаться вечно — неподлинное существование рождает ситуацию духовного кризиса: «страх» (Ясперс, Хайдеггер), «тревога», «тошнота» (Сартр), «скука» (Камю) позволяют остро ощутить бессмысленность и недостойность жизни и осознать, что есть нечто за пределами его существования, — подлинное бытие, в котором коренится утраченная человеком «самость». Такое «прозрение», обретаемое, как правило, «перед лицом смерти» (Хайдеггер) или в «пограничных ситуациях» (Ясперс), ставит человека перед необходимостью сделать выбор: на что он будет ориентироваться — на подлинное бытие или на неподлинное существование[225]. В религиозных вариантах экзистенциализма (Л. Шестов, К. Ясперс, П. Тиллих) «прорыв к подлинному бытию» связывается с обретением веры в Бога[226], в атеистических (Ж.-П. Сартр, А. Камю) — с абсолютным нонконформизмом, несогласием со всем позитивным, неприятием status quo[227].

таторов и исследователей, которые уже с начала 30-х гг. употребляли термин «экзистенциализм» по отношению к философии как Хайдеггера, так и Ясперса.

[225] Именно описанию таких ситуаций, в которых человек способен обостренно воспринимать и постигать смысл своего существования, посвящено большинство произведений Ж.-П. Сартра. Он намеренно превращает их в некоторые общие модели и иллюстрирует с их помощью основные категории экзистенциалистской философии — любовь-вражда, страх, измена, вина, раскаяние, страдание. См.: Сартр Ж.-П. Пьесы. М., 1967; Сартр Ж.-П. Стена. М., 1992.

[226] См.: Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992; Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991; Духовная ситуация времени. М., 1990; Тиллих П. Систематическая теология. Т.1–3. М.-СПб., 2000.

[227] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989; Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: Любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1983. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Экзистенциалисты убеждены, что человек не может проигнорировать этот выбор, и в зависимости от его решения складывается его судьба — «человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает»; «человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз изобретать человека»[228]. Внешний мир выступает лишь в качестве ситуации выбора[229], поэтому своим выбором индивид детерминирует и последующие свои акты, и тем самым творит себя, выбирая, что для него важно, а что нет, и тем самым постепенно обретает свою сущность. Таким образом человек выступает как своего рода «проект», который развертывается, реализуется или не реализуется, и это — дело его личного выбора и личной ответственности каждого индивида. Делая выбор, человек своей волей придает выбранному статус ценности. При этом вся ответственность за выбор лежит только на нем, у него нет никаких легитимных оправданий, позволяющих обосновать его — он не может сослаться ни на какие нормы и предписания, ни на чью-то волю: «никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений», и «ни за собой, ни перед собой — в светлом царстве ценностей — у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений»[230].

Итак, в отличие от бихевиоралистских теорий, в экзистенциализме выбор как акт индивида: (а) не ситуативен, а абсолютен и предельно валюативен, соотнесен с личностью — от него принципиальным образом зависит жизнь и смерть человека; (б) носит не столько добровольный, сколько принудительный характер: его нельзя переложить на кого-то иного, как нельзя и избежать его — отказ от решения тоже является решением; (в) нерационален и неэффективен, не предполагает расчета «издержек» и «выгод», но всегда сопряжен с риском: решение дилеммы в пользу подлинного бытия хотя и делает человека свободным и способным к самореализации, но ни в коей мере не гарантирует ему счастья, успеха и даже сохранения жизни; (г) не имеет нормирующей силы: акт выбора остается личным делом индивида (его необходимость становится очевидной каждому в свое время; каждый делает его в одиночку; на свой страх и риск; и каждый несет полную ответственность за то, что выбрал, соответственно, выбор не может расцениваться как «удачный» или «неудачный», а его результаты не закрепляются в качестве «образца» или некой социальной или политической нормы.

---

[228] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. С. 327, 328. «В действительности, – пишет Сартр, – мы являемся одной свободой, которая выбирает; но мы не выбираем быть свободными; мы приговорены к свободе,... брошены в свободу» (Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 493.)

[229] «...мир через коэффициенты враждебности открывает мне способ, которым я придерживаюсь поставленных мною целей; так что я никогда не могу знать, дает ли мне мир сведения обо мне или о себе» (Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 497).

[230] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. С. 330, 327. «Но когда мы говорим, что человек ответствен, – пишет Сартр, – то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей» (Там же. С. 324).

Таким образом, «власть нормы» в экзистенциализме рассматривается как фактор отчуждения, конституирования неподлинного бытия. Регламентирующее и директивное воздействие принятых образцов и правил выступает в качестве обезличивающей силы, лишающей человека свободы выбора и перекладывающей ответственность за последствия его поступков на внешние факторы — социальные структуры, политические институты, общественное мнение и пр. Люди, следующие норме, подчинены коллективным формам быта, место самостоятельного критического мышления занимают общественно принудительные стандарты и иллюзии, требования общественного мнения. В результате их индивидуальность стандартизируется, они становятся взаимозамещаемыми, мысленно ставя себя «на место любого другого», а любого другого «на место себя». Именно такая ситуация характерна для феномена усредненности, «man» (Хайдеггер), лежащего в основе массового общества, которое, в свою очередь, служит питательной почвой для тоталитарных диктатур.

Что же касается «нормы власти», общий подход экзистенциализма можно обозначить следующим образом: власть должна быть предельно минимизирована. Это связано с тем, что в рамках данного философского направления власть по природе своей считается помехой подлинному существованию и потому «идеальной власти» быть не может. Антикратологическая направленность может быть более или менее жестко выражена, она присутствует в экзистенциалистских учениях в спектре от исповедования метафизического бунта, проявляемого в политическом конформизме, до требования установления правового государства, минимизирующего вмешательство в личный выбор индивида.

Так, Ж.-П. Сартр в отношении к власти как политическому и социальному регулированию индивидуального поведения занимал весьма жесткую позицию. По словам Сартра, власть удерживает людей в состоянии морального несовершеннолетия, не позволяя свободно совершать поступки и самостоятельно за них отвечать[231]. Согласно его убеждению, ответственность, т.е. экзистенциальную свободу, нельзя обрести под сенью власти. Даже идеальное общество, даже наилучшие политические институты могут предоставить индивиду только частичную свободу — экономическую, политическую и пр. И эта частичная свобода затемняет смысл подлинной, экзистенциальной свободы, создавая иллюзию благополучия и мешая прорыву к подлинному бытию. Поэтому у Сартра «путь к свободе» пролегает через поступок, отрицающий власть и разрушающий установленные ею нормы[232].

---

[231] Люди, считающие свое существование необходимым и уверенные в своем праве наставлять других, предписывать им нормы и правила поведения, в работе «Экзистенциализм — это гуманизм» обозначаются словом «сволочь». См.: Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. С. 341.

[232] В этом он во многом следует сложившейся во Франции традиции, по которой интеллектуалы противопоставляют себя власти – в то время как в других европейский странах (в Германии, Великобритании и др.) и в США они ориентированы на сотрудничество с политической элитой и стремятся к максимально полезному участию в политическом процессе. Показательным являются те нарочито скандальные шаги, которые сам Сартр предпринял после Второй мировой войны, — например, публичный отказ от членства в Почетном легионе с заявлением, что не желает сотрудничать с государст-

Менее жестким является подход к пониманию нормативной стороны власти у К. Ясперса. В его философии эта проблема решается в контексте различения уровней человеческого «Я»[233]. На уровне эмпирического «Я» человек выступает как природный индивид: он стремится к удовлетворению своих потребностей, руководствуется, как все живое, инстинктом самосохранения, ищет удовольствия и избегает страданий, желает обеспечить свое существование в будущем и т.д. Форма общения людей на этом уровне обусловливается необходимостью выживания: они объединяются перед лицом опасности, исходящей или от природы, или от враждебного народа, их объединение — не самоцель, а средство, оно носит исключительно утилитарный характер.

Следующий уровень, «Я» как «сознание вообще», рассматривает человека как индивида, обладающего разумом и в этом плане тождественного любому другому индивиду. На уровне «сознания вообще» связь людей осуществляется через закон, содержание которого составляет формальное право, а их сосуществование организуется в рамках правового государства, обеспечивающего формальное равенство всех индивидов по отношению к юридическим нормам. Это — подход, в рамках которого преимущественно и рассматривала человека рационалистическая философия Нового времени.

Для Ясперса же этот подход далеко не высший и тем более не достаточный для познания сущности человека. Над ним возвышается уровень «Я» как духа, предполагающий понимание человека как части целого, т.е. как представителя определенной общности — народа, нации, государства. На этом уровне отдельный индивид «сознает себя стоящим на своем месте, имеющем особый смысл внутри целого, и определяется последним»[234]. Если индивиды как представители «сознания вообще» связаны между собой тем, что есть в них тождественного, то в качестве носителей духа они объединены тем органичнее, чем своеобразнее каждый из них: органическая целостность есть «тождество различных». Соответственно, этот вид связи между людьми — более высокий, чем связь эмпирических индивидов посредством взаимно приносимой пользы или *связь людей, признающих общий закон*.

Эти три типа взаимосвязи индивидов лежат в основе трех способов организации общества. Первый — организация на основе частного интереса изолированно взятого индивида. Заметим, что это — та социальность, о которой говорили теоретики «общественного договора» и на уровне которой ведут свой анализ экономические теории бихевиорализма. Второй — формально-правовая организация, именно тот уровень, на котором объясняла политическую сферу

венной властью и тем самым пополнять ряды «мерзавцев», а также отклонение приглашения в Академию наук и Коллеж де Франс и отказ принять Нобелевскую премию по литературе за 1964 г. В 1968 г. Сартр стал членом Комитета против репрессий, выступавшего против попыток правительства де Голля подавить студенческие волнения «Красного Мая».

[233] См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 426–428.

[234] См.: Jaspers K. Vernunft und Existenz. Wien, 1935. Цит. по: Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997. С. 301.

формально-юридическая традиция и которым ограничивают свои исследования представители и институциональных, и большей части бихевиоральных теорий. Третий — организация типа неформальных общин, органическая целостность людей, объединенных на национальной или духовной основе; такой подход к трактовке политической реальности был характерен для органицистских теорий и использовался в консервативной традиции. Ясперс, в свою очередь, считает, что каждый из этих типов организации имеет право на существование и вполне правомерен на своем месте. Задача в том, чтобы воспрепятствовать абсолютизации любого из этих уровней «Я» и, соответственно, типов социальной и политической организации.

Тем не менее в теории все эти типы коммуникации и основанные на них типы организации общества он считал принадлежностью неподлинного, массового существования. Будучи исключительно внешними связями, они не затрагивают самого глубинного ядра человеческой личности: в каждом из трех описанных случаев человек в принципе заменим, и его подлинная «самость» остается незатронутой. В противовес этому Ясперс выдвигает иной принцип взаимосвязи и коммуникации индивидов — «любящую борьбу» — внутреннюю, свободно избранную связь людей, в которой они открываются друг другу как самоценные и неповторимые личности. Первоначально проблема возможности экзистенциальной коммуникации первоначально ставилась философом в личностном плане. Позднее она получила значение всемирно-исторической задачи — стремление к общечеловеческой коммуникации. Однако и в этом случае «ставка» делалась не на социально-политические, а на религиозно-духовные факторы.

Итак, в экзистенциализме социальные, в том числе и политические реалии, трактуются как проявления неподлинного, предметного мира, за границами которого скрыто подлинное бытие. Роль общества, а тем более государства в качестве «устроителей» людских судеб, способных обеспечить оптимальные условия развития личности, или отрицается, или существенно ограничивается. Власть, в первую очередь политическая власть, трактуется как нормирующий фактор, устанавливающий ограничения, внешние по отношению к «самости» человека[235]. Свобода, выступающая в качестве высшей ценности, рассматривается как характеристика личности, а не общества. В то же время, нельзя не отметить, что в практической политической деятельности экзистенциалисты активно апеллировали к «норме власти» — тем ограничениям, которым должно подчиняться осуществление властных полномочий[236]. Характерно, что и

---

[235] Важно, что экзистенциализм не устанавливает содержательных критериев добра и зла. Его пафос — призыв выбрать себя, быть самим собой, а не «другим», не «посторонним».

[236] Ясперс придерживался либерально-демократических взглядов, полагая, что в политической сфере индивидуальная свобода реализуется более всего на уровне «правового государства», нормы которого должны неукоснительно соблюдаться. Правда, одновременно он упрекал либерализм в благодушии и недостаточной бдительности, которые могут послужить причиной перерастания формальной демократии в диктатуру. Либерально-демократических взглядов придерживался и А. Камю, из-за чего в 1952 г. и произошел его разрыв с Сартром, заявившем, что критика экстремизма, с которой

Ясперс, и Сартр выступают за политическую ангажированность, постоянную работу по поддержанию завоеванной свободы — при пассивной позиции неизбежно скатывание к диктатуре как крайнему проявлению неподлинного бытия в политической сфере.

В вопросе о «норме познания» экзистенциализм занимал жесткую антисциентистскую позицию: рациональная традиция познания ведет человека по ложному пути, создавая иллюзию понятийной ясности, объективности и общезначимости, она скрывает подлинный мир индивидуальной уникальности человека и, что самое главное, не может дать ответы на вопрос о цели и смысле его существования. Выступая за принципиальную невозможность познания человека, основ его существования на путях позитивистски понятой «научности», экзистенциалисты приводили следующие аргументы. Во-первых, наука иллюзорна, поскольку в основе ее построений лежит принципиально не осуществимая предпосылка объективности познания. Она требует от исследователя отстраненной позиции, но ни один человек не может относиться к действительности, в которой он живет, как к чему-то внешнему, «не затронутому» человеческой субъективностью. Однако, как писал Сартр, «человеческая реальность является ...означающей»[237]: сознание, направляясь на объект, не фиксирует его «как» он есть, а придает ему смысл — т.е. определяет, что он значит для индивида. Поэтому *отстраненность и объективность при познании человеческого бытия невозможны*. Во-вторых, наука бесполезна. Она оперирует абстрактными понятиями и теоретическими схемами, всеобщими законами и универсальными определениями. Однако всеобщее и общезначимое всегда безлично, и потому научные положения не могут иметь значение для конкретного индивида, заброшенного во враждебный ему мир, где он вынужден постоянно рисковать жизнью, делая выбор. Описывая общие, типичные ситуации, наука не имеет никакой ценности для решения мировоззренческих проблем, определения «смысла жизни» и конкретных шагов. Важнейшие истины относительно самого себя и мира человек открывает не путем научного познания или философских спекуляций, но посредством чувства, *как бы высвечивающего его существование, «бытие-в-мире»*. В-третьих, наука вредна. Она сводит человеческое бытие к области, где господствует причинно-следственная зависимость — т.е. к внешней (природной и со-

---

выступил Камю, есть попытка избежать революции и является предательством идеалов гуманизма. Взгляды самого Сартра колебались между либеральным демократизмом и леворадикальным экстремизмом, что, в частности, проявилось в разочаровании в кубинской революции, обвинении коммунистов в излишней мягкости и росте симпатии к маоизму. И все же он требовал единства нормативной основы для всех субъектов международной политики. Так, в 1967 г. в своем выступлении на Международном трибунале по расследованию военных преступлений во Вьетнаме он заявил: «То, что государства-союзники признали подсудными действия нацистской Германии, одновременно означало, что вменяемые *нормы должны действовать и в отношении их самих*... В сфере международных отношений необходима деятельность органа, в компетенцию которого входило бы расследование и суд над военными преступлениями, независимо от того, какой страной они совершаются» (Сартр Ж.-П. О геноциде: Извлечения из речи на Расселовском Трибунале по военным преступлениям. 1968 год // Индекс.— http://index.org.ru/nb/2000/sartre.html.)

[237] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 342.

циальной) действительности. Рассматривая человека как объект наряду с другими объектами, она лишает его индивидуальности, стандартизирует и превращает в одномерный и вполне заменимый элемент структуры — «винтик» социальной машины, которая и выступает в качестве самоценной сущности, обладающей собственными потребностями и собственной логикой развития. Подчиняя человека функциональным отношениям, она ввергает его в пучину неподлинного, отчужденного бытия, поскольку ставит его в ситуацию, когда он определяется извне, а не самодетерминируется[238]. В-четвертых, наука опасна. С позицией сциентизма, с его претензией на универсальную значимость рационального познания и стремлением к роли руководства практической жизнью связана возможность построения тоталитарного общества, высшей целью которого выступает материальное переустройство мира, высшей формой деятельности — научно-техническое познание, а высшим типом отношений — рационализированное отношение между звеньями единой социальной машины.

Альтернативой научному знанию экзистенциалисты считали «экзистенциальные техники», позволяющие постичь мир таким, как он есть, т.е. «до научной обработки», до любой теоретической рефлексии. Только «экзистенциальное мышление», оперирующее такими категориями, как «забота», «покинутость», «отчужденность», «абсурд», «страх», «ответственность», «выбор» и др., может быть конкретным, «человеческим» знанием о жизненном мире индивида. Оно, в свою очередь, позволяет выявить то общее, что выражает существо человеческого положения в мире, — смысл единого мироощущения личности, непроизвольно присутствующего в настроениях, переживаниях, эмоциях человека. Только в этом случае можно будет получить знание, способное показать человеку путь к подлинному существованию.

Итак, если попытаться сформулировать «норму познания», какой она предстает в экзистенциализме, то необходимо подчеркнуть следующее. Познание должно вести к постижению мира не самого по себе, а в его значении для человека как конечного, принципиально незащищенного существа, вынужденного противостоять угрозе внешнего подавления. Задача состоит в том, чтобы дать человеку жизненные ориентиры и оказать ему поддержку в самых сложных ситуациях личного выбора[239].

Идеи и выводы экзистенциализма оказали существенное влияние на политическую философию и идеологию: их воздействие ощущается в решении

---

[238] «Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом, — человек теперь становится средством... Поэтому традиция в той мере, в какой в ней коренятся абсолютные требования, уничтожается, а люди в своей массе уподобляются песчинкам и, будучи лишены корней, могут быть именно поэтому использованы наилучшим образом» (Ясперс К. Истоки истории и ее цель. С. 138.).

[239] По словам Ясперса, экзистенциальная философия «пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни» (Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 388).

проблем демократии, свободы, долга и ответственности; к ним прибегали и при выработке идеологии французского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, а также для выработки идеологического арсенала молодежных движений протеста 60-х гг. и обоснования программы левого экстремизма. Наиболее востребованными оказались принципы критики существующих общественных отношений как обезличивающих человека, превращающих его в «винтик» гигантской социальной машины, а также тезисы о личной ответственности каждого индивида за все, что происходит с ним самим и с другими людьми, и о невозможности переложить на других выбор жизненной позиции и вину за неподлинность своего существования.

Экзистенциализм как валюативное философское течение, безусловно, нормативен. Однако важно то, что его нормативность проявлется во всех аспектах, зафиксированных в модели «тройственной нормативности». Во-первых, он устанавливает определенную, отличную от позитивистской «норму познания», согласно которой цель и задачи познания связываются с поиском смысла, должное конституируется ценностями свободы и самореализации, а значимость превалирует над истинностью как объективным отражением реальности. Во-вторых, он исследует бытие нормы, устанавливая пределы и специфику «власти нормы», влияния социальных, в том числе политических, механизмов регулирования на человеческое существование. Это влияние признается негативным, но неизбежным, а противостояние ему рассматривается как важнейшее условие реализации ценностного императива — обретения свободы. В-третьих, он затрагивает проблему «нормы власти», т.е. тех ограничений, которым должна подчиняться политическая деятельность. Эти ограничения связаны с минимизацией силы политического регулирования и максимально возможной либерализации политических отношений.

Нельзя не отметить, что бихевиоральный период принято считать крайне неблагоприятным для макротеоретического познания политической реальности — некоторые политологи (например, П. Ласлетт и Б. Бэрри) даже высказывали точку зрения, что политическая философия в это время была мертва[240]. Однако и в это время предпринимались попытки философского познания политической реальности, постижения сущности политики и осмысления человеческого бытия с политической точки зрения[241]. Эти концепции способствовали

---

[240] См.: Philosophy, politics and society // Ed. by P. Laslett. Oxford, 1956; Barry B. The strange death of political philosophy // Democracy,power and justice. Oxford,1989; Miller D. The resurgence of political theory // Political Studies. 1990. Vol. 38.

[241] Их отличие от учений, рассмотренных выше, заключается прежде всего в ярко выраженном акценте на политическое измерение. В числе важных для западной политической мысли XX в. трудов представителей политической философии следует назвать «Рационализм в политике» М. Оукшота (1946), «Что такое политическая философия?» Л. Штрауса (1957), «Удел человеческий» Х. Арендт (1958), «Существует ли еще политическая теория?» И. Берлина (1962). См.: Оукшот М. Рационализм в политике. М., 2002; Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000; Арендт Х. Истина и политика. М., 2000; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000; Берлин И. Философия свободы. М., 2001; Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002.

возникновению широкой междисциплинарной дискуссии о необходимости политической теории, которые продолжались на протяжении 60–70-х гг.

Наибольшее влияние на западную политическую философию и политическую мысль в целом оказали труды Л. Штрауса, который считается одним из ведущих политологов, способствовавших «реабилитации» теоретической формы познания в политической науке и институализации такой дисциплины, как «теория политики», создателем самостоятельного направления — страусианства[242]. Штраус известен прежде всего как последовательный и бескомпромиссный критик сциентистской модели политического познания. Он полагал, что нельзя ориентироваться только на научную форму познания, поскольку это существенно обедняет представление о политической мысли как многообразии способов и подходов к постижению политической реальности. Политическая мысль далеко не монолитна, и в ней можно выделить не только политическую науку, но и политическую философию и политическую теологию, а также множество вообще никоим образом не систематизированных знаний об объективных фактах и субъективных мнений. Все вместе это составляет совокупность идей о политических вещах, которые тесно переплетены друг с другом и все вместе входят в сферу политической мысли. Подчеркивая неравноценность форм политического познания, Штраус отводит центральное место политической философии, основной целью которой является познание истинной сущности политического и поиск наилучшего политического строя. Поскольку же решение этих задач невозможно без выяснения критериев, руководствуясь которыми можно выносить правильные суждения, постольку политическая философия оказывается познанием абсолютов, определяющих как *политическое бытие, так и политическое познание*. Политическая философия есть политическая мысль, сосредоточенная на великих целях человечества, которые определяют всякое политическое действие и, соответственно, политическое как таковое[243].

Однако не всякое суждение об этих целях можно считать философским. Специфичным качеством политической философии Штраус считал ее рацио-

---

[242] Академическая карьера Л. Штрауса (1899–1973), эмигрировавшего в США из Германии в начале 30-х гг., была связана с Новой школой социальных исследований в Нью-Йорке, факультетом политических наук Чикагского университета и колледжем св. Иоанна в Аннаполисе.

[243] См.: Штраус Л. Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 9–10. Призвание политической философии — актуализировать «вечные цели» в каждый исторический период, и она выполняет свою задачу путем нового прочтения классических текстов, в которых зафиксированы вечные истины и пути к достижению вечных ценностей. Обоснование важности философского уровня познания, доказательство того, что в политической мысли всегда существовало философское измерение, свойственно и трудам И. Берлина. С его точки зрения, проблемы политической мысли обязательно и непременно включают в себя и философские, и идеологические вопросы, поскольку ценностный выбор в политике производится постоянно. Политическая наука, ориентированная только на эмпирическое описание фактов, не способна решить эти вопросы и потому не может считаться единственно приемлемой формой политического знания. (См.: Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. № 4; Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002; Берлин И. Стремление к идеалу // Вопросы философии. 2000. № 5; Берлин И. Философия свободы. М., 2001).

нальность, а свою концепцию именовал политическим рационализмом. В соответствии с этим он все суждения о политических вещах философия делит на мнения (субъективные суждения) и знания (фиксация фактов), а в качестве цели рассматривает замену мнений об основах политической реальности знаниями. В этом политическая философия схожа с политической наукой и потому противопоставление научного и философского познания, свойственное позитивизму, является ошибочным. В то же время философия и наука не тождественны, их различие определяется уровнем постижения политической реальности: наука ограничивается анализом конкретных ситуаций, философия устанавливает то общее, что присуще всем ситуациям: ««Политическая наука» как искусство отличного политика или государственного деятеля состоит в правильном подходе к конкретным ситуациям; его непосредственными «продуктами» являются эффективно выраженные приказы, постановления или советы, направленные на разрешение определенной проблемы. Однако политическая жизнь знает более высокую разновидность политического понимания, связанную не с конкретными случаями, а с тем, что касается каждого предмета такого рода, со всеми случаями, чьи непосредственные «продукты» — законы и институты — считаются постоянными»[244].

В основе позитивистского подхода, согласно Штраусу, лежит искусственное вырывание одной из форм познания из общего интеллектуального контекста и ее неоправданная абсолютизация. Главную ошибку в познавательных принципах «новой политической науки» он видел в стремлении к созданию дисциплины, свободной от ценностных суждений, которое он считал неосуществимым и опасным[245].

Несостоятельность же программы создания не связанной с моральным выбором науки он соотносил с невозможностью судить о политической реальности, оставляя в стороне цели политического действия и оценочные суждения. Концепция Штрауса строится на основе категорий блага, свободы и выбора. Согласно ей глубинные основы политической реальности коренятся в самой природе человека. Поэтому целью любого политического действия является приведение реальной жизни в соответствие с «правильным» социальным устройством, т.е. с тем состоянием общества, которое предзадано идеей блага; и политическое познание не может не стремиться к выяснению подлинных критериев, руководствуясь которыми, можно было бы выносить правильные суждения о политических феноменах[246]. Кроме того, элиминирование ценностного

---

[244] Штраус Л. О классической политической философии // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 56.

[245] Штраус Л. О классической политической философии. С. 56. См. также, например: Штраус Л. Эпилог // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 137–162.

[246] Штраус понимает человека как существо, наделенное свободой, проявляющейся прежде всего в его способности делать выбор в пользу определенных ценностей. Среди этих ценностей центральное место занимает благо, которое выступает нормой, конституирующей сферу политического. Политическое действие по самой своей сути есть не просто целенаправленный акт, но действие, подчиненное вполне определенной цели, а именно организации совместной жизни людей в соответствии с идеей

аспекта из сферы рассмотрения ведет к тому, что политическая наука оказывается не в состоянии решить задачу определения своего предметного поля — четко разграничить политические и неполитические вещи и дать дефиницию политического[247].

Опасность подобных устремлений мыслитель усматривал в намерении заставить людей отказаться от ценностного выбора в политической жизни. Ценностная нейтральность, утверждал он, не может не породить позицию аморализма в политике, в частности, отказ от ответственности за практическое применение рекомендаций ученых. Но такой отказ, по Штраусу, не просто ведет к торжеству аморализма (что уже само по себе непростительно), он извращает саму сущность человека как существа, способного к ценностному выбору и ставит под угрозу свободу действия индивида.

Не менее ошибочным Штраус считал историцизм, прокламирующий релятивистский подход к политической реальности. Суть его заключается в отрицании универсальной природы политических ценностей и, соответственно, в отказе от ориентации на абсолюты и в политической деятельности, и в политическом познании. Согласно историцизму, критерии оценки «правильности» принятых политических решений, как и представления о наилучшем общественном строе, носят ситуативный характер, и, таким образом, их нормативная сила ограничена строго определенными хронологическими, культурологическими, географическими и пр. рамками. Тем самым различные формы постижения политической реальности рассматриваются как исторически относительные способы познания, в принципе не превосходящие другие, альтернативные способы понимания. Такой подход Штраус считает принципиально неприемлемым, поскольку он сводит на нет и ценность политического познания, и значимость политического действия.

Признание свободы сущностью человека и высшей ценностью его жизни характерно и для политической философии Х. Арендт[248], которая в свое время была ученицей К. Ясперса и М. Хайдеггера и испытала сильное влияние экзистенциализма. Арендт вполне согласна с Ясперсом в том, что эта свобода мо-

---

блага. «По своей природе, — писал Л. Штраус, — политические вещи подлежат одобрению или неодобрению, выбору и отвержению, похвале или порицанию. По существу своему они не нейтральны; они претендуют на человеческое повиновение, преданность, решение или суждение» (Штраус Л. Что такое политическая философия? С. 11.)

[247] «Для того чтобы быть поистине научной, политическая наука должна была бы поднять этот вопрос и ответить на него ясно и адекватно. Однако невозможно определить политическое... без ссылки на цель государства, полиса, общества... Этот вопрос не может рассматриваться научно, но только диалектически. Диалектическое же рассмотрение необходимо начинается с донаучного знания, пронизанного ценностным подходом» (Штраус Л. Что такое политическая философия? С. 22). Таким образом, политическая наука даже в деле решения своих собственных, узких, задач с необходимостью опирается на совокупность донаучных и вненаучных представлений, и уже поэтому не может рассматриваться ни как автономная, ни как независимая от ценностей форма политического познания.

[248] См.: Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000; Арендт Х. Истина и политика. М., 2000; Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Арендт Х. Традиции и современная эпоха // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1992. № 1.

жет быть реализована только посредством коммуникации. Противопоставляя два способа жизни — деятельный и созерцательный, Арендт именно в первом видит реализацию человеческой свободы. С ее точки зрения, деятельная жизнь может проявляться в трех формах — это труд (активность, соответствующая биологическим процессам), работа (активность, создающая мир искусственных, рукотворных вещей) и собственно действие (активность, осуществляющаяся непосредственно в общении людей). Сферы труда и работы, в которых господствуют законы природы и вещного мира, составляют частную жизнь людей, в то время как сфера деятельности относится к публичной жизни, где люди, общаясь, демонстрируют себя друг другу и в самоутверждении обретают свободу. Именно эта последняя сфера как сфера свободы составляет условие возможности политической жизни как таковой. Х. Арендт использует понятие «политическое» для характеристики той сферы деятельной жизни, в которой происходит свободная коммуникация индивидов. Эта коммуникация позволяет им не только продемонстрировать свою «самость» и узнать особенности «Я» других людей, но и добиться согласованности действий. Тем самым политическое связано с определенной жизненной ситуацией — с таким положением дел, когда налицо стремление индивидов к совместной деятельности.

Соотнося политическое с властью, Аренд проводит границу между властью как принадлежностью сферы свободы и насилием как разрушением свободы. Государство и законы лишь оформляют политическое пространство — подобно тому, как стены очерчивают территорию города. Они нужны для того, чтобы обозначить границы того непрочного, временного согласия многих воль и намерений, которое Арендт считает подлинной сущностью политической власти. С ее точки зрения, «властные структуры ... возникают, когда люди соединяются вместе для определенной цели, но исчезают, когда эта цель достигнута или утрачена. Этот переменчивый характер делает власть крайне ненадежным инструментом для достижения постоянства какого-либо рода...»[249]. Эта незавершенность, неустойчивость рассматривается в качестве конститутивной характеристики политики. Обязательной предпосылкой власти Арендт считает наличие не твердых абсолютных истин, а мнений, способных изменяться и несамоочевидных, всякий раз нуждающихся в обосновании.

Таким образом, политическое — это сфера дискурса, в процессе которого кристаллизуются различные точки зрения, «делая присутствующими в моем уме взгляды тех, кто отсутствует»[250]. Власть, по ее убеждению, не может быть раз и навсегда дана или завоевана, но постоянно нуждается в подтверждении своей легитимности. А легитимность политических аксиом зависит только от

---

[249] Арендт Х. Истина и политика. С. 50.

[250] Арендт Х. Истина и политика. С. 32. Действительное содержание политической жизни Арендт связывает с множеством «радостей и наград, которые возникают из бытия вместе с себе подобными, из совместных действий и появления на публике, вследствие помещения себя в мире посредством слова и дела, таким образом, посредством овладения и подтверждения нашей собственной идентичности и начала деланья чего-то нового» (Там же. С. 55).

свободного обсуждения, соглашения и признания, они распространяются посредством убеждения и разубеждения.

В концепции Арендт не только политическое бытие, но и политическое познание рассматривается как продукт коммуникации. Политическое знание способно существовать только в сфере публичности — в процессе обсуждения путей и способов преобразования действительности. Тем самым главной специфической чертой политического мышления оказывается принятие во внимание мнения других людей. Любое политическое знание считается, во-первых, принципиально валюативным, поскольку оно есть волевое отражение действительности, основанное на мнении, оценочной интерпретации событий и фактов; во-вторых, принципиально дискурсивным, т.к. оно существует как сопоставление позиций и представляет собой результат консенсуса, достигнутого в ходе дебатов.

В политическом познании действует свой способ фиксации знания. Здесь значима так называемая «фактическая истина», которую Арендт противопоставляет, во-первых, мнению как субъективной точке зрения, во-вторых, рациональной истине науки и философии[251]. Существование фактических истин носит политический характер, а рациональные истины противоречат сущности политического. Аренд обосновывает этот тезис следующим образом. Рациональная истина находится вне политической реальности потому, что она носит абсолютный и универсальный характер, она деспотична в своей нормативности, неподвластна ни насилию, ни убеждению и не зависит ни от ситуации, ни от количества людей, которые ее разделяют. В отличие от аполитичной рациональной истины, фактическая истина устанавливается в коммуникативном процессе, ее функционирование связано с обсуждением и признанием.

Аренд убеждена, что понимание политики с точки зрения рациональности и свойственного ей типа истины изначально носит ограниченный характер, поскольку ставит исследователя во внешнюю по отношению к исследуемому феномену позицию, не позволяющую увидеть и понять действующие в нем силы. В то же время обладающие абсолютной принудительной силой факты, которые фиксирует рациональная истина, служат важнейшим ограничителем сферы политического. Необходимо помнить, пишет Арендт, что «величие этой

---

[251] Их противопоставление ведется следующим образом. Мнения непостоянны, зависят от интересов и страстей. Они зависят от признания людьми и формируются в процессе коммуникации — в этом они аналогичны фактическим истинам. Отличие же мнений от фактических истин связано с тем, что первые могут вообще не иметь никакого обоснования, в то время как последние обязательно являются фиксацией обоснованных суждений. В этом Арендт видит сходство между фактическими и рациональными истинами и их противоположность мнениям: «Когда я сказала, что фактическая истина как противоположность рациональной не антагонистична мнению, я констатировала полуправду. Все истины ... противоположны мнению в их способе приобретения надежности, т.е. в способе обоснования и утверждения действительности» (Арендт Х. Истина и политика. С. 30). Природу рациональной истины Арендт видит в том, что она имеет не убеждающую, а принудительную природу. «Говоря понятийным языком, мы можем назвать истиной то, что мы не можем изменить...» (Там же. С. 55). И потому, пишет Арендт, эта истина «ненавидима тиранами, которые боятся состязаться силой принуждения, которую не могут монополизировать. И она обладает сомнительным статусом с точки зрения правительств, основанных на согласии и ненавидящих принуждение» (Там же. С. 31).

сферы... ограниченно — она не может объять все человеческое и мировое существование. Она ограничена теми вещами, которые человек не может изменить своей волей. И только уважая собственные границы, эта реальность, где мы свободны действовать и изменять мир, может сохраниться неповрежденной, поддерживающей свое единство и выполняющей свои обещания»[252]. Если же понимание политики извращается, если власть трактуется как сила, которую можно измерить, которой можно обладать и которую можно использовать, то свобода исчезает, а вместе с ней — и политическая жизнь как таковая. Ситуация нарушения политического дискурса, согласно Арендт, является важнейшей причиной установления тоталитарных режимов[253]. В критике тоталитарных режимов отчетливо проявляются и антисциентистские настроения мыслителя. Отмечая, что уничтожение политического дискурса происходит под лозунгом научности, Арендт видит тотализирующий потенциал науки в подчинении реальности дедуктивной логике, претензии на универсальность законов — объективных, общезначимых и в силу этого не зависимых от личного действия и личного выбора индивида[254].

Итак, если попытаться выделить общее в рассмотренных концепциях, то прежде всего бросается в глаза наличие в них попытки совместить валюативную и рефлективную стороны познания политической реальности. Сфера политического признается принципиально валюативной — она конституируется ценностным выбором индивидов, в основе которого лежит присущая природе человека свобода. В то же время признается, что познание этой сферы должно носить рациональный характер и фиксировать объективные истины, отражающие реально существующее положение дел. Таким образом, «нормой познания» выступает адаптированная к специфике сферы политического модель рефлективной дисциплины. Отличие ее от прикладной, эмпирической науки

---

[252] Арендт Х. Истина и политика. С. 55.

[253] Это нарушение проявляется, в частности, в разрушении способности личности к критическому восприятию опыта и рациональных доводов, в безразличии к противоположным позициям, в монополизации истины и унификации точек зрения, стабилизации идейных аксиом и максим. Таким образом, происходит прекращение обсуждения различных мнений и, соответственно, исчезает динамичность в равновесии суждений, которая имеет конституирующее значение для сферы политического. (см.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 610–612).

[254] Следует отметить, что Арендт избегает ставить знак равенства между наукой и тоталитарным сознанием. Различие между ними она видит, прежде всего, в том, что сциентистские концепции явно или неявно признают неизменность человеческой природы и, в отличие от тоталитарных теорий, ставят задачу не изменения самого человека, а обстоятельств, в которых он живет и действует. Кроме того, ««сциентизм» в политике и по сей день предполагает, что объектом политики является человеческое благосостояние, — представление, полностью чуждое тоталитаризму» (Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 458). Тем не менее, цитируя Ф.А. фон Хайека, Арендт соглашается с ним в том, что тоталитаризм в значительной мере является «заключительной стадией процесса, на протяжении которого наука [стала] идолом, способным исцелять язвы существования и изменять природу человека», поскольку тоталитарная идеология всегда предстает в образе научной теории и «онаученность массовой пропаганды действительно настолько универсально использовалась в современной политике, что этот факт истолковывался как более общий признак той одержимости наукой, которая характеризовала Западный мир со времен расцвета математики и физики в XVI в.» (Там же. С. 457).

видится в двух аспектах – во-первых, в философском уровне обобщений, во-вторых, в признании неустранимости ценностных суждений, обусловленной особенностями предмета исследования.

В качестве исследования «власти нормы» рассмотренные концепции можно охарактеризовать следующим образом. Все они признают зависимость политической реальности от внешних норм, выступающих в качестве ее конституирующего начала. У Штрауса это — благо, у Арендт — с одной стороны, факты, с другой — свобода. Прекращение директивного воздействия этих факторов на человеческое бытие ведет к разрушению сферы политического.

Что же касается установления «нормы власти», для рассмотренных концепций характерным является стремление определить не институты «идеального» политического устройства и не правила отправления властных полномочий, а динамические характеристики, являющиеся сущностно значимыми для реализации свободы индивида и общества. Во всех них подчеркивается процессуальность, динамичность, нестабильность сферы политического, требующая постоянного активного участия людей — выбора, который не может быть однократным, но должен воспроизводиться в каждый момент времени.

В постбихевиоральный период, как было сказано выше, произошло существенное сближение валюативных и рефлективных теорий и принципиальная «нормативизация» политической науки. Однако постановка и решение нормативных проблем существенно разнилась. Ярче всего это проявилось, во-первых, в разделении экономической и культурологической ветвей неоинституционализма и, во-вторых, в противостоянии либерализма и коммунитаризма во время известных политологических дебатов 70-х гг.

В рамках неоинституционализма «валюативный акцент» характерен для культурологического направления, к которому относятся нормативная, историческая, социальная и др. его версии[255]. Все они согласны с тем, что институциональная среда образована как формальными, так и неформальными нормами. При этом нормативный институционализм делает акцент на неформально-аксиологической стороне — так, Дж. Марч и Й. Ольсен полагают, что наибольшей нормативной силой обладают не формальные структуры, а комплекс ценностей, на основе которых индивиды принимают решения и строят свое поведение. Ценности, с их точки зрения, не только играют существенную роль в формировании институциональной среды, но и лежат в основе институциональных соглашений, а также формируют институциональную практику, определяя особенности функционирования политических организаций[256]. Состав

---

[255] См. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня; Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы; Ott J.S. The organizational culture perspective. Pacific Grove (Cal.), 1989; Siehl C., Martin J. The role of symbolic management: How can managers effectively transmit organizational culture // Leaden and managers. N.Y., 1984; Ashford D.E. The emergence of welfare states. Oxford, 1986; Marsh D., Rhodes R.A.W. Policy communities and issue networks: Beyond typology // Policy networks in British government. Oxford, 1992.

[256] Сам термин «новый институционализм» был введен в оборот Дж. Марчем и Й. Ольсеном в 1984 г. В своих работах они противопоставили новый институционализм контекстуализму, редукцио-

институциональной среды детерминирован социально-культурными традициями, обусловлен историческим наследием нормотворчества — входящие в нее институты возникли в разное время, сохранились в различной степени и переживают разные стадии своей эволюции. Исследуя процесс формирования институциональной среды, исторический институционализм прослеживает зависимость определенного набора «первоначальных решений», принятых при формировании института, на всю последующую историю его существования, даже при условии значительных изменений. В каждый конкретный момент времени набор институциональных норм представляет некую данность — многослойный конгломерат регулятивов, внешний по отношению к субъекту политического действия. Этот конгломерат нельзя подвергнуть радикальному преобразованию, можно изменить лишь отдельные характеристики существующих институтов, в целом определяемых исторической традицией. Таким образом, институциональная среда предстает в виде совокупности институтов, каждый из которых имеет свою историю, соотнесен с определенным интересом и подчиняется своей внутренней логике развития[257].

Согласно культурологическому течению, действия в институциональной практике носят не универсальный, а ситуативный характер, поскольку зависят от конкретных условий, меняющихся в ходе событий. Данное течение признает, что субъект политического действия преследует определенные цели, однако полагает, что и сами эти цели, и стратегии их достижения, и оценка результатов предпринятых шагов — все это во многом определяется институциональной средой. Таким образом, роль институциональных соглашений существенно снижается — выбор ограничений, принимаемых субъектом политического действия, также считается зависимым от особого отношения между индивидом и институтом, которое получило название «логики соответствия». Смысл его заключается в подчинении как отдельных индивидов, так и «институциональных акторов» стабильным моделям взаимодействия (т.н. «институциональным сценариям»). Так, например, представители социального институционализма подчеркивая институциональный характер взаимоотношений организаций, распространяют этот подход на объяснение любых социальных связей —

низму, утилитаризму, инструментализму, функционализму и обосновывали необходимость отказаться от понимания политики как суммы индивидуальных действий рациональных акторов, поскольку, во-первых, в своих поступках индивид далеко не всегда руководствуется разумными основаниям, а, во-вторых, конкретные решения принимаются в определенных условиях, задаваемых существующими институтами. См.: March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78; March J.G., Olsen J.P. Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. N.Y., 1989.

[257] См., например: Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. 1999. № 2; Thelen K., Steinmo S. Historical institutionalism in comparative politics // Structuring politics: Historical institutionalism in comparative perspective. Cambridge, 1992. В соответствии с этой позицией исторический институционализм рассматривает государство не как монолитный институт, а как институциональную среду, а политическую деятельность трактует как активность, обусловленную «идеями и интересами институциональных акторов, действующих в дифференцированном публичном секторе» (Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня. С. 223).

и на взаимодействие различных групп интересов внутри публичного сектора, и на отношения между публичным и частным секторами[258].

Что же касается индивидуального поведения, то его подчинение институциональным сценариям обусловлено следующим. Люди, не обладая ни навыками, ни достаточными логическими способностями и знаниями, позволяющими осознать свои интересы и выстроить стратегию их достижения, следуют тем «шаблонам», которые существуют в рамках институтов. Лишь потом, ретроспективно, они дают рациональное обоснование своим действиям; однако и при таком объяснении они ориентируются на «шаблонные сценарии», позволяющие им соотнести свои действия с предписанными вариантами поведения[259].

В отличие от культурологического направления неоинституционализма, валюативная ориентация коммунитаризма[260] связана со стремлением к созданию целостной теории. Коммунитаризм как самостоятельное теоретико-политологическое направление сложился в ходе полемики с принципами либеральной политической теории. Критикуя философские основания либерализма, коммунитаристы отмечали чрезмерный индивидуализм и атомизм в понимании отношения между человеком и обществом. Представление о человеке как автономном существе, имеющемся в наличии до каких бы то ни было ценнос-

---

[258] См.: *Marsh D., Rhodes R.A.W.* Policy communities and issue networks: Beyond typology // Policy networks in British government. Oxford, 1992.

[259] В рассматриваемом варианте неоинституционализма самопонимание и, соответственно, поведение индивида связано с определением его роли в конкретном институциональном окружении. (См. также: Cohen M.P., March J.G. Leadership and ambiguity: The American College President. Boston, 1974). Культурологическое течение утверждает, что именно институты «диктуют акторам, каким предпочтениям следовать в той конкретной ситуации, в которой они оказались», и тем самым «не только воздействуют на предпочтения действующих лиц, но в какой-то степени и создают их» (Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. С. 163). Предпочтения, лежащие в основе выбора, также рассматриваются как ситуативные, изменяющиеся под воздействием обстоятельств. Тем самым оказывается, что они в большей степени свойственны институтам, чем индивидам. Нельзя не отметить близость данной позиции с теорией социальных ролей, согласно которой набор социальных позиций, связанных с определенными социальными ожиданиями, «заполняется» конкретными индивидами, определяя не только их место в социальной структуре, но и самопонимание. Культурологическое течение в неоинституционализме сталкивается с определенными теоретическими затруднениями. Так, например, в рамках предлагаемой трактовки непросто объяснить различие предпочтений у индивидов, действующих в одной и той же институциональной среде. В целом это направление не стремится выйти за пределы построения конкретно-исторических каузальных связей и выработать общую объяснительную схему институциональной практики как таковой.

[260] Коммунитаризм также актуализирует культурно-ценностные аспекты политической реальности, при этом коммунитарный конструктивизм (М. Уолцер, М. Сандел) занят разработкой принципов конструирования социальной и политической реальности, а в центре внимания ценностного нормативизма (Э. Макинтайр, А. Этционн) находится аксиологическое обоснование политики как достижения общего блага. Начало современной теории коммунитаризма положила книга М. Сандела «Либерализм и пределы справедливости» (Sandel M. Liberalism and the limits of justice. Cambridge, 1982), в которой он доказывал, что «социальное начало предшествует политическому и определяет его» (Политическая наука: новые направления. С. 470). См. также: Kymlicka W. Liberalism, community and culture. Oxford, 1989; MacIntyre A. After virtue. Njtre Lame (Ind.)., 1981 (в рус. пер.: Макинтайр Э.Ч. После добродетели. М., 2000); Walzer M. Spheres of justice. N.Y., 1983;

тей, целей, социальных связей и отношений и свободно выбирающем ценности и цели своей жизни, по мнению коммунитаристов, игнорирует включенность человека в разнообразные общественные практики и его «нагруженность» разными социальными ролями. А это порождает асоциальный индивидуализм, преуменьшение или даже игнорирование роли не только сообществ и ассоциаций, но и институциональной среды вообще.

Кроме того, в либерализме, утверждали коммунитаристы, социальные по своей природе ценности предстают просто как предмет выбора индивида. На деле же они определяют идентичность личности — в том смысле, что человек не может воспринимать себя отдельно и независимо от ценностных ориентаций среды. Далее, утверждение о свободном выборе индивидом своих целей и ценностей предполагает, что представление о благе есть лишь произвольное выражение предпочтений и желаний человека. Избежать субъективизма, с точки зрения критиков либерального подхода, можно, только осознав важность социума — во всем многообразии его социальных практик и связей — как источника и гаранта объективности ценностей. Основополагающая идея коммунитаристов заключается в том, что в основе социальной и политической реальности лежит «коммуникация», т.е. взаимодействие людей. На основе таких взаимодействий формируются социальные связи, которые обладают собственной исторической логикой и активно воздействуют и на процесс формирования человека, и на определение целей и задач политической деятельности. Поэтому участие в таких связях, т.е. публичная жизнь во всех ее проявлениях, включая и политическую активность, есть признак человеческой идентичности, необходимая часть жизни, основанной на благе. Политические ценности — справедливость, права и свобода — не универсальны, они зависят от социально-культурного контекста[261].

Либерализм, считает Э. Макинтайр, представляет собой систему формального принятия решений носителями противостоящих и противоборствующих мнений. При этом не существует средств, позволяющих определить, какие из данных мнений являются справедливыми, а какие нет. При подобном понимании мира моральные факторы сбрасываются со счетов[262]. Общество, в понимании Макинтайра, есть ассоциация людей, созданная для достижения общих целей, разделяемых всеми членами этой ассоциации.

---

[261] Так, Э. Макинтайр пишет: «... дело не только в том, что различные индивиды живут в различных социальных обстоятельствах; дело также в том, что все мы являемся носителями конкретной социальной тождественности» (Макинтайр Э.Ч. После добродетели. С. 297).

[262] Макинтайр убежден, что именно благодаря распространению такой позиции произошли важнейшие экономические и идеологические изменения в обществе наших дней. И эти изменения привели к тому, что такие вопросы, как добро, справедливость и добродетель, стали либо предметом заботы отдельных сознательных индивидов, либо инструментами, используемыми при противоборстве различных политических взглядов. Так или иначе, но ценности, которые должны объединять людей, оказались — во многом стараниями либерализма — на периферии общественной жизни. В результате социум оказался на грани катастрофы: связи между людьми слабеют и распадаются, политика превращается в технологию, заверения о стремлении к общему благу — в демагогию. (См.: Макинтайр Э.Ч. После добродетели. С. 11–34).

Из этого принципа вытекают и важные практические выводы. Болезнь общества, по его мнению, лучше всего лечить путем воссоздания социальных связей. Это предполагает объединение людей, разделяющих одинаковые представления о ценностях и достоинствах, в общины-коммуны[263]. Кроме того, в решении политических проблем не может и не должно быть универсального, уравнительного подхода. Здесь должен восторжествовать принцип субсидиарности, согласно которому проблема решается там же, где возникает — в рамках самостоятельной и самоуправляемой политической общности. Поэтому государство должно быть децентрализованным. Его цель — обеспечить самоуправление входящих в него коммун.

В коммунитаризме ярко проявилось тенденция как к максимизации «нормы власти», так и к минимизации «власти нормы». В первом случае речь идет о попытках подчинить политическую деятельность культурным ограничителям и в аксиологическом, и в практическом плане. Во втором — о стремлении к плюрализму, политической децентрализации, поощрению культурной самобытности и снижению уровня значимости централизованной регламентации.

Последнее стремление нашло свое радикальное выражение в постмодернистских концепциях. Несмотря на то, что начавшиеся в 80-х гг. XX в. дискуссии о сущности и основных чертах постмодернизма идут до сих пор[264], представляется возможным определить его подход к трактовке «нормы власти» и «власти нормы». Теоретики постмодернизма утверждают, что «постмодернизация» как объективный процесс трансформации общества на определенном

---

[263] В наше время, полагает Макинтайр, «важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже настигли нас».(Макинтайр Э.Ч. После добродетели. С. 355.) Такие самоуправляющиеся социальные единицы и представляют собой политические коммуны, к числу неотъемлемых признаков которых относятся общность территории, общность истории, наличие общих ценностей, широкое политическое участие, высокая степень моральной солидарности членов коммуны. Члены этих общин должны быть связаны друг с другом единым отношением к идеалам и ценностям. При этом общее благо политической коммуны имеет приоритет и перед благом отдельных индивидов, и перед благом государства. «В любом обществе, где правительство не выражает или не представляет моральной коммуны граждан, — пишет Макинтайр, — а вместо этого является множеством институциональных устроений для наложения на общество бюрократического единства, которое не имеет подлинного морального консенсуса, природа политического обязательно неясна». (Там же. С. 344. См. также: Макеева Л.Б., Мотрошилова Н.В. Философия и этика коммунитаризма // История философии: Запад – Россия – Восток. М., 2000. Кн. 4. С. 432–435; Kommunitarismus. Eine Debatte uber die moralischen Grundlagen modernn Gesellschaft. Fr./Main, 1993; Engler W. Verwirklichung und Verpflichtung. Zur Kriese der moralisxhen Urteilskraft // Deutsche Zeitung fur Philosophie. 1993. № 6).

[264] См.: Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 1999; Затонский Д. Постмодернизм: Гипотезы возникновения // Иностранная литература. 1996. № 2; Степанян К. Постмодернизм – боль и забота наша // Вопросы литературы. 1998. № 5; Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Davis D. Artculture: Essays on the post-modern. N.Y., 1977; Jameson F. Postmodernism or the cultural logic of late capitalism. // New left rewue, 1984. № 146. P. 62 -87; Critical inquiry. 1980. Vol. 7. № 1.; Butler Chr. After the Wake: An essay on the contemporary avantgarde. Oxford, 1980; См. также источники,помещенные на сайте: http://mochola.narod.ru/culture.htm.

этапе его развития потребовала выработки нового способа видения мира и человека и «эпистемологического разрыва» с традиционными формами познания, прежде всего с научными концепциями[265]. Эту задачу и пытается решить постмодернизм, опиравшийся на философию экзистенциализма, теорию и практику постструктурализма и деконструктивизма.

Постмодернизм принципиально валюативен. Для него неприемлемым допущением служит утверждение о возможности познания реальности такой, как она есть. Ни в понимании целей познания, ни подходе к ее достижению, ни в решении конкретных задач конвенциональная наука, с точки зрения постмодернистов, не может считаться не только единственно значимой, но и просто значимой[266]. Следуя антисциентистской антропологической традиции, постмодернисты утверждают, что реальность дана в восприятии каждого человека как связанная с ним неразрывной связью. Разделение ее на противостоящие друг другу субъект и объект постмодернисты считают важнейшей ошибкой, свойственной мышлению эпохи «модерна». Поэтому нет и не может быть никаких «объективных» истин: истины «значимы», контекстуальны, ситуативны и потому равноценны; присвоение же неким утверждениям статуса истин или заблуждений есть акт свободного выбора[267]. Стремление навязать результаты этого

---

[265] Важнейшую роль в подобном «эпистемологическом разрыве» сыграла неудача попыток реализации сциентистского идеала позитивного научного знания, и в результате в рамках постмодернизма был поставлен вопрос о радикальном отказе от традиции научного познания как такового. Постмодернисты считали необходимым по-новому оценить всю традицию западной мысли, для которой характерен особый тип научного знания, базирующийся на идеях прогресса и рациональности, которая лежит в основе эпохи «модерна». Последняя не связывается с точными хронологическими параметрами, главное заключается не в установлении ее границ, а в противопоставлении принципиально иному типу мышления, конституирующему ее антипод — эпоху «постмодерна», для которого характерно не научное, а «поэтическое» мышление. Это мышление характеризуется, прежде всего, глобальным плюрализмом — отказом от признания абсолютными любых авторитетов и ценностей, стремлением к преодолению всех границ и условностей, попыткой выхода за пределы бинарной логики к смысловой многозначности и пр.

[266] Саму реальность нельзя унифицировать и тем более объяснить на основе одного принципа — она качественно разнообразна, креативна и спонтанна, в каждый момент времени для каждого человека она существует в уникальном виде. Поэтому целостный образ реальности невозможно создать, не прибегая к насильственному насаждению формальных (читай — произвольных) моделей. Таким образом, может существовать любое множество «образов реальности», в равной степени вероятных, легитимных и ценных. И потому ни одному из них не следует претендовать ни на ее познание, ни тем более на общезначимость. Несостоятельность конвенциональной науки постмодернизм усматривает и в ее претензии на познание сущности явлений. В вопросе об эссенциализме постмодернизм следует линии экзистенциализма, признавая, что существование предшествует сущности, и любое бытие есть незавершенный проект. По аналогичной схеме идет постмодернистская аргументация против холистских устремлений традиционных форм познания. Так, по мнению голландского исследователя Д. Фоккема, специфика постмодернистского видения мира состоит в признании невозможности и бессмысленности любых попыток сконструировать некую «модель мира», установить какой-либо иерархический порядок или определить систему жизненных приоритетов. (См.: Fokkema D.W. The semantic and syntactic organisation of postmodernist texts // Approaching postmodernism. / Ed. by Fokkema D. W., Bertens H. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 82–83.)

[267] «Обществоведам сообщают, — характеризует ситуацию в социальном познании конца XX в. историк мысли Т. Бранте, — что их понятия и теории контекстуально и исторически закреплены и тем самым по необходимости конвенциональны, а также что все их данные зависят от теорий и не

выбора всем людям путем объявления их общезначимыми представляет собой проявление власти, насильственного установления нормы. Тем самым доминировавший в эпоху «модерна» тип познания выполнял политическую функцию — в том смысле, что насильственно утверждал определенную, основанную на принципе рациональности «норму познания», вытесняя за грань легитимности все остальные способы постижения бытия (иррационально-мистические, интуитивные и пр.). Поэтому, полагают постмодернисты, следует разоблачить науку как тотализирующую «норму познания» и лишить ее принуждающей силы[268].

В основе постмодернистского подхода к трактовке нормативизма лежит тезис об абсолютной противоположности свободы и власти. Свобода, признаваемая вслед за экзистенциализмом абсолютной ценностью, считается отсутствием зависимости от принуждения. Принуждение же, в свою очередь, выступает в качестве главной черты власти, которая, с точки зрения постмодернизма, не может не носить характера подавления свободы. Это подавление может иметь различные оттенки — от прямого насилия до замаскированного принуждения, — но оно всегда связано с тем или иным ограничением количества возможных вариантов действия, разделением их на дозволенные и недозволенные, принятые и непринятые, правильные и неправильные. Это разделение фиксируется в различных нормах — начиная от норм языка и заканчивая нормами культуры. Таким образом, в постмодернизме не только признается неразрывная связь нормы и принуждения, но и подчеркивается, что установление норм служит задаче фиксации социально приемлемых образцов.

В определенной мере эти утверждения постмодернизма коррелируют и с неоинституциональными подходами к пониманию «власти нормы», и с пониманием социального устройства как системы ограничений, принятых в рамках модернизационных концепций или теорий стадий роста[269].

Принципиальный характер носит следующий поворот в постмодернистской аргументации. Фиксация нормы как универсально значимого образца,

---

могут обеспечить исследователей неоспоримыми критериями» (Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 418). С точки зрения постмодернизма, преимущество одного способа выбора перед другим ничем не обосновано, ибо такое обоснование предполагает наличие объективных критериев сравнения — некой универсально значимой инстанции, способной служить эталоном. А такой инстанции нет и быть не может.

[268] Решение данной задачи видится в реализации различных программ, например, «деконструкции языка власти» (Ж. Деррида) или разработке новой философской политики «ускользания от власти» (М. Фуко).

[269] Например, степень реализации свободы служит основным основанием для противопоставления как эпох «модерна» и «постмодерна», так и, например, традиционного и информационного или закрытого и открытого обществ. Так, в постмодернизме массовое, централизованное производство противопоставляется децентрализованному, основанному на личном вкладе каждого индивида, воспринимаемого в качестве незаменимого участника процесса; массовая культура, признающая легитимным один или несколько стилей — плюрализму, обеспечивающему равноправие всех возможных стилей; общество, расколотое на классы и основанное на угнетении, — «глобальному» социуму, управляемому интеллектуалами. Аналогичные дихотомии можно встретить у Д. Белла или О. Тоффлера.

отсекающего все иные варианты и возможности, рассматривается постмодернизмом как акт принуждения, уничтожающий (или, в лучшем случае, существенно ограничивающий) свободу. При этом специфика нормативной регуляции в различных сферах человеческого бытия признается второстепенной, отходящей на задний план по сравнению с подчинением норме как принципом отношений между индивидом и внешним миром. Таким образом, оказывается, что властные отношения как отношения принуждения свойственны не только определенной сфере человеческого бытия, они «разлиты» повсеместно — везде, где присутствует нормативный образец, выполняющий регулятивно-директивную функцию, присутствует и власть. Таким образом, сфера политических отношений, со одной стороны, лишается определенной локализации в системе социальных связей, а, с другой стороны, глобализируется и становится дисперсной: любое отношение, связанное с регламентацией, приобретает политический характер. Тем самым политика рассматривается как тотальное, всепроникающее явление, охватывающее все «поры» человеческого бытия[270].

Важно, что постмодернизм наряду с признанием тотализирующей направленности «власти нормы» утверждает неправомерность подобного нормирования и стремится активно ему противостоять. Неправомерность обосновывается тем, что нормам нельзя приписывать характер абсолютных, универсально значимых требований. Они с необходимостью носят относительный, субъективный характер, поскольку являются отражением и фиксацией особенностей лишь определенных, конкретных, частных практик, не имеющих никаких преимуществ перед иными способами видения и трактовки реальности.

Итак, можно сделать вывод, что на протяжении XX в. исследование нормативной проблематики шло во всех валюативных теориях. Несмотря на то, что установки и выводы исследователей разнились, в целом в подавляющем большинстве теорий нашел отражение тот факт, что историческое развитие в XX в. связано с ростом нормативного регулирования как в политической жизни, так и в научном познании. Если в первой половине столетия предпринимались усилия по вытеснению нормативной проблематики из политической науки, то к концу века произошла «легитимация нормативности». Вопросы нормативного регулирования были введены в предметное поле политических исследований, причем во всех аспектах — и как «норма познания», и как «власть нормы», и как «норма власти».

---

[270] Даже нормы языка, претендующие на установление «правильных» образцов использования речевых средств, рассматриваются как специально предназначенные для подавления «инакости». Таким образом, в данной трактовке язык выполняет функцию тотализации общества и легитимации террористической, подавляющей сущности власти. Аналогично и иные сферы человеческой деятельности, закрепляющие определенные образцы, — будь то нормы познания или правила поведения, оказываются тотализированными в результате подавления свободы выбора и принудительного исключения всего того, что признано ложным.

НОРМАТИВИЗМ: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проведенный анализ показал, что нормативная проблематика была востребована на всех этапах развития политического познания в XX в. и разрабатывалась и в рефлективных, и в валюативных теориях. И все же, несмотря на это, в западной политической науке сложилась определенная традиция относить к «нормативизму» лишь некоторые концепции. В связи с этим встает вопрос о критериях нормативности и «образе нормативизма» в рамках политической науки.

Следует признать, что упомянутый «образ нормативизма» в политологическом дискурсе не только не имел жестко определенных специфицирующих признаков, но и значительно менялся на протяжении столетия. В начале XX в. к лагерю «нормативистов» причисляли представителей политической «метафизики» с присущим им «абстрактным нормативизмом» — с ними боролись преимущественно политологи позитивистской ориентации, стремившиеся утвердить принципы научности и дистанцироваться от линии политического познания, тесно связанного как с моральной философией, так и с социально-правовым институционализмом. При этом в «списке классических нормативистов» находились различные по теоретическим, методологическим и идеологическим установкам мыслители — все те, с кем полемизировала прикладная политическая наука в период своего становления, т.е. вплоть до ознаменовавшей ее дисциплинарную зрелость поведенческой революции второй половины XX в.

В середине века основанием отнесения к лагерю сторонников нормативного подхода таких мыслителей, как Л. Штраус, И. Берлин, Х. Арендт, было их стремление доказать необходимость аксиологической проблематики в политических исследованиях и легитимность теоретического уровня политического познания. В то же время сами исследователи-нормативисты дистанцировались от «классического нормативизма», и граница была настолько очевидной, что применительно к ним стали говорить о «неонормативизме». В последней трети XX в. нормативизм в западной политической мысли связывают с именами

исследователей, которые и в теоретическом, и в идеологическом плане существенно отличаются и друг от друга, и от нормативистов 60-х гг., — это Дж. Роулз, Й. Элстер, Б. Бэрри, Р. Нозик, М. Уолцер и др. Их объединение в рамках единого теорстико-методологического подхода на основании того, что все они стремились к целостному познанию сферы политического и актуализировали нормативную проблематику, нельзя признать аргументированным, поскольку эти черты были свойственны практически всем направлениям политических исследований постбихевиорального периода. В постмодернистской версии нормативистами вообще оказались все мыслители, стремившиеся к выработке общезначимых эвристических принципов и моделей и не признающие постмодернистской парадигмы. Очевидно, что при таком понимании бывшие оппоненты оказались представителями одного «лагеря», и прежние трактовки нормативизма утратили всякий смысл.

Таким образом, сложившаяся в политологическом дискурсе традиция отнесения к нормативизму определенных концепций не может считаться устойчивым основанием для спецификации нормативизма, поскольку ее критерии не выдерживают критики. Поэтому представляется возможным утверждать, что «нормативизм» нельзя атрибутировать как самостоятельный теоретико-методологический подход, направление исследований или научную школу политических исследований; его следует рассматривать как эвристический инструмент, используемый в демаркационных целях в конкретной ситуации противостояния различных моделей познания. Именно поэтому на протяжении столетия представления о том, кого следует считать нормативистом в политическом познании, постоянно изменялись: ответ на вопрос, кого из мыслителей следует относить к нормативизму, всегда зависел от трансформации проблематики и направленности политологических дискуссий. Линии демаркации, служившие основанием спецификации нормативизма в политической науке, заслуживают более детального рассмотрения.

Классический нормативизм. Как уже говорилось, формирование «образа классического нормативизма», т.е. представлений о том, какие черты отличают нормативный подход к познанию политической реальности, было тесно связано с дисциплинарным становлением политической науки, стимулировавшим рост интереса к эвристической проблематике. Нормативность считалась важнейшей характеристикой классической традиции политического познания и, соответственно, одной из важнейших причин, обусловивших необходимость демаркации научного и ненаучного знания. Именно дистанцирование сциентистски ориентированной политической науки от прежних подходов к трактовке политических явлений способствовало концептуализации нормативистской проблематики. В процессе размежевания сциентизма с нормативизмом можно проследить следующие линии.

При определении предметной сферы политического познания и выборе онтологической ориентации феноменализм науки противопоставлялся эссенциализму классических философских систем. Разграничение эссенциального и феноменального подходов определялось необходимостью конкретизации пред-

метного поля политического познания. Феноменализм, ограничивая задачи политической науки объяснением наблюдаемых фактов, настаивал на том, что предметом политического познания следует считать только явления и отношения между ними, фиксируемые в опыте. При том обобщающие суждения о свойствах и признаках явлений и закономерностях их взаимосвязей не исключались — однако они допускались лишь в том случае, если были верифицируемыми, т.е. доступными опытной, экспериментальной проверке.

В противоположность данному подходу, эссенциализм направлен на постижение сущности политической реальности и наиболее общих закономерностей политической жизни. При этом предполагается, что сущность, лежащая за политическими феноменами и их определяющая, не может быть дана в опыте и, следовательно, недоступна эмпирическому познанию, а суждения о ней не могут быть подвергнуты экспериментальной проверке и, соответственно, подтверждены или опровергнуты опытным путем. Таким образом, познание сущности носит принципиально интеллигибельный характер, а в качестве методологических приоритетов выступают ориентация на качественные методы, исторический подход к анализируемым объектам, дескриптивизм, компаративизм, исследование как регулярностей, так и не повторяющихся явлений и пр.

В противостоянии феноменализма и эссенциализма последнему, как правило, приписывался нормативный характер. Нормативность усматривалась в основной его посылке — в признании того, что за многообразием политических процессов кроются некие глубинные сущности, которые носят характер «норм», поскольку выступают в качестве конституирующих принципов политической сферы, задают «образец» политического и цель политической деятельности, а также обусловливают критерии оценки существующего.

В добихевиоральный и особенно в бихевиоральный периоды политическая наука, ориентированная на сциентистскую модель познания, выдвигала задачу отказаться от эссенциализма и связанной с ним нормативности. Однако следует особо отметить, что изучение норм как факторов, внешних по отношению к политической реальности и имеющих для нее конституирующее значение, не обязательно считалось «метафизичным» и противопоставлялось сциентистскому идеалу науки. Анализ норм как регуляторов политического поведения допускался при их феноменалистской трактовке, т.е. при отношении к ним как к объективным фактам, доступным опытному познанию. В результате граница, разделяющая «допустимое» и «запретное» в изучении нормативного регулирования, оказывалась довольно размытой, и каждым исследователем проводилась по-своему.

В дискуссиях о гносеологических характеристиках политической науки в качестве альтернативы теоретическому анализу высоко абстрактного уровня, свойственного классической традиции, выступал эмпиризм научных дисциплин. Данная линия размежевания с принципами традиционного политического познания связывала нормативизм с умозрительными построениями, свойственными метафизическим системам или макротеориям, для которых характерны эвристические процедуры, отличающиеся высоким уровнем абстрагирования. Норматив-

ный подход рассматривался как разделяющий принцип эпистемологического оптимизма — т.е. признающий, что в процессе познания человек может постичь скрытую сущность политической реальности путем получения все более полного истинного знания о ней. Это знание и фиксируется в нормах и ценностях, например, в идеях блага или справедливости. И хотя такое знание может быть неполным и противоречивым, сама истина, находящая в нем несовершенное выражение, отнюдь не ситуативна. Она универсальна и абсолютна, носит вневременной, общезначимый характер и не зависит ни от каких условий.

Подобная позиция (ее можно назвать эпистемологическим универсализмом) выступала в качестве основы нормативистской установки на познание идеальных принципов политического устройства. Последние — в силу их соответствия нормативным образцам, фиксирующим сущность политической жизни (идеям блага, свободы, справедливости, равенства и т.д.), — признавались истинными, и в результате выступали не просто как оптимальные, но и как общезначимые.

В качестве критерия, позволяющего специфицировать нормативизм, выдвигалась и такая черта, как холизм, т.е. установка на целостное рассмотрение политической реальности. Концепции, признаваемые нормативными, подчеркивали невозможность понять глубинную сущность политических феноменов в рамках частных, конкретных исследований и ориентировались на создание макротеории, стремились к обобщению на общесоциологическом или философском уровне. При этом построения и выводы высокой степени абстракции признавались не только допустимыми, но и необходимыми для достижения целей политического познания.

Однако, рассматривая данный критерий нормативности, нельзя не заметить, что сциентистская модель науки ни в коей мере не исключала ни абстрактных высказываний, ни попыток создать макротеорию. При всех декларациях об ориентации на конкретные микроисследования и стремлении ограничиться теориями среднего уровня даже в бихевиоральный период разрабатывались концепции, претендующие на целостное понимание политической реальности — такие, например, как структурно-функциональный и системный анализ, теория рационального выбора, теория политической культуры, теория модернизации и пр.

Что же касается уровня абстрагирования в процессе политического познания, нельзя не отметить, что требования формализации и математизации знания были неразрывно связаны именно с высоким уровнем обобщения, а стремление к типизации эмпирических данных и формализации показателей, характеризующих политический процесс, вело к отрыву от политической реальности так же неизбежно, как и при «метафизических» построениях. Так что речь шла не о допустимости теоретических абстракций и не о наличии эмпирических наблюдений — линия демаркации проводилась между различными эпистемологическими моделями. В сциентистской модели наука трактовалась как познание, основанное на опыте, использующее для обработки опытных данных количественные методы, стремящееся к точному измерению, инст-

рументальности понятий и методов. Поэтому абстракты, применяемые в ходе научного познания, считались подчиненными задаче описания и объяснения эмпирического материала, нацеленными на решение конкретной задачи и по мере необходимости заменяемыми на иные, более эффективные.

В противовес этой модели «метафизика» и связанный с ней нормативизм трактовались как исключающие опытное познание из процесса постижения сущностей и использующие конкретный материал в лучшем случае в иллюстративных целях. Нормативный характер метафизических теорий усматривался в том, что в них требовалось принятие некоего постулата, который представлял собой суждение высокой степени абстракции, определял всю теоретическую систему, а сам, в свою очередь, не поддавался корректировке ни в ходе исследования, ни в соответствии с его результатами.

Итак, в гносеологическом плане в содержательное наполнение понятия «нормативизм» вошли, во-первых, теоретическое познание на высоком уровне абстракции, противопоставляемое эмпирическому исследованию политических реалий; во-вторых, абстрагирование от реального процесса в ходе формализации параметров, характеризующих политическую жизнь; в-третьих, претензия на создание универсальной теории с всеобъемлющей объяснительной силой.

В добихевиоральный период в качестве нормативных трактовались преимущественно теории, соответствующие первому и третьему условиям, — т.е. «метафизические» и претендующие на универсальную объяснительную силу. При этом в политической науке критика в адрес абстрактных макротеоретических систем постепенно ужесточалась, и в период поведенческой революции это вылилось в требование (правда, не выполненное, да и невыполнимое) отказаться от макротеорий в политическом познании как от принципиально нормативных концепций.

В аксиологическом плане при выявлении роли ценностных суждений в политическом познании оппозицию составляли оценочность «метафизических» построений и нейтральность научного знания. Размежевание с нормативизмом было обусловлено аксиологической направленностью классической традиции политического познания. Как уже говорилось, согласно сциентистской модели, научное познание политики должно носить нейтральный характер, т.е. избегать оценочных суждений, классические же политические теории имели ярко выраженную оценочную функцию, говорили о должном и желаемом с позиций неких ценностей, которые выступали в качестве критерия оценки конкретных действий и решений участников политического процесса. В этих концепциях познание должного служило основой оценки налично данного и диагностирования степени отклонения от «образца». Такая направленность неизбежно вела к зависимости политических исследований от определенных убеждений и принципов, от разделяемых ценностей. Важно также отметить, что в классической политической теории в качестве высших ценностей, как правило, признавались внеполитические феномены — чаще всего идеалы морально-этического или религиозного характера, выступающие одновременно и в качестве конституирующих принципов, и в качестве сущностных характеристик, и в качестве целей государства.

Аксиологизм политического познания, принципиально отвергавшийся сторонниками сциентистской эвристической модели, оказался прочно связанным с нормативизмом, что выразилось в термине «ценностно-нормативный подход», который использовался для описания познания, ориентированного на ценности как фундаментальную основу социальной реальности и признающего не только их практическую, но и эвристическую значимость, т.е. исходящего из убеждения, что ценностные (оценочные) суждения должны быть необходимой составляющей серьезного политического познания.

Рассматривая данный критерий нормативности, нельзя не отметить, что сциентистский принцип ценностной нейтральности в политическом познании не был воплощен в сколько-нибудь значительной мере. Преобладала позиция политической ангажированности — так, даже у сторонников строгой модели позитивной политической науки присутствовало убеждение в ценностной неоднородности исследуемых фактов. Например, демократия расценивалась как благой и справедливый режим, и ее упрочение виделось естественной целью усилий ученых. Кроме того, в задачи политической науки изначально включались и педагогические задачи (начиная с воспитания правителей и заканчивая воспитанием граждан), что невозможно без признания аксиологической направленности дисциплины.

В деонтологическом плане при характеристике направленности политического познания акцентировалась противоположность директивности выводов традиционного политического познания и констатирующего характера истин науки. Дистанцирование сциентизма от директивности основывалось на положении, согласно которому наука носит антителеологичный характер: она должна определять не цели, а средства ее достижения. Тем самым задача науки ограничивается констатацией того, что найденные ею конкретные средства оптимальны для достижения данной цели. Практическая значимость и эффективность результатов научных исследований делают возможным их применение в реальной жизни, но ни в коей мере не принуждают к следованию научным предписаниям. В противоположность сциентистской позиции, классическому политическому познанию свойственна директивность, вытекающая из изначальной установки. Соответствие политической реальности истинным принципам представлялось возможным лишь в идеальном обществе, в котором сущее совпадает с должным. Поэтому политическое познание было подчинено высшей цели — оно должно способствовать приближению к идеальному (а значит, истинному) политическому устройству. Познание политического прежде всего является политическим моделированием — детальной разработкой идеальной модели политического устройства и сопоставлением ее с реальным положением дел. Иначе говоря, политическое познание заключается, во-первых, в познании должного (т.е. раскрытии и уточнении содержательных аспектов универсальных ценностей); во-вторых, в анализе расхождений между должным и сущим; в-третьих, в поиске путей преодоления этих расхождений.

Таким образом, нормативное политическое познание наделялось целеполагающей и предписывающей функциями — считалось, что нормативизм ори-

ентирован на поиск ответа на два главных вопроса: в чем высший смысл политики и как организовать политическую жизнь, чтобы она соответствовала своему предназначению. Директивность классической традиции политической мысли проявлялась в стремлении регулировать политическую жизнь в соответствии с ответами, найденными в рамках каждой их теорий. Эта нормативная направленность находила выражение в поиске ценностных ориентиров, постановке целей и определении правил поведения, вплоть до предписания участникам политического процесса определенного образа действий. Тем самым при дистанцировании сциентизма от нормативизма нормативистская директивность оказывается тесно связанной с телеологической и аксиологической сторонами «метафизики», ориентированной на деонтологическую сферу: предписания вырабатываются на основе постижения должного, и их легитимность обусловлена соответствием ценностям, лежащим в основе политической реальности.

Неонормативизм. В период поведенческой революции «образ нормативизма» был несколько изменен. В качестве основного антагониста доминирующего бихевиорального подхода выступал деонтологизм, сосредоточенный на познании сферы должного. При этом под огонь критики попадали как валюативные теории, придающие должному ценностные характеристики, так и формально-правовые (или формально-легальные) теоретические конструкции, связывающие должное с комплексом кодифицированных установлений. Общее отношение к нормативизму было негативным, несмотря на значительное внимание к проблемам, составляющим комплекс «тройственной нормативности», — ведь в бихевиоральный период разработка нормативной проблематики фактически присутствовала и в рамках «позитивных» подходов, признаваемых и используемых в поведенческих исследованиях, и в валюативных теориях, в отношении к которым в институционализированной политической науке существовало весьма большое предубеждение. Показательно, что в период поведенческой революции против нормативизма в политическом познании выступали и бихевиористы, и политические философы. Таким образом, и в том, и другом случае термин «нормативизм» сохранил демаркационную функцию, которая была присуща ему на добихевиоральной стадии.

Дистанцирование от нормативизма представителей политической философии, отчетливо проявившееся в 50–60 гг., было связано с существенным пересмотром эпистемологических ориентиров, свойственных классической политической мысли. С одной стороны, попытки создать целостную теорию, раскрывающую фундаментальные основы политической реальности, были направлены на противостояние гегемонии сциентистской эпистемологической модели. Подчеркивая значимость политики, мыслители, работавшие в этом направлении, доказывали, что без учета специфики политической сферы невозможно адекватно воспринимать и тем более объяснять социальную жизнь в ее целостности. При этом политика тесно связывалось с ценностными факторами, актуализировались проблемы справедливости, свободы, долга, прав человека и пр., благодаря чему данные концепции и воспринимались как нормативные.

С другой стороны, для самих авторов этих концепций и для их оппонентов было очевидно, что указанные концепции существенным образом отличаются от классических нормативных учений. Подобная трансформация определила границу между двумя формами нормативного подхода, что дало возможность говорить о возникновении особой разновидности нормативизма. Прежде всего, специфика «нового» нормативизма заключалась в определенном смещении акцентов в рассуждениях и в разработке новых систем аргументации. Так, разграничивая свой подход от теорий классического нормативизма, которому адресовались упреки в визионерстве, утопизме, неэффективности и практической неприменимости результатов исследования, неонормативисты всемерно подчеркивали рационализм, свойственный их построениям. Одновременно они выдвинули тезис о том, что макротеоретические политические исследования имеют принципиально неприкладной характер, что объясняется высоким уровнем абстрагирования при рациональном постижении фундаментальных особенностей человеческой жизни.

Отказ от принципа эффективности как познавательной установки, подчеркивание принципиальной непрактичности исследований сопровождались в неонормативизме смягчением предписывающего характера политического знания, ослаблением его регламентирующей силы. В свою очередь, это повлекло за собой сдвиг в исследовательских интересах: в центре внимания неонормативистов находились не столько познание политического идеала и путей его достижения, сколько осмысление политических процессов, не столько постижение должного, сколько анализ сущего.

В то же время, акцентируя приоритетность анализа сущего, — т.е., по сути, заявляя о своем соответствии требованию оппонентов классического нормативизма, — неонормативизм ни в коей мере не отказался от эссенциализма. В рассматриваемый период поиск фундаментальных основ политики по-прежнему занимал преимущественное место в их исследованиях, и именно через призму эссенциального анализа решалась одна из центральных в послевоенной науке задач, а именно изучение возможности и способов использования идей, норм и ценностей в целях манипулирования массами.

Что касается принципа аксиологизма в политическом познании, позиции классической и новой версий нормативизма совпадали — и та, и другая отрицали возможность компромисса с оппонентами в вопросе о ценностной нейтральности политического познания. Аргументировалась эта позиция следующим образом: специфика политики как вида человеческой деятельности состоит в том, что в ней постоянно производится ценностный выбор, и именно поэтому проблемы политической мысли непременно включают в себя идеологические и философские вопросы. Разделить ценностные и политические суждения в принципе невозможно, следовательно, само стремление создать свободную от ценностей политическую науку ошибочно.

Необходимо также отметить, что в проблемном поле неонормативизма появилась новая «рубрика» — анализ структуры политического познания. В этом вопросе неонормативисты стремились занять более взвешенную пози-

цию, чем их оппоненты. В отличие от «жестких» сциентистов, отрицавших право на существование политических макротеорий, неонормативисты признавали легитимность прикладной политической науки, однако при одном условии — если она откажется от претензии на исключительность. Подобная претензия несостоятельна, считали они, поскольку спектр знаний о политике гораздо шире, чем набор научных положений, подтвержденный опытным путем, и потому нельзя ограничивать политическое познание только эмпирическим уровнем.

В свою очередь, в бихевиоральный период сциентистски ориентированные ученые по-прежнему считали нормативизм чуть ли не главным оппонентом позитивной политической науки, не делая принципиальных различий между его классической и новой формами. Черта, появившаяся в политической науке в бихевиоральный период, — не просто критика, а попытка вытеснить из дисциплинарных границ нормативизм, под которым понимался как ценностно-нормативный подход к анализу политической реальности, так и институционализм, имевший ярко выраженную позитивистскую направленность. Таким образом, под огонь критики попадали и формальные, и ценностные нормативные теории. Основанием негативной оценки служил упрек в том, что нормативные теории не имеют практического значения. Помимо этого, в случае формально-нормативных концепций речь шла о недостаточной объяснительной силе, а в случае ценностного нормативизма — о принципиальном отсутствии способности получать истинное знание.

Однако при всем ужесточении позиции по отношению к нормативистским принципам познания, бихевиоризм все же не смог добиться четкого разграничения с ними, что объясняется не столько недостатком усилий в этом направлении, но и рядом объективных причин. Для того чтобы прояснить ситуацию, следует детально проанализировать отношение сциентистской эпистемологической модели к тем принципам нормативизма, которые были определены в добихевиоральный период. Если абстрагироваться от декларируемого «образа врага» и сопоставить характеристики, приписываемые нормативизму, с эвристическими принципами позитивной политической науки, то окажется, что разница между ними далеко не абсолютна и в эвристических принципах противоборствующих сторон можно найти определенные параллели.

Прежде всего это касается эссенциализма. Провозглашая переориентацию с познания глубинной сущности политических процессов на изучение наблюдаемых и фиксируемых явлений, сторонники позитивной политической науки в то же время не отказывались от признания наличия самой этой сущности. Об этом свидетельствует, в частности, разделяемый позитивистами тезис о единообразии и равном подчинении принципу закономерности всех — и природных, и социальных — процессов, а следовательно, об их общей сущности. Дискуссия шла лишь о том, следует ли в научном познании — именно в пределах науки — стремиться к познанию этой сущности, выходя за пределы опыта, или нет. Вопрос о том, можно ли судить о данной сущности в рамках вненаучных форм знания, был периферийным.

Нет различия между оппонентами и в представлении о возможностях познания. Эпистемологический оптимизм, безусловно, является одной из наиболее ярко выраженных черт не только нормативизма, но и позитивной науки. Разница только в том, что у последней он связан не с верой в возможность познания истинной сущности мироздания в целом и мира политики в частности, а с твердой убежденностью в возможности получения истинного эмпирического знания о политике — достоверного, опытном путем проверенного знания о закономерных взаимосвязях объективно установленных фактов.

Далее, представители противоборствующих сторон в равной мере разделяли мнение о том, что истина — т.е. желаемый результат познания — универсальна, носит общезначимый и вневременной характер, и различие между ними состояло в решении вопроса о том, может ли эта истина быть зафиксирована в положениях этики и философии и, соответственно, быть обнаружена в ценностях и нормах, или же ее единственно легитимным носителем является «чистая наука» с ее системой формальных законов, фиксирующих устойчивые отношения между эмпирически наблюдаемыми фактами.

Можно усмотреть аналогию между позитивной и нормативной версиями политического познания и в их отношении к деонтологизму: и та, и другая имели предписывающий характер. И хотя предписания позитивной науки касались не столько содержательных аспектов (характеристик и путей достижения идеала), сколько методов исследования, сути дела это не меняет: ее стремление к реализации долженствования проявлялось достаточно четко и определенно — в частности, в категоричности эвристических требований и нетерпимости к «непозитивному» политическому познанию. Таким образом, если в нормативизме сфера должного связывалась с ценностными или формально-правовыми нормами, в сциентистской модели она соотносилась с эпистемологическими нормами.

Особо нужно остановиться на такой черте нормативизма, как холизм. Как правило, нормативисты пытались создать целостную макротеорию, объясняющую политическое как таковое и при этом не обязательно имеющую прямой выход на злободневные проблемы политического процесса. Сторонники позитивной политической науки ориентировались на исследование конкретных эмпирических фактов и считали основным критерием успешности таких исследований практическую применимость их результатов в реальной политической жизни. Однако, как было показано выше, холистические тенденции присутствовали и в бихевиорализме. Тем не менее бихевиористы акцентировали внимание на противоположности прикладного и умозрительного подходов к постижению политической реальности. Было широко распространено мнение о том, что исследования могут носить либо эмпирический, либо нормативистский характер, причем «нормативное» приравнивалось к макротеоретическому, философскому познанию и в качестве такового подлежало выведению за пределы дисциплины. Широкое распространение получила точка зрения, что «политическая наука должна быть отделена от политической философии так, чтобы

фактологическое исследование более не было служанкой нормативных рефлексий»[271].

Второй значимой линией демаркации служил аксиологизм: нормативисты признавали ценностные суждения необходимой составляющей политического познания, тогда как их оппоненты, признавая важную роль ценностей в политическом регулировании, настаивали на том, что научное исследование политики связано с соблюдением принципа ценностной нейтральности. Однако и в этом плане противостояние было не абсолютным. С одной стороны, критика позитивистского видения целей, задач и методов политического познания раздавалась не только из лагеря нормативистов, но и исходила от ученых, занятых прикладными исследованиями. В основном она затрагивала те же самые «болевые точки»: вопросы о способности решать познавательные задачи и отношение к ценностным суждениям. С другой стороны, сами бихевиоральные теории развивались на определенном ценностном фоне, который, безусловно, оказывал влияние и на постановку научных проблем, и на расстановку акцентов в их решении.

Таким образом, границы, отделяющие неонормативизм от принципов позитивной политической науки, с одной стороны, и классического нормативизма, с другой, были достаточно размытыми. В общем и целом их можно обозначить следующим образом: наиболее важное разграничение между классическим и новым нормативизмом шло в русле оппозиции «умозрительно-спекулятивное постижение должного — конкретно-аналитическое познание сущего», а наиболее значимыми линиями демаркации с позитивной наукой служили дихотомии «нормативизм — эмпиризм» и «ценностная нейтральность — аксиологизм».

Постбихевиоральный нормативизм. В постбихевиоральный период дихотомии «эмпиризм — нормативизм» и «холизм — фрагментаризм», по сути, были преодолены, а вопросы о допустимости макротеоретических построений в политической науке и о ценностной нейтральности политических исследований — т.е. те основные пункты, в которых расходились оппоненты, — утратили остроту. Все эти черты перестали быть дискуссионными и уже рассматривались как основания спецификации нормативизма как особого теоретико-методологического подхода. В такой ситуации не могло не изменится отношение к нормативизму, который еще в недавнем прошлом воспринимался как главный оппонент позитивной политической науки. Это потребовало выработки нового подхода к его определению.

В качестве важной особенности рассматриваемого периода следует указать то, что на основе одного и того же представления о роли нормативности в политических процессах и политическом познании были созданы два существенно отличающихся друг от друга «образа нормативизма». Это произошло в результате попыток внутридисциплинарной саморефлексии и осмысления раз-

---

[271] «The American Political Science Review». 1959. Vol. 53. No. 4. P. 1120; цит. по: Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. С. 108.

вития политического познания на протяжении всего столетия, с одной стороны, и критического анализа в рамках постмодернизма оснований социального познания вообще и политического познания в частности, с другой.

Как уже говорилось, в рамках западной политической науки нормативизм последней трети XX в. обычно связывается с именами таких исследователей, как Дж. Роулз, Р. Нозик, Б. Бэрри, М. Уолцер, Р. Дворкин и др. Эти мыслители и в теоретическом, и в идеологическом плане существенно отличаются и друг от друга, и от неонормативистов (Л. Штрауса, И. Берлина, Х. Арендт и пр.). Основная особенность позиции этих исследователей заключается в том, что они — в отличие от неонормативистов 60-х гг. — не считают, что анализ сущностных черт политической реальности носит принципиально неприкладной характер. Напротив, они подчеркивают практический характер своих исследований и прагматическую значимость политико-философских построений вообще[272]. Новым в нормативизме этого образца было также переосмысление места политической философии и политической теории в мире политики. Регламентирующие претензии у генерации нормативистов постбихевиорального периода были значительно ниже, чем в у исследователей классического нормативизма и неонормативизма. Для данного варианта нормативизма характерно отношение к результатам макротеоретического познания не как к абсолютно значимой рекомендации, а как к одному из возможных факторов, которые учитываются при принятии политических решений.

Параллельно этому в последней трети XX в. тезис, что политическая мысль не может быть полностью сведена к эмпирической политической науке, но всегда предполагает и ориентированное на познание сущности политических явлений философско-теоретическое измерение, которое ни в коем случае нельзя игнорировать, получил статус положения, принятого на основе консенсуса научного сообщества политологов. Это разрешило проблему негативного отношения к макротеориям в политической науке. В этой связи следует упомянуть, что причину внутридисциплинарной раздробленности, доставшейся в наследство от бихевиорального периода, многие ученые объясняли именно отсутствием фундаментальных, макротеоретических разработок, способных составить ядро дисциплины, и в постбихевиоральный период эта точка зрения стремительно обретала популярность в политологическом сообществе. Активные попытки построить целостную макротеорию эмпирического характера также свидетельствовали о сближении прежних противников.

Осознание того, что противопоставление «позитивной» науки и нормативизма утратило актуальность, несомненно, было связано с рядом серьезных

---

[272] Так, например, Дж. Роулз — один из наиболее влиятельных политических мыслителей этого периода, утверждал, что польза от политической философии очень велика: она работает над разрешением фундаментальных вопросов, лежащих в основе всех политических противоречий в обществе, и тем самым обеспечивает возможность политической кооперации и достижения консенсуса. Теория справедливости, разработанная им самим, претендовала именно на статус практической философии, ориентированной не только на познание сущности политических процессов, но и на выработку политического курса и структуры желаемых институтов.

изменений, в частности, с осознанием нецелесообразности игнорирования аксиологических аспектов политической деятельности и признанием необходимости учета таких «переменных», как нормы и идеи. С одной стороны, изменение теоретико-методологических приоритетов привело к синтезу бихевиоральных и институциональных подходов в рамках неоинституционализма. Одним из последствий этого стало всеобщее признание неразрывной связи и взаимозависимости нормативного регулирования и политической реальности. В рефлективных теориях «власть нормы» понималась как фактор, существенно влияющий как на формально-институциональную политическую структуру, так и на поведение индивидов в реальном политическом процессе. В валюативных политических теориях она выступала как цель и основа институционального строительства, определяя также и «норму власти». С другой стороны, было достигнуто согласие в том, что оценочные суждения должны находиться в сфере внимания политической науки.

Признание необходимости учитывать нормы и ценности при политическом исследовании привело и к тому, что в последней трети XX в. началась активная разработка тех проблем, которые ранее, в период доминирования более жесткой сциентистской ориентации, были выведены за границы дисциплины как «нормативные». Аксиологическая составляющая политических исследований стала более выраженной — понятия «благо» и «справедливость», рассматриваемые в своей деонтологической направленности, вновь оказались востребованными и заняли центральное место в политических дискуссиях. Таким образом, не будет преувеличением говорить о «нормативизации» как одной из важнейших тенденций в развитии политической мысли постбихевиорального периода. Все это привело к определенной «фрагментаризации» в понимании нормативизма — все чаще политологи говорят не о нормативизме как целостном теоретико-методологическом подходе, а о неких «нормативных элементах», которые вполне сочетаются с «эмпирическими элементами» в ходе конкретных исследовательских проектов.

Что же касается постмодернизма, он строит решение проблемы нормативного регулирования и его роли в политическом бытии и политическом познании на двух постулатах. Во-первых, глобализируя «власть нормы», он признает ее принципиальной характеристикой эпохи «модерна» в целом и конвенционального типа политического познания в частности. Во-вторых, релятивизируя норму как способ фиксации социально значимой информации, постмодернизм отрицает общезначимость любого нормативного требования. Именно в очерченных этими постулатами пределах нормативизм трактуется как подчинение абсолютизируемым социальным, политическим, эпистемологическим и пр. нормам. Все нормативные установки рассматриваются не просто как регламентирующие, но как тотализирующий, навязывающие человеку строго определенные формы мышления и тем самым подчиняющие его внешнему диктату, принципиально лишающие его всякой подлинной свободы. Под такое понимание нормативизма подходят все теоретико-методологические подходы, ориентированные на поиск общезначимой истины, противостоять которым стре-

мится постмодернизм. Таким образом, в качестве сущностного признака нормативизма воспринимаются стандарты, являющиеся основой любой сформировавшейся научной дисциплины (вернее, само наличие подобных стандартов). Постмодернисты — как в свое время сторонники жесткого сциентизма — отнесли к категории нормативистов всех своих предшественников (включая позитивистов) и современников, не разделяющих предлагаемых ими познавательных установок. История повторилась, но на новом витке. Нормативизм опять оказался в ситуации, когда спецификация его неоднозначна и не носит консенсусного характера. Тем самым критика нормативизма ведется с позиций отрицания эссенциализма, познавательного универсализма и холизма. И в то же время он опять используется как инструмент демаркации в противостоянии различных эпистемологических моделей, причем одна из которых снова отказывает другой в легитимности на основании нормативного характера последней.

Итак, на основании анализа политической мысли XX в. при помощи модели «тройственной нормативности» можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, стало очевидным, что на протяжении столетия нормативность в западной политической науке постепенно усиливалась. Это проявилось, прежде всего, в тенденции к сциентизации политического познания, в становлении и укреплении «дисциплинарного образца» науки, на основании которого происходили стандартизация процесса научного познания как особого вида профессиональной деятельности и, соответственно, ужесточение регулирования процесса исследований как в содержательном, так и в организационном плане. При всех содержательных изменениях, которые претерпела «норма познания» на протяжении XX в., ее претензия на универсальную значимость, а следовательно, и на нормативность в рамках дисциплины оставалась неизменной. Даже в постбихевиоральный период она сохранилась, хотя и стала менее жесткой. Более того, к концу столетия была в полной мере осознана ее интегративная функция, а именно то, что наличие определенной «дисциплинарной нормы» может предотвратить распад политической науки на множество не связанных друг с другом сегментов.

Во-вторых, на протяжении всего двадцатого столетия нормативная проблематика — и, в частности, вопросы нормативного регулирования политического процесса и зависимости политики от деонтологической сферы — присутствовала в рамках самых различных теоретико-методологических подходов. При этом в рефлективных теориях акцент ставился на изучение «власти нормы», и деонтологическая сфера соотносилась преимущественно с формальными, кодифицированными правилами, а в валюативных теориях на первый план выдвигалась «норма власти», и в качестве основания долженствования выступали ценности.

В-третьих, несмотря на объективно присущую всем политическим исследованиям нормативность, многие ученые позиционировали себя в качестве противников нормативизма. При этом термин «нормативизм» в политологическом дискурсе применялся ситуативно, его содержательное наполнение изменя-

лось как в зависимости от изменения теоретико-методологических приоритетов, так и от конкретных эпистемологических задач. Атрибуты, использовавшиеся для характеристики нормативизма, оказывались неспецифичными и не могли служить основой для концептуализации последнего, поскольку в той или иной мере были присущи и всем другим теоретико-методологическим подходам.

Как показал анализ, проведенный при помощи модели «тройственной нормативности», спецификой нормативизма в западной политической науке XX в. можно считать то, что нормативность — независимо от намерений и оценок политологов — является существенной чертой политического познания. События наших дней позволяют остро ощутить актуальность темы нормативного регулирования в политике. Осознание важности нормативного измерения в постбихевиоральный период, снятие запретов на постановку проблем, связанных с анализом «власти нормы» и «нормы власти», является обнадеживающим признаком того, что борьба с нормативизмом, которая велась на протяжении двадцатого столетия, в третьем тысячелетии станет достоянием прошлого и будет связываться с издержками периода становления и ранних этапов развития политической науки.

Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. М., 1991. Вып. 2, 4.

Алексеева Т.А. Политическая философия Джона Роулса. М., 1991.

Алексеева Т.А. Роулс и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. М., 1995.

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.

Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. М, 1992.

Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997. № 6.

Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Американская социология. М., 1972.

Аптер Д.И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.

Арендт Х. Истина и политика. М., 2000.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Арендт Х. Традиции и современная эпоха // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1992. № 1.

Байме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1995. № 4.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961.

Белов Г.А. О системе политических наук и политологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1991. № 1.

Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002.

Берлин И. Философия свободы. М., 2001.

Бойцова О.Ю. Век антиномий: интеллектуальный контекст становления западной политической науки. М., 2003.

Бойцова О.Ю. Нормативизм в западной политической мысли XX в. // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2002. № 5.

Бойцова О.Ю. Нормативизм в западной политической мысли XX в.: добихевиоральный период. М., 2002.

Бойцова О.Ю. Нормативизм в западной политической мысли: проблема определения // Полис. 2003. № 6.

Бойцова О.Ю. Основные теоретико-методологические подходы в политической мысли XX в. — «Schola — 2001». М., 2001.

Бойцова О.Ю. Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2002. № 1.

Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.

Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. М., 1985.

Бутенко А.П. Политология как наука и как учебная дисциплина в современной России // Социально-политический журнал. 1993. № 9–10.

Бэрри Б. Изучение политики как призвание // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001.

Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Верченов Л.Н. Политическая наука: Национальные школы // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. М., 2001.

Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1992.

Власть. Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.

Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 1997.

Гаджиев К.С. Методологические принципы политологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3.

Гаженко Г.В. Гаэтано Моска: Концепция политической науки // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980.

Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997.

Галаганова С.Г., Фролова М.А. Современная западная политическая теория: Основные парадигмы исследования. М., 1993.

Галкин А. Становление политической науки: от философии политики к политическому моделированию. М., 1991.

Ган Д. Политическая наука в университетах США // Советское государство и право. 1988. № 9.

Ганнел Дж.Г. Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.

Готт В.С., Семенюк Э.Л., Урсул А.Д. Категории современной науки. М., 1984.

Гоулдман К. Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2000.

Грин Д.П., Шапиро Й. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора // Полис. 1994. № 3.

Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 2001. № 1.

Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. 2003. № 2.

Джемс У. Что такое прагматизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 3.

Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 1–3. М., 1990.

Зарубежная политическая наука: Методология, обучение, анализ политических процессов. М., 1994.

Зарубежная политология в XX столетии. Вып. 2. М., 2001.

Зинченко В.П. Наука — неотъемлемая часть культуры? // Вопросы философии. 1990. № 1.

Идеалы и нормы научного исследования / Сост. Степин В.С. Минск, 1981.

Ильин В.В. Политология. М., 2001.

Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

Ильин М.В., Коваль В.И. Что есть политика и что наука о политике (опыт нетрадиционного обзора) // Полис. 1991. № 4.

Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. 1996 № 4.

Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8.

Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997.

История социологии в западной Европе и США. М., 1999.

История теоретической социологии. Т. 1–4. М., 1997–2000.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Карминес Э.Г., Хакфельд Р. Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Комоцкая В.Д., Тихомирова Е.Б. Гарольд Дуайт Лассуэлл — классик американской политической науки // Социально-политические науки. 1990. № 11.

Консерватизм в США: прошлое и настоящее. М., 1990.

Королева Конопляная Г.Е. Западная политическая наука в XX веке. М., 1994.

Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. М., 2000.

Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика. Ч. I. Теория. М., 1920.

Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия. М., 1999.

Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества и морально-политическая философия Дж. Роулса. М., 1998.

Культурология XX век. Энциклопедия. СПб., 1998.

Культурология. XX век: Антология. Аксиология, или Философское исследование природы ценностей. М., 1996.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов н/Д., 2001.

Кюнг Г. Великие христианские мыслители. М., 2000.

Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967.

Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. 1990. № 11.

Левин В.Г. Природа системной детерминации. Самара, 1993.

Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник лаборатории постклассических исследований. М., 1994.

Макинтайр Э.Ч. После добродетели. М., 2000.

Малышева Н.С. Проблема предмета и содержания теории политики в политической науке США // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1992. № 3.

Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970.

Марченко М.Н. О политологии — науке и учебной дисциплине // Правоведение. 1989. № 5.

Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993.

Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5.

Миллер У.И. Политическое поведение: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992.

Миронов А.В., Руденко Р.И. Преподавание социологии и политологии: состояние, проблемы, перспективы // Социально-политический журнал. 1994. № 3–6.

Момджян К.Х. Введение в социальную философию М., 1997.

Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994.

Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.

Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1994.

Моска Г. Метод в политической науке // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. № 3.

Мухаев Р.Т. Политология. М., 1997.

Нельсон Б. Дж. Социальная политика и управление: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Никитина А.Г. О том, «как возможна» наука политология. Становление и основные методологические проблемы // Полис. 1998. № 3.

Ноак П. Что такое политика: Введение в науку о ней // Политическая наука. Теория и методология: Пробл.-тем. сб.. Вып. 2. М., 1997.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3.

Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологических концепций. М., 1977.

Оукшот М. Рационализм в политике. М., 2002.

Оффе К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999.

Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.

Пискотин М.И., Смирнов В.В. Политическая реформа и политическая наука // Советское государство и право. 1990. № 1.

Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Политическая мысль второй половины XX в: Хрестоматия для вузов / Сост. В.А.Мальцев. Пермь, 1999.

Политическая наука на рубеже веков. Вып. 4. М., 2000.

Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Политическая наука: проблема методологической рефлексии // Полис. 2001. № 6.

Политическая наука: теория и методология. Вып. 2. М., 1997.

Политическая наука США: Реферативный сборник. М., 1976.

Политическая наука. Теория и методология: Пробл.-тем. сб.. Вып. 2. М., 1997.

Политическая теория: Тенденции и проблемы: Сб. статей. Вып. 2. М., 1994.

Политология (70–80 годы). М., 1993.

Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.

Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2.

Пугачев В.П. Политология. Справочник студента. М., 1999.

Райкер У. Брожение 50-х гг. и развитие теории рационального выбора // Политическая наука на рубеже веков. Вып. 4. М., 2000.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб., 1997.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996.

Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Самсонова Т.Н. Чарльз Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. 1996. № 5.

Самсонова Т.Н. Концепция «правящего класса» Г.Моски // Социологические исследования. 1994. № 10.

Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: Любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1983.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

Сартр Ж.-П. О геноциде: Извлечения из речи на Расселовском Трибунале по военным преступлениям. 1968 год // Индекс. – http://index.org.ru/nb/2000/sartre.html.

Сартр Ж.-П. Пьесы. М., 1967.

Сартр Ж.-П. Стена. М., 1992.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.

Сваровская Е.Б. Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Философия и социология». Новосибирск, 1996. № 1.

Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов/Д., 1997.

Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная западная политическая мысль: «постпозитивистская революция». Н.Новгород, 1999.

Системный анализ и научное знание. М., 1978.

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Смирнов Г.А. Проблема непосредственого знания в истории философии и принципы формализации научных теорий // Вопросы философии. 1995. № 9.

Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб., 1998.

Сморгунов Л.В. Проблема легитимности в политической философии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1995. Вып. 2.

Современная западная социология: Словарь. М., 1990.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003.

Степин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996.

Стрпич Д. Структура политической науки // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. М., 2000.

Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.

Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Уальке Дж. Гуманитарное воспитание и специализация в области политических наук // Полис. 1996. № 4.

Уемов А.И. Системы и системные параметры // Проблемы формального анализа систем. М., 1968.

Фавр П. Политическая наука во Франции // Полис. 1996. № 6.

Фармер М. Рациональный выбор: Теория и практика // Полис. 1994. № 3.

Федосеев А.А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989.

Философия и аксиология. Велико Търново, 1993.

Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

Хайнеман Р.А. Введение в политическую науку // Политическая наука на рубеже веков. М., 2000.

Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. М., 1997.

Ценности культуры и современная эпоха. М., 1990.

Чавчавадзе П.Э. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.

Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001.

Шайтанов И. Жанровое слово у Бахтина и формалистов // Вопросы литературы. 1996. № 3.

Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992.
Шестопал Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.
Экзистенциализм // История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 4. М., 2000.
Эпистемология и постнеклассическая наука. М., 1992
Ядов А.М. Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
Alexander J.C. Formal and substantive voluntarism in the work of Talcott Parsons // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. № 2.
Alexander J.C. The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. L., 1984.
Almond G. Discipline divided: introducing political science. Newbury, 1990.
Almond G. Political theory and political science // The American Political Science Review. 1966. Vol. 60. № 4.
Bankroft G. The history of the United States. V. 1–10. Boston, 1834–1874.
Barents I. Political science in Western Europe. A trend report. L., 1961.
Barry B. The strange death of political philosophy // Democracy, power and justice. Oxford, 1989.
Beardsley P. Political science: The case of the missing paradigm // Political Theory. 1974. Vol. 2.
Becker C.L. Cornell university: founders and the founding. Ithaca, 1949.
Beume K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Opiaden, 1992.
Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American voter. N.Y., 1960.
Catlin G. The science and method of politics. Hamden (Conn.), 1964.
Chester N. Economics, politics and social studies in Oxford, 1900–1985. L., 1986.
Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association: 1949–1999. Dublin, 2000.
Cohen M.P., March J.G. Leadership and ambiguity: The American College President. Boston, 1974.
Corwin E. The Democratic Dogma and the Future of Political Science // American Political Science Review. 1929. Vol. 23.
Crawford S., Ostrom E. A Grammar of institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3.
Crick B. The American science of politics: its origins and conditions. Westpont (Conn.), 1982.
Critics and criticism / Ed. by R. S. Crane. Chicago, 1963.
Dahl R.A. Who governs? N.H., 1961.
Deutsch K. Major changes in political science (1952–1977). Boston, 1978.
Dunning W.A. A history of political theories. (3 Vols.), N.Y., 1902, 1905, 1920.
Duverger M. Sociologie de la politique. Elements de la science politique. P., 1973.
Dworkin R. A matter of principle. Cambridge (Mass.), 1985.
Dworkin R. Taking rights seriously. L., 1977.
Easton D. Political science in the United States: past and present // Divided knowledge: across cultures, across disciplines / Ed. by D. Easton and C. Schelling. Newbury, 1991.
Easton D. The analysis of political structure. N.Y., 1990.
Elliott W. The possibility of a science of politics: With special attention to methods suggested by William B. Munro and George E.G. Catlin // Methods in social science / Ed. by S. Rise. N.Y., 1931.

Elster J. The possibility of rational politics // Political theory today / Ed. by D. Held. Oxford, 1991.

Eulau H., Prewitt K. Labyrinths of democracy. Indianapolis, 1973.

Eulau H. Segments of political science most susceptible to behavioral treatment // The limits of behavioralism in political sciences. Philadelphia, 1962.

Ferguson Y.H., Mansbach R.W. The state, conceptual chaos and the future of international relations theory. Boulder, 1989.

Freeman D.M. The making of a discipline // The theory and practice of political science / Ed. by W. Crotty Evanston, 1991. Vol. 1.

Freeman E. Comparative politics. N.Y., 1873.

Gablentz von der O. H. Politische Forschung. Beitrage zum zehnjahrigen Bestehen des Instituts fur Politische Wissenschaft. Koln-Opiaden, 1960.

Gosnell H. Machins politics. Chicago style. Chicago, 1927.

Gunnell J. Political theory and political science. The Blackwell Encyclopedia of political thought. N.Y., 1987.

Haddow A. Political science in American colleges and universities 1636–1900. N.Y., 1939.

Hall P.A. Governing the economy. N.Y., 1986.

Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the four new institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44.

Handbook of political science / Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Vol. I–VIII. Reading (Mass.), 1975.

Handbuch Politikwissenschaft. Reinbek bei Hamburg, 1987.

Hull C.L. Principles of behaviour. An introduction to behaviour theory. N.Y., 1943.

Jaspers K. Vernunft und Existenz. Wien, 1935.

Karl B. Charles E. Merriam and the study of politics. Chicago-L., 1974.

Kymlicka W. Liberalism, community and culture. Oxford, 1989.

Lasswell H. A study of power. Glencoe, 1950.

Lasswell H.D. Politics: Who gets what, when, and how. N.Y., 1936.

Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. N.Y., 1935.

Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society: A framework for political inquiry. New Haven, 1950.

Lazarsfeld P.F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice. N.Y., 1944.

Lenk K. Politische Wissenschaft. Stuttgart, 1975.

Levi M. A logic of institutional change // The limits of rationality / Ed. by K.S. Cook, M. Levi. Chicago, 1990.

MacIntyre A. After virtue. L., 1981.

Maier G. Politische Wissenschaft. Deutschland. Munchen, 1969.

March J., Olsen J. Rediscovering institutions. The organizational basis of politics. L., 1989.

March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78.

Marsh D., Rhodes R.A.W. Policy communities and issue networks: Beyond typology // Policy networks in British government / Ed. by D. Marsh, R.A.W. Rhodes. Oxford, 1992.

Melanson Ph. Political science and political knowledge. Washington, 1975.

Merriam Ch. New aspects of politics. Chicago-L., 1970.

Merriam Ch. Prologue to politics. Chicago, 1939.

Merriam Ch. The marking of citizens. Chicago, 1931.

Merriam Ch. The present state of the study of politics // American Political Science Review. 1921. № 15.

Meyer J.W., Rowan B. Institutional organisations: Formal structure as myth and ceremoniy // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83.

Michels R. Gaetano Mosca und seine Staatstheorien // Schmoller's Jahrbuch. Munch.-Lpz., 1929. Jg. 53. H. 5.

Miller D. The resurgence of political theory // Political Studies. 1990. Vol. 38.

Noack P. Was ist Politik?: Eine Einfuhrung in ihre Wissenschaft. Munchen, 1987.

North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1990.

Nozick R. Anarchy, the state, and utopia. N.Y., 1974.

O'Donnell G. Delegative democracy // Journal of democracy. Wash., 1994. Vol. 5 № 1.

Ostrom E. Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. N. Y., 1990.

Ostrom E. Rational choice theory and institutional analysis: Toward complementarity // American Political Science Review. 1991. Vol. 85.

Philosophy, politics and society / Ed. by P. Laslett. Oxford, 1956.

Political science in history / Ed. by J. Dryzek, J. Farr, S. Leonard. Cambridge, 1995.

Political science: The science of politics / Ed. by H.Weisberg. N.Y., 1986.

Political science: The state of the discipline / Ed. by A. Finifter. Washington, 1983.

Political science: The state of the discipline II / Ed. by A. Finifter. Washington, 1993.

Politics and consensus in modern Britain. L., 1988.

Politikwissenschaft: Eine Grundlegung / Hrsg. v. K. von Beyme. Stuttgart-Berlin-Koln-Mainz, 1987.

Rogowski R. Rationalist theories of politics: A midterm report // World Politics. 1978. Vol. 30.

Sandel M. Liberalism and the limits of justice. Cambridge, 1982.

Shepsle K. Studying institutions: Some lessons from the rational choice approach // Journal of Theoretical Politics. 1989. Vol. 1. № 2.

Somit A., Tanenhaus J. The development of American political science. N.Y., 1982.

Taylor C. Can liberalism be communitarian? // Critical Review. 1994. Vol. 8.

Taylor C. Sources of the self. Cambridge, 1990.

The development of political science: A comparative survey / Ed. by D. Easton, J.G. Gunnell, L. Graziano. L., 1991.

The role of theory in comparative politics: A symposium // World politics.

О. Ю. БОЙЦОВА

ВЛАСТЬ НОРМЫ И НОРМА ВЛАСТИ

О специфике нормативизма в западной политической науке XX века

Издательство «Современные тетради»
ЛР № 040548 от 30.12.97 г.

Подписано в печать 04.06.04 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Объем 160 с. Тираж 500 экз.

ГП ОТГ, з. 2537

БОЙЦОВА Ольга Юрьевна

– кандидат философских наук, доцент кафедры истории социально-политических учений философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавательской деятельностью занимается с 1998 г., до этого времени работала научным редактором в центральных издательствах (подготовила к изданию более 20 книг по философии, политологии и религиоведению), консультантом в Рабочем центре экономических реформ при правительстве РФ. В Московском университете читает авторские курсы «История политических учений XX в.», «Западная политическая наука конца XX в.» и др. Опубликовала несколько переводов, пособие «Анализ и обработка научных текстов», а также ряд научно-исследовательских и учебно-методических работ по истории политической мысли.